

ОГОНЁК

№ 36 СЕНТЯБРЬ 1969

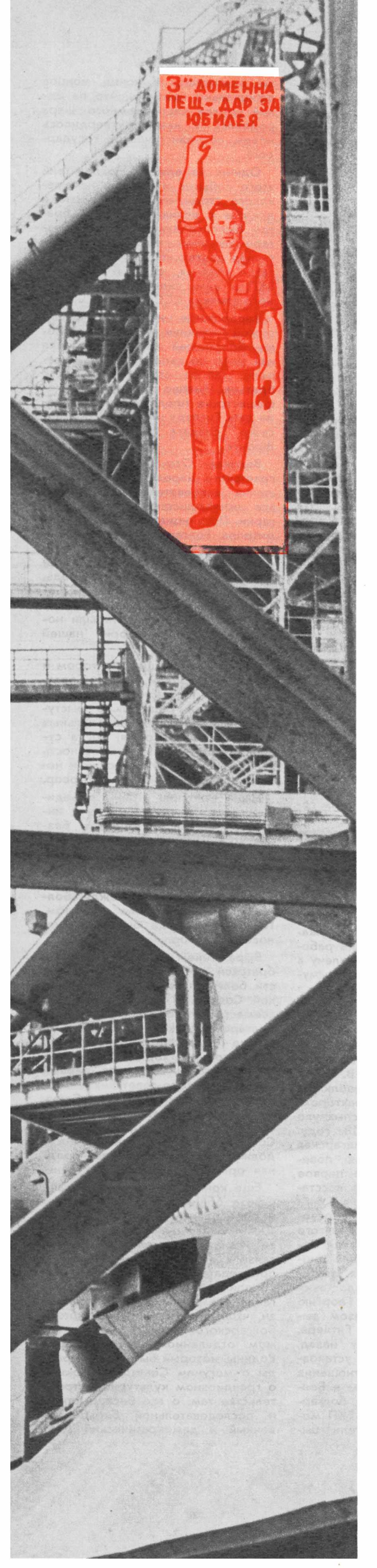
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЕМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ БОЛГАРИЮ С 25-ЛЕТИЕМ!

СЪРДЕЧНО ПОЗДРАВЯВАМЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКА БЪЛГАРИЯ С 25-ГОДИШНИНАТА!

Школьница из Варны
Майя Назырова.

НЕПОКОЛЕБИМАЯ ВОЛЯ

Редакция журнала «Огонек» обратилась к Первому секретарю ЦК БКП, Председателю Совета Министров НРБ товарищу Тодору ЖИВКОВУ с просьбой ответить на вопрос о международном значении строительства социализма в Болгарии.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ УСПЕШНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИЗМА В НАШЕЙ СТРАНЕ ИМЕЕТ ТРИ ГЛАВНЫХ АСПЕКТА:

ВО-ПЕРВЫХ, СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В БОЛГАРИИ, ПРОИСХОДЯЩЕЕ ПОД ВЕЛИКИМ ЗНАМЕНЕМ УЧЕНИЯ МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА, ЕЩЕ РАЗ ПОДТВЕРЖДАЕТ ЖИЗНЕННУЮ ПРЕОБРАЗУЮЩУЮ СИЛУ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА, НЕОГРАНИЧЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ.

ВО-ВТОРЫХ, СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И В БОЛГАРИИ ПОДТВЕРДИЛО ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ И ВСЕОБЩУЮ ОБЯЗАТЕЛЬНОСТЬ ОСНОВНЫХ ПРИНЦИПОВ И ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА, ВПЕРВЫЕ ОТКРЫТЫХ И ОСУЩЕСТВЛЕННЫХ НА ПРАКТИКЕ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ.

В-ТРЕТЬИХ, НАШ 25-ЛЕТНИЙ ОПЫТ — КАК ЧАСТЬ ОПЫТА СТРАН, В КОТОРЫХ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ БЫЛ УСТАНОВЛЕН СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ СТРОЙ,— НЕОПРОВЕРЖИМО ПОДТВЕРЖДАЕТ ТУ ИСТИНУ, ЧТО УСПЕШНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО СОЦИАЛИЗМА В ОДНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СТРАНЕ ЯВЛЯЕТСЯ ВОЗМОЖНЫМ ЛИШЬ ПРИ НАЛИЧИИ САМЫХ ТЕСНЫХ СВЯЗЕЙ С СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ И ДРУГИМИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМИ ГОСУДАРСТВАМИ.

В РАДОСТНЫЕ ДНИ НАШЕГО ЧЕТВЕРТЬВЕКОВОГО ЮБИЛЕЯ БОЛГАРСКИЙ НАРОД ПРЕИСПОЛНЕН ГОРДОСТЬЮ ЗА ДОСТИГНУТЫЕ УСПЕХИ И НЕПОКОЛЕБИМОЙ ВОЛЕЙ ПРОДОЛЖАТЬ ПУТЬ, НАЧАТЫЙ НАМИ 9 СЕНТЯБРЯ 1944 ГОДА.

Т. ЖИВКОВ

Третья доменная печь Кремиковского металлургического комбината — трудовой подарок к 25-й годовщине социалистической Болгарии.

Фото В. Николаева.

Основан 1 апреля 1923 года

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 36 (2201)

6 СЕНТЯБРЯ 1969

Так встречала Болгария советских воинов-освободителей в 1944 году.
Фото С. Короткова.

СВЯТА И НЕРУШИМА

Цола **ДРАГОЙЧЕВА**,
член Политбюро ЦК БКП,
председатель
Всенародного комитета
болгаро-советской дружбы

Нет ни одного болгарского патриота, сердце которого на пороге славного юбилея — 25-й годовщины нашей социалистической революции не было бы преисполнено благодарности и признательности к великому советскому народу — народу, который под высоко поднятым знаменем марксизма-ленинизма прокладывает путь всему человечеству к социализму и коммунизму.

Болгаро-русская и болгаро-советская дружба — ровесница наших народов. Ее глубокие корни уходят в душу народа, слова о ней на обоих языках высечены одинаковыми знаками письменности Кирилла и Мефодия. Эта дружба скреплена совместно пролитой кровью русских богатырей и болгарских ополченцев на Шипке и у Плевны, общей революционной борьбой, которую вели наши народы под руководством своих коммунистических партий.

Эта дружба вступила в новый этап благодаря деятельности основателя революционной марксистской партии, которая позднее превратилась в Болгарскую коммунистическую партию, Димитра Благоева и его верных соратников Георгия Киркова, Георгия Димитрова, Васила Коларова и других.

Озаренная светом Октябрьской социалистической революции, эта дружба окрепла еще больше, наполнилась глубоким классовым содержанием.

Новую силу болгаро-советской дружбе дали ленинские лозунги Октября и призыв болгарских коммунистов: «По примеру русских братьев, по примеру большевиков!»

Болгарская коммунистическая партия росла и мужала, вооружаясь идеями ленинизма, она работала и боролась плечом к плечу в нерушимом единстве с Коммунистической партией Советского Союза, с ней она шла нога в ногу и в бури и в солнечные дни. Вместе с КПСС наша партия стала одной из учредительниц III, Коммунистического Интернационала. Вера в дело и идеи В. И. Ленина и Октябрьской революции явилась тем могучим фактором, под влиянием которого вспыхнуло восстание солдат в 1918 году. Учась у большевиков, Болгарская коммунистическая партия повела народы в 1923 году на первое народное антифашистское восстание в мире.

В период с 1923 года до освободительного восстания Девятого сентября 1944 года Советский Союз стал второй родиной для многих болгарских партийных деятелей. Советский Союз предоставил советское гражданство Георгию Димитрову и таким образом вырвал его из кровавых лап Гитлера.

Тридцать пять лет тому назад, 23 июля 1934 года, были установлены дипломатические отношения между Советским Союзом и Болгарией. Под давлением болгарского народа во главе с БКП монархо-фашистские правители были вынуждены в конце концов официально признать, что на одной шестой части земного шара родилось и навеки утвердилось новое, социалистическое государство.

Одним из важных последствий этого события и выражением векового стремления к близости и дружбе с великим русским братом было создание в стране болгаро-советских обществ. Их активная деятельность была результатом влияния, силы и политики БКП, а также силы и международного влияния СССР.

Вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз болгарский народ воспринял как удар по своей родине и всецело стал на сторону советских братьев. Именно потому монархо-фашистские предатели не посмели дать Гитлеру ни одного болгарского солдата для Восточного фронта.

Великая Отечественная война советского народа против фашистских завоевателей объединила все антифашистские силы в Болгарии. По инициативе Георгия Димитрова Болгарская коммунистическая партия сплотила все патриотические силы в Отечественный фронт, а они, в свою очередь, опираясь на победы славной Советской Армии, одержали победу Девятого сентября и открыли новую страницу в истории нашей страны.

Являясь решающим фактором и силой на мировой арене, Советский Союз на Парижской мирной конференции решительно выступил в защиту наших национальных интересов в то время, когда существовала реальная опасность навязать Болгарии жестокий и несправедливый мирный договор.

Наши братские страны объединились для сотрудничества в интересах всеобщего мира и безопасности, взаимоотношения между ними переросли в союзные, и 18 марта 1948 года был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между Болгарией и Советским Союзом. 12 мая 1967 года был заключен новый Договор.

Выражением вековой дружбы, братской любви и признательности болгарского народа к великой Советской стране было повсеместное создание обществ болгаро-советской дружбы в стране непосредственно после Девятого сентября 1944 года. В 1946 году состоялся первый съезд болгаро-советских обществ, объединенных в Союз. В своем приветствии съезду Георгий Димитров подчеркнул, что Союз болгаро-советских обществ должен развиваться как всенародная организация в нашей стране.

Еще конкретнее и яснее задачи Союза обществ были поставлены и определены в беседе Георгия Димитрова с руководством Союза обществ в апреле 1947 года в связи с его избранием почетным председателем Союза: «Тут необходима систематическая пропаганда, всемерные культурные связи, чтобы не осталось ни одного болгарского патриота даже в самом отдаленном уголке нашей Родины, который бы не знал правды о могучем Советском Союзе, о грандиозном культурном строительстве там, о его бескорыстной и последовательной борьбе за вечный и демократический мир,

против поджигателей новых грабительских войн, о его роли нашего верного друга и защитника».

В качестве важного вспомогательного органа ЦК БКП был создан Всенародный комитет болгаро-советской дружбы.

Динамика советской жизни, величественные достижения по претворению в жизнь Программы КПСС, решений XXIII съезда КПСС и Пленумов ЦК КПСС ставят перед нами все новые и новые задачи по ознакомлению нашего народа с советскими успехами. Наш комитет в своей пропаганде обращает особое внимание на авангардную роль Советского Союза в защите мира в Европе, на Балканах и во всем мире, на руководящее место КПСС в борьбе с идеологической диверсией империализма.

Многообразны каналы, по которым проходит изучение опыта новаторов и передовиков советской промышленности, сельского хозяйства, науки и культуры. К нам приезжают выдающиеся производственники и известные мастера своего дела в области металлургии, транспорта, горного дела.

Особое место занимают Дни дружбы.

С 1960 года Всенародный комитет дважды провел дни советского сельского хозяйства, дни советской науки и техники. Всего, например, в дни советской науки и техники было проведено 31 601 мероприятие, в которых участвовало приблизительно три миллиона человек.

Волнующим выражением нашей дружбы являются также декады советской культуры. Так, мы провели декады, посвященные РСФСР, Украинской, Белорусской, Узбекской, Азербайджанской, Армянской союзным республикам.

Недавно принято Постановление ЦК БКП о праздновании 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина.

Накануне этой замечательной даты повсюду в стране — в городах и селах, на предприятиях и стройках, в школах, высших учебных заведениях, научных институтах, частях Народной армии — будут организованы собрания, теоретические конференции, симпозиумы, беседы, лекции, семинары, а также устраиваются выставки, фотовитрины, кинолектории.

Всенародный комитет болгаро-советской дружбы совместно с другими общественными организациями проведет месячник болгаро-советской дружбы и созовет юбилейную сессию, посвященную жизни и деятельности В. И. Ленина.

«Дружба и единство Народной Республики Болгарии и Советского Союза святы и нерушимы. Это один из самых дорогих заветов, оставленных партии и народу Георгием Димитровым, тысячами героев, павших в борьбе за свободу и социализм. Союз между Болгарией и Советским Союзом — символ нашей свободы, независимости и коммунистического будущего—нынешние и будущие болгарские поколения будут беречь как наше самое дорогое завоевание»,— так выразил товарищ Тодор Живков в своем докладе на IX съезде Болгарской коммунистической партии нашу любовь и признательность к дважды освободителю — народу вашей страны.

СЛОВО ОТВЕТСТВЕННОМУ СЕКРЕТАРЮ АГЕНТСТВА СОФИЯ-ПРЕСС

В ВЕЛИКОЙ СЕМЬЕ

Христо КОНСУЛОВ

Оглядываясь на четвертьвековой путь социалистической Болгарии, мы, болгарские патриоты, не можем не радоваться огромным успехам во всех областях общественно-политической, экономической, культурной жизни своей Отчизны. Нельзя оставаться равнодушным, зная, что промышленность Народной Республики Болгарии за десять дней производит столько продукции, сколько за весь 1939 год, а электростанции за 7 дней — столько энергии, сколько давали все электростанции страны за тот же 1939 год. Не может не вызывать удовлетворения то, что у нас полностью ликвидирована неграмотность и болгарский народ стоит на пороге всеобщего обязательного среднего образования. Мы гордимся расцветом культуры, бесплатным медицинским обслуживанием и тем, что все уголки солнечной Болгарии преобразились...

Нас радуют и успехи друзей в социалистических странах, особенно в Советском Союзе. Радость друзей — это и наша радость.

А когда друзья делятся с нами своими заботами или когда до нас доходят дурные вести из их стран, то и нас охватывает тревога. Когда было совершено пиратское нападение на Кубу в районе Плайя-Хирон, то нам казалось, что враг напал на Солнечный берег или Золотые пески. Когда мы узнавали об очередной варварской бомбардировке мирных городов и сел Вьетнама, то нам казалось, что враг бомбит наши цветущие города и села. Когда контрреволюционные подонки глумились над лучшими сынами венгерского народа в октябре 1956 года и вонзали штыки в их сердца, то нам казалось, что вонзают штыки в наши сердца, посягают на все светлое, что есть в наших душах. Посягательство на социалистический строй в любой социалистической стране мы воспринимаем как посягательство на наш мирный труд, на все то, что наш народ создал своими руками за 25 лет. Провокации маоистских налетчиков на советско-китайской границе вызывают возмущение и у нас...

Болгарский народ не раз выражал чувства интернациональной солидарности с народами братских стран, где социалистическим завоеваниям угрожала опасность. И не только выражал свою солидарность, но и старался им помогать.

Иначе и быть не могло. Ибо «социалистическая система основывается на общности социально-экономического строя, на совпадении коренных интересов и целей входящих в нее стран. Эта общность — залог преодоления имеющихся трудностей, дальнейшего укрепления единства системы социализма на принципах марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма»,— сказано в Документе Московского Совещания.

У нас и у вас есть пословица о том, что друг познается в беде. За истекшие двадцать пять лет болгарский народ не раз в трудные минуты имел возможность узнать, кто его истинные друзья.

Еще не кончилась война, еще дымились пожарища на истерзанной советской земле, а Советский Союз отправлял в Болгарию хлопок и нефть, металл и продовольствие. А затем потянулись составы с оборудованием для целых заводов и электростанций, со средствами транспорта и сырьем для молодого социалистического государства.

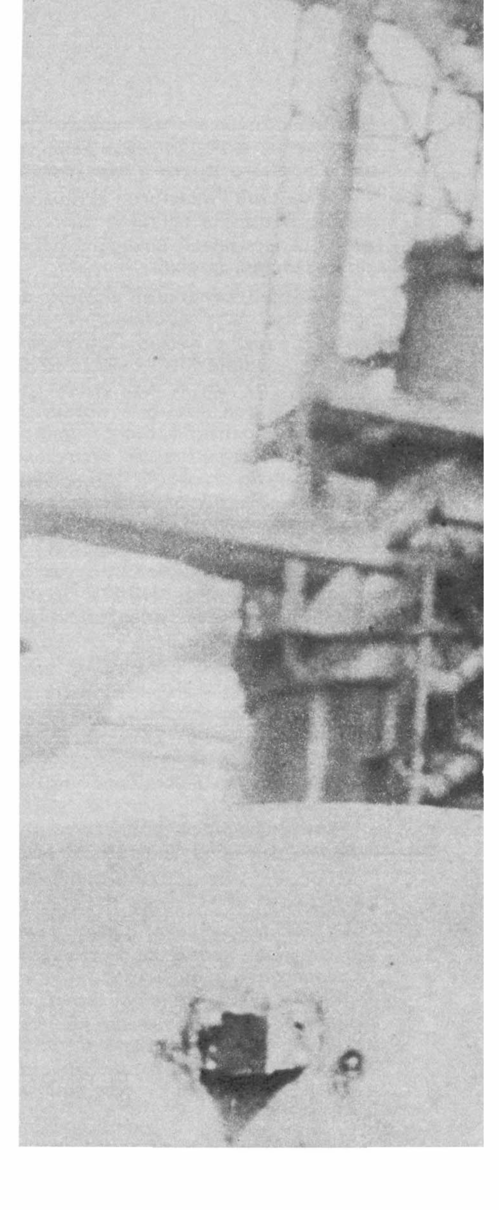
150 крупных предприятий на болгарской земле символизируют собой болгаро-советскую дружбу, они — ее живые памятники. Сегодня реки и горные потоки перехвачены каменными и бетонными стенами плотин, и живительная влага многочисленных водохранилищ орошает наши поля. Сегодня недра Родоп, Средна-Горы, Осогово, Стара-Планины раскрыли свои природные богатства, в Мизии хлынули из-под земли фонтаны нефти, а Добруджа стала житницей Болгарии. Все это стало возможным благодаря самоотверженному труду болгарского народа и, конечно, дружбе и сотрудничеству с социалистическими странами и в первую очередь с Советским Союзом.

Наша братская дружба окрепла в совместном труде, в созидании социалистического строя. Когда участники Московского Совещания коммунистических и рабочих партий твердо заявили в июне этого года, что защита социализма — интернациональный долг коммунистов, то они имели в виду защиту этого строя, претворяющего в жизнь великие идеи марксизма-ленинизма. Они имели в виду, что империалисты будут пытаться вбить клин между социалистическими странами, разъединить семью социалистических народов, они имели в виду снисходительные улыбки на лицах лидеров империалистических стран и их обычай похлопывать по плечу партнеров во время визитов в другие страны.

В нерушимости дружбы и сотрудничества между социалистическими странами — гарантия дальнейшего процветания любого социалистического государства, прочного единства и сплоченности братских народов.

Некогда Маяковский, высоко подняв над головой красный советский паспорт, во всеуслышание заявил: «Читайте, завидуйте, я — гражданин Советского Союза». Сегодня и мы, болгары, подняв высоко свой, болгарский паспорт, с такой же гордостью можем заявить: «Читайте, завидуйте! Мы — граждане маленькой солнечной Болгарии и великой социалистической семьи».

СОЛНЦЕ, СТАЛЬ И ЖИВАЯ ВОДА

В. НИКОЛАЕВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Царь Борис и болгарский атом

Не много найдется стран с такой благодатной природой, как в Болгарии. Солнце здесь доброе, земля тучная, недра богатые, воды чистые и обильные. Зеленые вершины и холмы обрамляют плодородные долины, в которых зимой не холодно, а летом не жарко. А совсем рядом, в горах, лежит снег, и там несколько месяцев подряд можно кататься на лыжах. Черное море ласкает Болгарию с востока, с севера ее омывает щедрый Дунай, а с запада и юга высятся горы, надежно сохраняя в долинах влагу и тепло.

Когда к такой земле приложит свои руки человек, то она превращается в цветущий сад. И действительно, душистая роза стала символом страны. И уже издавна называли Болгарию огородом Европы.

Была в этом определении какая-то доля снисходительности. Целая страна и всего-навсего — огород! Пусть и огромный, и богатый, и возделанный руками искусных земледельцев... Да, климат климатом, а болгарский крестьянин—непревзойденный мастер своего дела и в огороде, и в саду, и в поле. В Добрудже, например, этом пшеничном крае, на площади более чем в сто тысяч гектаров сегодня получают средний урожай по сорок три центнера с гектара, а в отдельных бригадах урожай доходит до восьмидесяти центнеров!

Совсем недавно, каких-нибудь четверть века назад, вот такая благодатная страна была одной из самых отсталых и нищих в Европе. Тогда Болгария ввозила металл даже для гвоздей и мотыг. Не мудрено, что основным орудием производства в сельском хозяйстве была деревянная соха. Аграрная Болгария целиком зависела от иностранного капитала, в стране вообще не было ни металлургической, ни химической, ни крупной машиностроительной промышленности. Все шло так, как изволил определить болгарский царь Борис, сказавший, что «лить сталь и чугун, делать машины, строить суда не наше дело».

Сегодня, в сентябре 1969 года, в канун 25-летия социалистической Болгарии, нельзя без улыбки читать это высказывание. И в то же время нельзя без восхищения смотреть на те гигантские свершения, каких болгарский труженик достиг за четверть века, начав буквально с ничего, от нулевой отметки. Один из многих тому примеров — Кремиковский металлургический комбинат, необозримой громадой раскинувшийся неподалеку от Софии.

Здесь испокон века жили земледельцы-бедняки. С косами через плечо и с просяной лепешкой в торбе они грустно оживляли деревенский пейзаж Софийского поля. Но была в этом крае и поговорка о том, что местное железо «ржавчина не берет и ножи, сделанные из него, звенят — не ломают кость, а режут ее». Много веков назад фракийцы, римляне, византийцы ковыряли здесь землю. Многие века рудознатцы бродили здесь и взывали: «Земной дух, заклинаю тебя во имя пресвятой Троицы, раскрой свои сокровища!»

В конце прошлого и в нынешнем веке было несколько бесплодных попыток добраться до богатств местных недр. Только в новой Болгарии новые люди, строители социализма, добыли народу его же сокровища. Это произошло у села Кремиковцы, давшего имя всему комбинату, которому суждена была роль станового хребта в двадцатилетнем перспективном плане развития страны.

Дух захватывает, когда видишь Кремиковский комбинат. Широкие автострады ведут здесь, в этом царстве металла, от цеха к цеху, от объекта к объекту. И пешком по этим асфальтовым дорогам много не находишься: сил не хватит. На машине и то не скоро объедешь основные центры комбината: рудник, доменные печи, прокатные станы, электропечи, коксохимический завод, трубопрокатный цех, ТЭЦ и многое-многое другое.

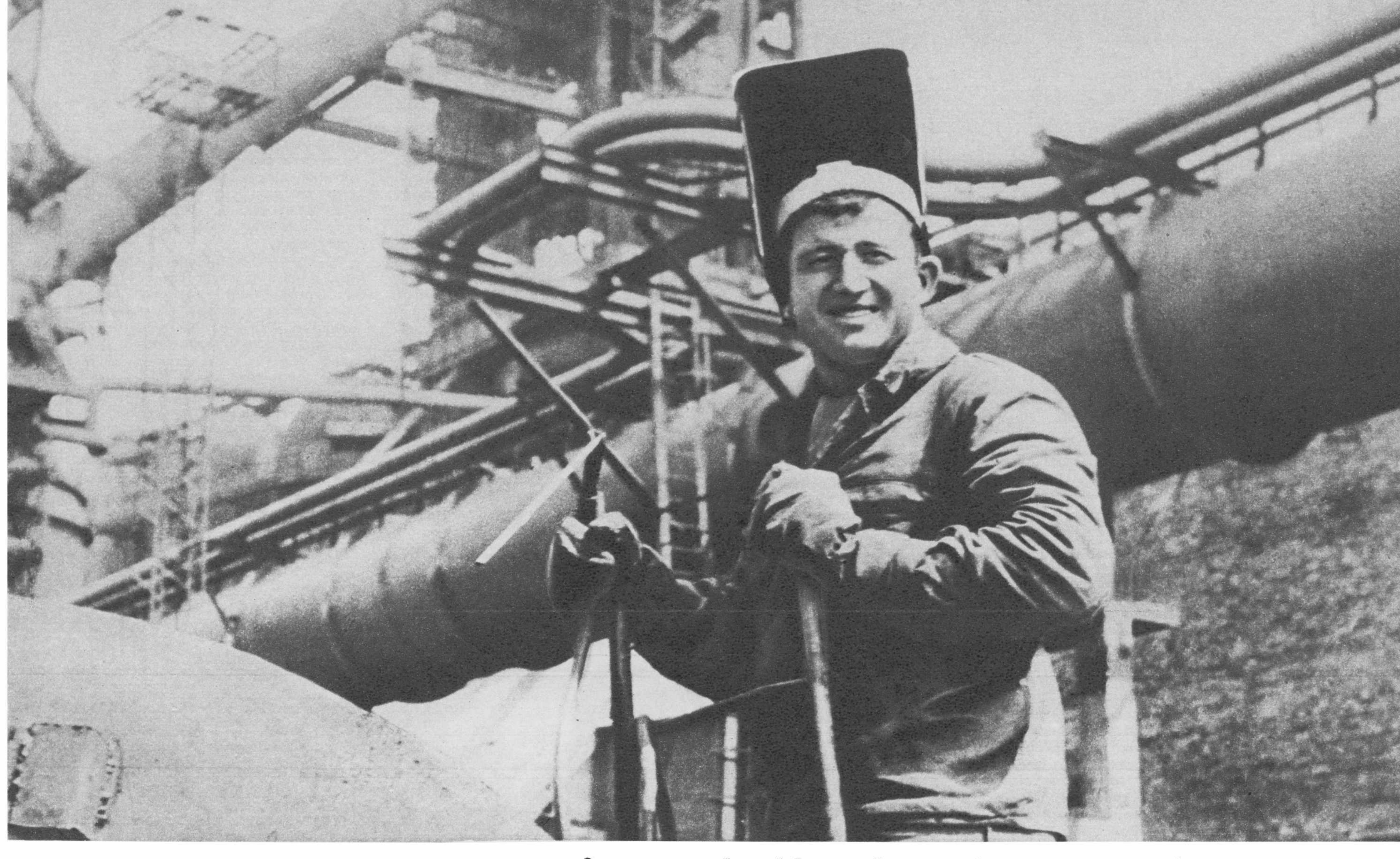
Лучше всего посмотреть на комбинат сверху, благо высоченных громадин здесь хоть отбавляй. Было бы только желание да сила в руках и ногах, чтобы карабкаться по вертикально уходящим ввысь металлическим лестницам. С высоты доменной печи № 3 мне показывает комбинат комсомолка Надежда Филева-Среткова. Еще выше нас с ней — огромный транспарант, возвещающий о том, что эту очередную печь комбинат сдает к великому празднику болгарского народа — 9 сентября.

Надежде 25 лет. Можно сказать, что она выросла на комбинате. Училась и вот уже шесть лет работает здесь изолировщицей. Я забрался к ней на верхотуру, когда она наряжала в последние изоляционные одежды уже почти готовую к сдаче домну. Комбинат — вся ее жизнь. Здесь же полюбила, вышла замуж за бульдозериста. Здесь же пошли дети: две дочки, трех и семи лет (обе в детском саду).

Ей, красивой и задорной, кажется в порядке вещей, что она, молодая болгарка, сидит на верхушке гигантской домны и работает там, ловко разбираясь в хитром сплетении каких-то труб. Посмотрел бы на нее царь Борис! Как без него и вопреки ему высоко поднялась Болгария и вместе с ней болгарская женщина и каким диким анахронизмом стал незадачливый царь всего лишь за четверть века!

Все крупные металлургические предприятия похожи друг на друга. Ничего не поделаешь — общие законы современной технологии. Но в дни пребывания на заводе мне с какой-то особой торжественностью виделся со стороны могучий процесс рождения металла. Его ослепительный свет, нестерпимый жар и реактивное гудение в печах. Его грохот и скрежет на прокатных станах. Его тяжелое и горячее дыхание, когда он уже укрощен и только что превращен в стальные листы.

И когда мое, казалось, бесконечное путешествие по комбинату оборвалось у остывающего листа стали, я решил продолжить свой путь и отправиться в дорогу за этим листом. И она привела меня в противоположный конец Болгарии, к берегам Черного моря, на судостроительный завод имени Георгия Димитрова в городе Варне. Здесь всегда с нетерпе-

Электросварщик Георгий Тодоров. Кремиковский металлургический комбинат.

Фото М. Кожухарова.

нием ждут продукцию Кремиковского комбината, потому что строят из нее корабли.

Кто знаком с техникой, тот знает, что развитое кораблестроение — одно из главных свидетельств промышленного прогресса страны. А кто знаком с современной историей Болгарии, тот знает, что к 9 сентября 1944 года у нее не было ни флота, ни судостроительной промышленности. Несколько имевшихся раньше кораблей погибло в войну. А на месте теперешнего завода-гиганта были убогие судоремонтные мастерские.

В начале 60-х годов тоннаж болгарского флота перевалил за сто тысяч, и поэтому страна была официально зачислена в число морских держав. Сегодня тоннаж болгарского флота приблизился к одному миллиону тонн. Через несколько лет он достигнет пяти миллионов. В этих свершениях и планах не обошлось и никак не обойдется без судостроительного завода имени Георгия Димитрова.

Час за часом водит меня по заводу инженер Румен Калоянов. Он еще молод, окончил институт здесь же, в Варне, пять лет назад. Его рабочее место носит довольно мудреное название: масштабно-оптическое бюро. Он руководит технологической группой. Здесь зарождается будущий корабль, и отсюда мы начинаем наше путешествие по заводу.

Умная и сложная машина вычерчивает контуры будущего корабля. Но для того, чтобы машина их вычерчивала, человек должен ее запрограммировать. Должен в ее пока еще бездействующий и холодный металлический разум вдохнуть жизнь, передать ей импульсы своих нервных клеток и жар души и сердца. И нужно быть при этом не просто хорошим специалистом, а отличным. Ибо, чем лучше, опытнее, талантливее программист, тем более тонкие, хитрые и точные кривые вычертит машина. А потом по этим кривым нарежут листы обшивки будущего корабля, сделают его обводы... Короче говоря, простые задачи поставить перед этой машиной — дело нехитрое. А вот в кораблестроении есть такие кривые, перед сложностью которых пасует самый тонкий математический расчет.

Когда на заводе стали осваивать эту машину, рассказывает мне Румен Калоянов, то из судостроительного центра ФРГ дошли до Варны скептические смешки. Опытные западногерманские специалисты были убеждены, что болгары еще долго не смогут сами задавать новейшей машине нужные программы. Вскоре скептики из ФРГ получили из Варны остроумный, а потому и еще более убедительный ответ. На хорошем чертежном листе бумаги была искусно изображена купающаяся женщина. Ее нарисовала все та же машина по программе, составленной болгарскими специалистами. Ясно, что программист, научивший машину вот так рисовать, в силах научить ее вычерчивать все нужные для кораблестроения кривые. Я пишу эти строки и с улыбкой смотрю на чуть озорной рисунок, который машина быстро изобразила в моем присутствии и который затем был мне подарен.

Кстати, скептиков из ФРГ давно уже разубедили и другим путем: по западногерманским заказам завод строит отличные корабли. Строит он и для Советского Союза, Польши, Норвегии, многих других стран и, конечно, для Болгарии. И суда немалые. Сейчас — до десяти тысяч тонн водоизмещением. В будущем году будет строить и более двадцати тысяч тонн.

Кремиковский металлургический комбинат и судостроительный завод имени Георгия Димитрова — это только два из многих индустриальных гигантов новой Болгарии. За год в стране производится полтора миллиона тонн стали, миллион тонн проката, около пятнадцати с половиной миллиардов киловатт-часов электроэнергии.

В десятки стран мира Болгария экспортирует изделия отечественного машиностроения и современные приборы, сделанные на уровне лучших мировых образцов. В Софии я побывал на внушительной выставке «Вклад Болгарии в мировой технический прогресс». Уже само название это говорит о многом, а экспонаты выставки рассказывают, что десятки болгарских изобретений запатентованы в восемнадцати странах, в том числе в Советском Союзе, США, Англии, Франции, ГДР, Италии, ФРГ, Бельгии.

А скоро Болгария построит свою первую атомную электростанцию. Ее проект уже разработан совместно двумя организациями, болгарской и советской.

В этом факте совместной работы над сложнейшим современным проектом воплотилась такая характернейшая черта, как болгаро-советская дружба и сотрудничество.

Кремиковский металлургический комбинат, так же как и судостроительный завод имени Георгия Димитрова, созданы с помощью нашей страны. Детищем болгаро-советской дружбы являются и десятки других промышленных объектов. Крупные предприятия, построенные в Болгарии с помощью Советского Союза, дают 60% химической продукции, 92% производства цветных металлов, 67% производства электроэнергии, 100% продукции судостроительной промышленности страны.

Кровные братья

В приведенных выше цифрах — еще один итог дружбы и сотрудничества, еще одно из ярких свидетельств братства двух народов, болгарского и советского. Член Политбюро ЦК БКП, председатель Всенародного комитета болгаро-советской дружбы товарищ Цола Драгойчева сказала мне: «Дружбе и братству наших народов столько же лет, сколько лет они существуют». И это верно! В глубину веков уходят узы кровного братства двух славянских народов.

Есть в Болгарии такой обычай. На современных шоссе и сельских дорогах, на деревенских улочках и городских перекрестках, в горах и долинах — всюду увидишь простой большой камень или замысловатую скульптуру, где бьет фонтанчик родниковой воды. Чистая и холодная, она веками бе-

25 лет назад. Партизаны с победой спускаются с Родопских гор.

антифашистского восстания поп Андрей, 1879 года рождения, был повешен 30 сентября 1923 года. Стоя на эшафоте, он обратился к согнанной толпе с пламенными словами, предсказывая победу народа и справедливости, и сам накинул на себя петлю.

Особенно массовыми ряды революционеров стали в годы борьбы с немецким фашизмом. Лучшие сыны и дочери Болгарии ушли в партизаны. И таких были тысячи тысяч. Была создана Народно-освободительная повстанческая армия, а вся страна была поделена на двенадцать военно-оперативных зон, каждая из которых имела свой штаб.

В августовские дни этого года я поехал в одну из таких бывших зон, к отрогам Родопских гор близ города Септември. Родопы — самые обширные горы в Болгарии и на всем Балканском

тельств и документов тех лет узнаешь, как тяжела и кровопролитна была эта вооруженная борьба против фашизма, которую болгарские патриоты начали в один и тот же день с русскими братьями. Начали по зову сердца и чувству высочайшего интернационального долга.

Памятники погибшим партизанам, на открытии которых я присутствовал, стоят в районе деревень Белово, Варвара, Семчиново. Двадцать пять лет назад партизаны напали сразу на несколько деревень. Это был отвлекающий маневр. Главная цель была — немецкий военный склад в деревне Варвара. Когда неподалеку от нее, в других селениях, началась стрельба, к складу прибыл отряд в форме немецких войск. Начальник отряда обрушился с руганью на охрану склада за то, что они не устремились на помощь своим

жит с гор к людям. Путники припадают к ней, утоляют жажду и с новой силой идут дальше. Живая вода, словно в сказке!

Так и дружба двух наших народов неиссякаема, вечна и чиста. Ничем не замутненная, она придает нам новые силы.

Эта дружба всегда была нашим общим дорогим достоянием. Это всегда была любовь и взаимопожертвование. Русская кровь была обильно пролита, когда русские воины помогали своим болгарским братьям освободиться от турецкого ига. Болгария свято помнит об этом. Память эта живет в бесчисленных памятниках и в сердцах миллионов болгар.

Память эта живет в продолжающихся и развивающихся общих революционных традициях двух наших народов. Нельзя без волнения ходить по залам Музея революционного движения в Болгарии. Он находится в Софии, на Русском бульваре, и такой его адрес не случайное совпадение. По этому болгарскому музею ходишь так, как если бы он был и нашим, русским. Вот первый экспонат первого зала — газета «Рабочий». Напечатана на русском языке. За пожелтевшим от времени газетным листом скрывается история зарождения социалистического движения в Болгарии, история создателя и вождя революционной марксистской партии в Болгарии Димитра Благоева. Наверное, также не просто случайность, что учился он в Петербургском университете, что именно в России организовал в 1883 году одну из первых социал-демократических групп, известную под названием «Благоевская группа». Эта группа и выпустила два номера подпольной газеты «Рабочий», которая была высоко оценена позднее В. И. Лениным.

Вслед за газетой «Рабочий» — другие экспонаты музея: газета «Работник» от 1892 года на болгарском языке, номер «Искры» от 22 октября 1903 года с большой статьей о X съезде Болгарской рабочей социал-демократической партии. Красные знамена болгарских революционеров полувековой давности. Труды Маркса и Ленина на болгарском языке, изданные более чем полстолетия назад...

Многовековая дружба наших народов, скрепленная совместной революционной борьбой, выросла в силу поистине несокрушимую.

Четверть века спустя, в августе 1969 года, те же самые болгарские патриоты проходят по тем же памятным местам боевых сражений.

И в другом культурном центре столицы — Музее болгаро-советской дружбы — видишь закономерную связь между тремя такими экспонатами: картина под названием: «Иван Асен II занимает Тырново с помощью русской дружины в 1218 году»; серебряный поднос, на котором жители Пловдива подносили хлеб-соль русским братьям-освободителям в 1878 году; свидетельство о сборе средств в Болгарии в помощь русским революционерам в 1905 году. И здесь же, на другом стенде, увеличенная фотокопия записки В. И. Ленина: «Прошу поискать мне словарь **болгарско-русский.** IX—1920».

Когда на болгарской земле знакомишься с ее революционной историей, то еще и еще раз думаешь о том, как много общего у двух наших народов. В Болгарии, как и в России, поражает массовость ее революционных рядов. В этом убеждаешься, когда смотришь на свидетельства сентябрьского антифашистского восстания 1923 года. Есть в Музее революционного движения старая пушка повстанцев 1923 года. На орудии надпись, которая сообщает о том, что из него «стреляли Христо Михайлов и поп Андрей». В скупой справке говорится, что участник

полуострове. Этот огромный горный массив представляет собой подлинный лабиринт хребтов и котловин. Трудно добраться здесь до вершин, высота которых доходит до двух километров и которые покрыты девственными хвойными лесами. Будто сама природа уготовила этот край для партизанской борьбы.

Я ехал туда на открытие памятников местным партизанам, погибшим здесь в боях ровно четверть века назад. Там я познакомился с коммунистом Любеном Иовчевым, которого называют первым болгарским партизаном. Сам он объясняет этот почетный титул «первый» случайностью. Дело в том, рассказывал мне товарищ Иовчев, что его райком партии назначил очередную партийную конференцию на 22 июня 1941 года. Готовились к ней долго, выработали повестку дня, собрали делегатов. Начали заседание и вдруг узнали о нападении фашистской Германии на Советский Союз. Повестка дня была отменена. Обсуждать стали только один новый вопрос — об отношении к этой немецкой агрессии. Тут и было принято первое в Болгарии решение о переходе к партизанской борьбе.

Из рассказов Иовчева и других коммунистов, из многих свиде-

в близлежащие деревни. Он построил охрану склада, дал команду «кругом!», а когда охранники робко оглянулись в ожидании новой команды, то увидели наведенные на них автоматы. Прибывший «отряд немцев» оказался партизанским соединением. Склад был без выстрела захвачен партизанами.

В день открытия памятников бывшие местные партизаны прибыли в Родопы со всей страны. Рабочие и крестьяне, военные и дипломаты, ученые и инженеры, журналисты и партийные работники... Они четырьмя колоннами, как двадцать пять лет назад, спустились с гор и вошли в деревню Варвара. Так они и шли, колонна за колонной, с небольшими интервалами, а их встречали цветами дети и весело кричали свои приветствия. И слезы бежали по загорелым морщинистым щекам старых партизанских вдов. И над всей деревней, над буйством пышных роз и уже тяжелых яблонь плыла величавая мелодия песни о русском крейсере «Варяг».

В эту минуту я окончательно понял, кем и чем сильна страна Болгария. Понял, сколько глубокого смысла в словах болгарина, когда он говорит: «Нас с Советским Союзом 240 миллионов».

Тысячи людей собрались на митинг на главной площади Банска-Бистрицы. В митинге участвовали ветераны Словацкого национального восстания.

Фото ЧТК—ТАСС.

ГОДОВЩИНА ПОДВИГА

Торжественно отметила Чехословакия 25-ю годовщину Словацкого национального восстания. В 1944 году в Словакии под руководством коммунистической партии было поднято знамя открытой вооруженной борьбы против немецкого фашизма и местных предателей. Это восстание, вдохновленное успехами Советской Армии в разгроме фашистских сил, стало одним из крупных событий в истории антифашистского сопротивления европейских народов. Советский Союз в те грозные дни пришел на помощь борющемуся народу Словакии. В одних рядах сражались на словацкой земле словаки, чехи и советские люди. Вместе с ними в восстании участвовали многие польские, болгарские, венгерские, югославские и немецкие патриоты.

На празднование славной годовщины в Словакию прибыла партийно-правительственная делегация Советского Союза во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, первым заместителем Председателя Совета Министров СССР К. Т. Мазуровым.

Товарищ К. Т. Мазуров на торжественном заседании в Банска-Бистрице 28 августа огласил текст приветствия, направленного Первому секретарю ЦК КПЧ Г. Гусаку, Президенту ЧССР Л. Свободе, Председателю правительства ЧССР О. Чернику, подписанного Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным, Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным. В этом приветствии советские руководители поздравили всех коммунистов и трудящихся Чехословакии с годовщиной Словацкого восстания и подчеркнули, что народы Чехословакии «всегда, в любых исторических испытаниях могут быть уверены в бескорыстной дружбе и поддержке Советского Союза». Участники торжественного заседания направили письмо ЦК КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР и Совету Министров СССР, в котором, обращаясь к советским людям, заявили: «Никто не сможет нарушить нашу дружбу, основанную на братстве, скрепленную совместно пролитой кровью, основанную на взаимности и понимании».

29 августа на центральной площади города состоялся массовый митинг. На нем выступили товарищ Л. Свобода, товарищ Г. Гусак, товарищ К. Т. Мазуров. Участники митинга под аплодисменты и возгласы «Дружба!» приняли текст заявления. В нем они провозгласили, что будут как зеницу ока, беречь дружбу и союз с Советским Союзом и другими социалистическими странами.

В связи с годовщиной Словацкого национального восстания Президиум Верховного Совета СССР наградил орденами ряд чехословацких граждан, среди которых Первый секретарь ЦК КПЧ Г. Гусак — один из руководителей восстания в Словакии. Чехословацких наград удостоены многие советские граждане.

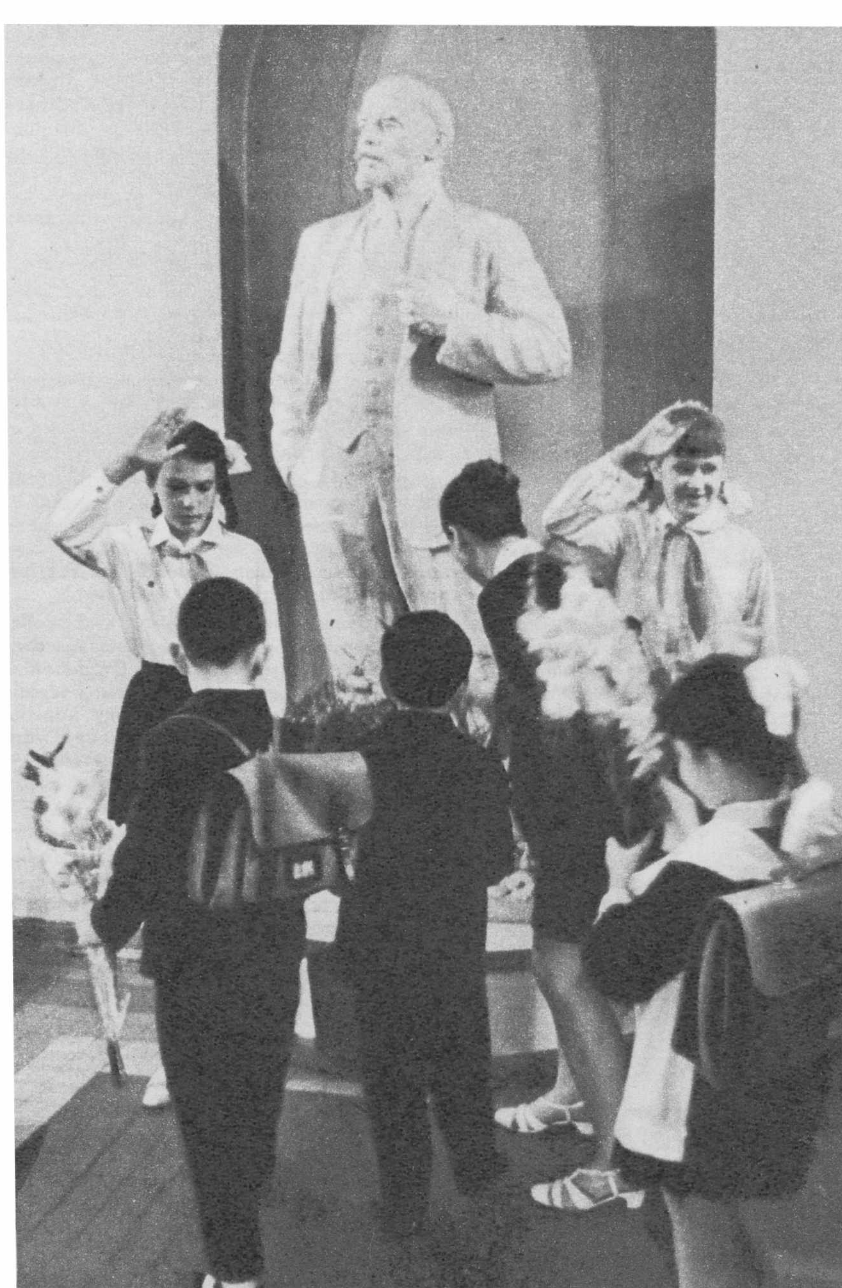
ЗВОНОК ДЛЯ СОРОКА ПЯТИ МИЛЛИОНОВ

Вот и наступил первый день занятий в школе. 45 миллионов ребят позвал сегодня звонок в классы. Торжественная линейка... Для первоклассников — это первая в жизни! Для десятиклассников — последняя. Еще один учебный год, а потом самостоятельная, взрослая жизнь: институты, армия, работа.

Итак, новый учебный год вступил в свои права.

На снимках: 1 сентября в школе № 39 Москвы. Фото А. Бочинина.

А. СОФРОНОВ

БОЛГАРИЯ — СЕСТРА НАША

ПЕРЕД ОТЛЕТОМ В СОФИЮ

В начале июня этого года я должен был по приглашению болгарского журнала «Наша родина» вылететь в Софию. Я не бывал еще в Болгарии летом и мог только предвкушать удовольствие повидать страну в это время. В прошлом году в марте я побывал в Болгарии, представляя Союз советских писателей на юбилее замечательного писателя, академика Людмила Стоянова, в день его восьмидесятилетия. Тогда была ранняя весна. Все еще только расцветало. Но было уже очень тепло. Юбилей Людмила Стоянова праздновался на родине писателя — в Благоевграде. Гостей это радовало. Всегда интересно посмотреть места, где вырос крупный писатель, авось глубже поймешь, почему он такой, узнаешь, за что его чтут на родине, какие приметы родных мест он несет в своем творчестве. Сам Людмил Стоянов, человек на редкость сердечный и как-то по-особому, по-болгарски скромный, внешне был спокоен. Мы знали его творчество. Его прекрасные прозаические произведения — повести «Мехмед Синап», «Серебряная свадьба полковника Матова» и особенно его жгучую антивоенную повесть «Холера». Они переведены, так же как и многие его стихотворения, на русский язык и пользуются у наших читателей доброй популярностью.

Вместе с польским писателем Ежи Путраментом мы катили на машине к Благоевграду, получая истинное наслаждение от первого тепла, от уже успевших зазеленеть полей, от весеннего первоцвета. На полях работали женщины. Они махали нам вслед руками. Машины проносились по улицам старых болгарских городов и селений. И как-то было по-братски радостно видеть, что села эти почти новые, дома в них словно бы городские, из красного кирпича, аккуратные и подтянутые.

Уже в послеобеденное время мы влетели в такой же аккуратный и по внешнему виду новый Благоевград.

И вскоре в недавно открытом драматическом театре начался торжественный вечер. Юбиляра завалили подарками и цветами, заговорили сердечными словами. Его приветствовали дети и взрослые, писатели и рабочие, партийные работники и крестьяне. Здесь еще раз мы убедились, как в Болгарии любят писателей, особенно тех, кто своим духом, всем строем творчества близок родному народу.

Сам Людмил Стоянов говорил очень коротко. От первоначального его спокойствия не осталось и следа. На другой день мы отправились с Ежи Путраментом и другими гостями Людмила Стоянова в старинный город Мелник, прославленный прекрасным вином, носящим название города, где его производят. Захватить бутылочку красного терпкого вина здесь считается большой удачей: уж больно хорошо это вино. Мелник расположен совсем вблизи греческой границы. Нас обгоняли туристские машины с греческими автомобильными опознавательными знаками. Уже тогда, в весенние дни прошлого года, очаровала меня природа Болгарии.

Правда, несколько лет назад поздней осенью я видел не только такую радостную природу. Тогда я на три дня прилетел в Софию, а затем, пересев в автомашину, отправился на празднование пятидесятилетия со дня рождения Николы Вапцарова. Страстный поэт, коммунист, он сражался в подполье с немецким фашизмом. Был схвачен и расстрелян гитлеровцами в 1942 году. Он писал, словно бы сам предсказывая свою судьбу:

Но смерть, когда от края и до края
Мир отряхает затхлой ночи плесень
И к жизни миллионы воскресают —
Не смерть, а песня, лучшая из песен!

Темными ущельями, среди пенных горных речек мы мчались на его родину в Банско и там, в родном городке, среди белых снегов, спускающихся с гор к самому селению, произносили слова уважения и любви к подвигу и стихам поэта-коммуниста, имя которого сейчас является в Болгарии символом мужества и патриотизма.

Многолетние, тесные связи между нашими народами известны, они уходят в давние-давние годы. В древнем Рилском монастыре, ревностно сохраняемом болгарами, еще хранятся старые иконы, принесенные болгарскими священниками и монахами из России в пору царствования Ивана Грозного, повелевшего оказывать болгарским гостям на Руси всяческую помощь и уважение. За долгие столетия и особенно за последние десятилетия связи эти окрепли и утвердились.

В конце мая этого года в Советском Союзе проходили дни болгарской культуры и литературы. В это же время на сценах московских да и многих других театров Советского Союза состоялись премьеры болгарских пьес. Пьесы шли с большим успехом, показывая идейно-художественную зрелость болгарской драматургии. Наши друзья, болгарские писатели, с которыми мы связаны давними узами дружбы, на встречах с советскими читателями могли лишний раз убедиться, как знают и любят их произведения в Советском Союзе. В Центральном Доме литераторов состоялся один из таких вечеров. Георгий Караславов, Елизавета Багряна, Лиляна Стефанова и другие болгарские писатели были встречены сердечно и тепло. Как у нас иногда пишут, вечер действительно вылился в праздник дружбы между болгарским и советским народами. Сергей Михалков, выступая, сказал: «Я только вчера вернулся из Болгарии»,— и прочел свои переводы болгарских детских писателей.

А мне предстоял назавтра отлет в Софию.

ДЕНЬ ПАМЯТИ ПОГИБШИХ

Тот, кто погибнет в бою за свободу,
Не умирает!

Слова эти принадлежат Христо Ботеву, поэту и пламенному революционеру, героически погибшему с оружием в руках в сражении за свободу своей родины. Он прожил короткую жизнь, и вся она была отдана народу. Всего двадцать стихотворений было написано им, но они каждой строкой вошли в сокровищницу болгарской литературы. Христо Ботев был не только поэтом. Он был подлинным революционером, деятельным и страстным, боровшимся против поработителей своего народа и словом и делом. Его стихи звали к борьбе. Он писал: «В Европе существует и продолжает существовать заговор против освобождения южных славян и вообще против свободы человечества». «Разрушьте эту иерархию среди человечества (то есть классы.— А. С.) и вы увидите, как будут уничтожены причины наших страданий». Передовая революционная мысль шестидесятых годов, идущая из России, нашла в сердце Ботева горячий отзвук. Он был настоящим интернационалистом. Он боролся не только за свободу болгарского народа, но и призывал к объединению с «измученным и угнетенным турецким народом» и с другими народами.

В Болгарии чтут всех своих великих сыновей, всех, кто отдал жизнь своему народу.

Второго июня наш друг болгарский поэт Димитр Методиев сказал нам:

— Сегодня День памяти погибших. В этот день погиб Христо Ботев. Сегодня вся наша страна в шесть часов вечера опустится на колени, чтобы в молчании помянуть всех, кто отдал свою жизнь и в прошлом

← Утро в Софии.

В центре Софии. ↓

На Шипке.

Золотые пески.

Санатории и пансионаты вблизи Варны.

София. Советские туристы у памятника героям Советской Армии.

У мавзолея Георгия Димитрова.

веке и в нашем, сражаясь за свободу Болгарии. Вся страна в этот день перебирает в памяти святые для нас имена погибших, вспоминает их подвиги, все, что они сделали, чтобы из поколения в поколение переходил революционный дух болгарского народа, чтобы каждый юноша и девушка понимали, какими жертвами окуплена наша сегодняшняя жизнь.

Летняя София прекрасна. Вся в зелени, в розах, что тянутся вдоль парков и улиц. Освещенная солнцем, она высится своими новыми домами, блещет золотыми куполами старых соборов. В те дни, когда мы были в Софии, страна деятельно готовилась к празднику 25-летия, справедливо считая, что эти четверть века равны столетию.

И в Софии, и в других городах, и в селах, готовящихся к народному празднику, мы видели плакаты, которые скупым языком цифр показывали огромные экономические и культурные достижения, завоеванные мирным трудом в годы строительства социализма. Днем на площади, на которой возвышается гранитный Мавзолей Георгия Димитрова, было шумно и в то же время обыденно.

К вечеру, когда солнце уже закатывалось за горизонт, площадь озарилась желто-багровым цветом и словно преобразилась. К мавзолею в строгом строю подходили солдаты и офицеры. Юноши и девушки. Юные пионеры. Они несли венки и прислоняли их к граниту мавзолея. Быстро темнело. Зажглись факелы. С трибуны мавзолея послышались торжественные слова о подвигах сыновей болгарского народа.

Рядом с нами стояли совсем седые люди. Матери с детьми на руках. Тишиной повеяло над площадью. Послышался призыв опуститься на колени. Стало совсем тихо. Площадь словно стала меньше ростом. Склонив головы, мы опустились на нагретый за день камень мостовой.

Затем послышались слова команды. Грянул салют. Стреляли орудия. Стреляли пулеметы, напоминая прерывистым клекотом бои, в которых сражались болгарские патриоты рядом с солдатами Советской Армии.

На площади загремели слова здравицы братскому советскому народу, его доблестной армии.

Люди поднимались с колен и медленно покидали площадь. Они проходили мимо мавзолея, в котором покоился великий сын болгарского народа.

Заканчивался День памяти погибших.

Болгария жила, пела, здравствовала, строила и поднималась ввысь.

И снова вспомнились вещие слова Христо Ботева: «Тот, кто погибнет в бою за свободу, не умирает!»

ВБЛИЗИ ОТ ЗОЛОТЫХ ПЕСКОВ

Еще по дороге из Софии в Варну, а точнее, в курортный комплекс Золотые пески, что расположен в двух десятках километров от Варны в сторону румынской границы, мы, проезжая одно из сел, обратили внимание на железные решетчатые ворота, на которых было написано: «Сельскохозяйственный кооператив «Дружба». Сквозь ажурную конструкцию ворот багряно светилось небо и заходящее за ним солнце, перед небольшим зданием пышно цвели алые, желтые и белые розы.

Вдоволь насмотревшись на прекрасные курортные места, прилегающие к Варне, с их действительно золотым песком и очень современно, рационально построенными бесчисленными корпусами домов отдыха и пансионатов, заполненных десятками тысяч отдыхающих из многих стран Европы, мы попросили наших радушных хозяев показать нам какой-либо сельскохозяйственный кооператив. Наше желание было выполнено. Мы отправились в кооператив. Через час пути подъехали к тем самым железным воротам, на которых было написано: «С. х. кооператив «Дружба». Но оказалось, что правление кооператива уже перебралось в другое, новое помещение. Впрочем, «помещение» — это не совсем точное слово. Мы подъехали к новому четырехэтажному серому дому. Оказалось, что председателя кооператива в это время здесь не было. Он уехал на какое-то совещание в Варну, поручив нас главному агроному кооператива Димитру Павлову. Его мы и застали в небольшом кабинете разговаривающим по телефону.

— Погодите немного,— увещевал он кого-то,— ветер сильный. Что вы не знаете, что на море третий день шторм?

Оказывается, этот кооператив занимается еще и рыболовством, подумал я, но ошибся. Димитр Павлов легко положил телефонную трубку и, словно продолжая разговор, обратился к нам:

— Самолеты нельзя поднять... Сильный ветер... А надо опылять виноградники.— И уже совсем без перехода сказал: — Поедемте в теплицы, а то будет темно. Потом вернемся сюда и тогда побеседуем.

Агроном, видимо, хорошо усвоил журналистские привычки — сначала посмотреть, а потом расспрашивать.

Теплицы были расположены в нескольких километрах от правления. Они стояли, матово поблескивая стеклами.

Внутри нас охватило духовитое тепло, чем-то напоминая безветренный, влажный тропический воздух. Термометр показывал плюс 34.

— Постоянная температура, необходимая для созревания огурцов.

Всюду, куда мы ни смотрели, среди сочно зеленых листьев висели, как бананы, только значительно больше размером, огурцы. Это, конечно, были не те, к которым привыкли хозяйки, засаливая их в остро пахнущих укропом и тмином кадушках. Это была фабрика огурцов, набирающих длину и вес в своеобразном огуречном инкубаторе.

— Теплицы занимают 6,5 гектара. В год они приносят кооперативу один миллион четыреста тысяч левов. Урожайность очень высокая.

Видно было, что теплицы эти являются гордостью главного агронома. Он подробно рассказывал нам о них.

— Отсюда мы направляем огурцы и к вам в страну, в ГДР, в Австрию и в другие страны.

— Чья конструкция этих теплиц?

— Голландская. Эксплуатируем мы их два года. За четыре года они окупятся. Гарантийный срок работы теплиц — шестьдесят лет... На нашу жизнь хватит... Если, конечно, ученые не изобретут еще какой-либо более продуктивный и скорый способ огуречного производства.

— Много ли здесь работает людей?

— Бригада... В основном на ее обязанности — следить за техническими данными, собирать огурцы...

— Постоянно?

— Девять месяцев в году... Да еще кастрировать огурцы... Обрывать цвет, чтобы не было семян... Семена снижают качество огурцов.

— А откуда семена?

— Покупаем в Голландии... Голландцы — народ хитрый и пока семенные секреты не открыли...

— Это тоже входит в орбиту вашего руководства как главного агронома?

— Да что ж тут руководить? Технология освоена... А в остальном огурцы растут без руководства. Наш кооператив,— уже не без гордости сказал Димитр Павлов,— на втором месте в республике — по урожаю и по продаже огурцов.

Таким образом, мы узнали о том, как выращивают в современных условиях товарную огуречную продукцию.

— Знаете,— сказал Павлов,— я вам хочу кое-что показать для души. Огурцы для салатов, а для души, для сердца пойдемте к гвоздикам.

Мы отправились в соседнюю теплицу. Внешне она была похожа на огуречную, но внутри все было по-иному. Здесь действительно все было для души. Алые, белые, розовые и уж совсем удивительного, сиреневого цвета, как гроздья фейерверка, стояли на высоких ножках гвоздики. Павлов с любопытством смотрел, какое впечатление произведут на нас остро и пряно пахнущие цветы.

— Тоже ваше детище?

— Конечно... Правда, всего полгектара, но доход они дают отличный. Полгектара гвоздики дают две трети дохода от огурцов... Вот они: «Артур», «Охрид»... Выводим новые сорта... Предлагайте названия.

— Огонек.

— Пожалуйста. Название хорошее. Обязательно выведем.

С некоторым сожалением мы покинули теплицу и вышли на воздух.

Зеленые склоны по другую сторону дороги были сплошь покрыты виноградниками.

— Там работает моя жена. Она тоже агроном, только ответственности меньше... Она специалист по винограду. А у меня все хозяйство.

Солнце уже почти закатилось за цепью холмов. Ветер утих. Мы вернулись в правление.

— А теперь я готов отвечать на все остальные ваши вопросы,— сказал Павлов, когда мы вошли в комнату, специально служащую для встреч с гостями.

Я не стал расспрашивать нашего молодого друга о хозяйственных делах кооператива. Даже краткое знакомство говорило, что здесь умеют работать, умеют использовать землю. Пока мы ездили по самому селу Ветрино, где расположен кооператив, можно было заметить, что люди живут хорошо. Дома стояли добротные, кирпичные. Много домов строилось. В поле мы видели большое стадо черно-белых породистых коров. В одном из широких дворов стояло несколько наших комбайнов СК-3 и СК-4, тракторы «Беларусь». Я смотрел на Димитра Павлова, черноглазого, веселого, с полным достоинством встречавшего гостей, чувствовавшего себя с ними свободно и непринужденно.

— Между прочим, вам, наверно, будет интересно,— сказал Павлов.— Родился я и вырос в селе Аксаково... Здесь, неподалеку от Варны.

— Это тоже болгарская фамилия?

— Да что вы? Русская... Здесь когда-то бывал ваш писатель, тот, что жил в девятнадцатом веке, Иван Аксаков... В его честь и названо село.

Павлов словно бы сам предложил начало беседы. Я спросил, кто из современных советских писателей знаком ему.

— Ну, конечно, Михаил Шолохов... У нас тут каждый селянин знает «Поднятую целину»... Вот писатель, который по-настоящему знает деревню. Очень здорово он все описал... Писал о ваших донских степях, а выходило, будто побывал у нас... Хотя, конечно, нам после вас уже было легче... Но тоже хватало всяких трудностей... Здорово написал... Мы считаем Шолохова нашим писателем. Вообще художественную литературу у нас любят. Вот наш Димов, например, большая книга у него «Табак».

— У нас переведен этот роман.

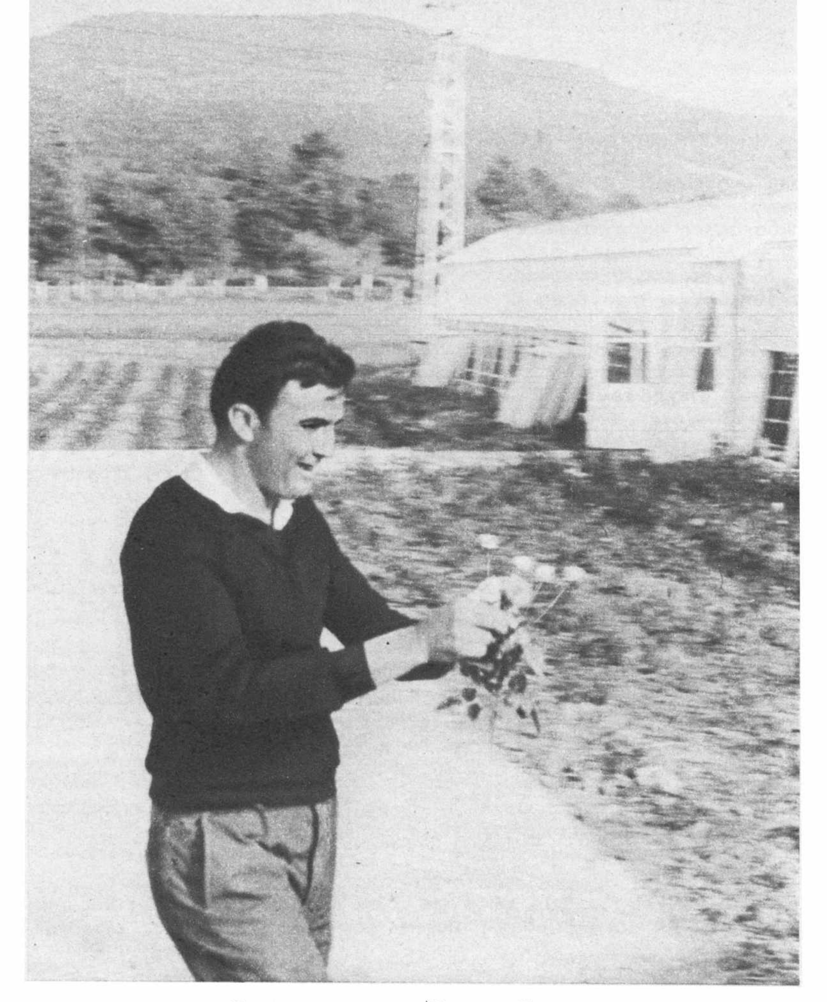
— Правильно сделали... Книга по-своему историческая... Старое болгарское село показывает... Эксплуатацию... Полезно, что у вас тоже знают... И вообще приятно, когда вдруг окажешься где-то вдалеке от своей родины и вдруг услышишь что-нибудь свое... Вот когда я был в Ленинграде...

— Вы были в Ленинграде?

— А как же... Сидели мы в ресторане гостиницы «Октябрьская»... Мы жили там. И вдруг слышим: поют нашу песню «Красный мак». Ее наш Благоев очень любил... У нас вообще любят песни сентиментальные... Ну, что ли, старые... Не современные, которые попрыгунчики... Конечно, я говорю о селе, не о городе. Там иначе... Но вообще-то мы предпочитаем, чтобы мелодия была, напевность, если хотите... Да и стих чтобы был ясный... Как у наших поэтов Христо Ботева и Ивана Вазова... Вы чего улыбаетесь? — спросил меня Димитр.

— Да вот думаю о том, что приехал в сельский кооператив, а разговариваем мы с вами о литературе и поэзии.

— А почему ж нет? — пожал плечами Павлов.— Мы, конечно, много работаем. Мне приходится в иные дни с пяти утра до десяти вечера. Но это потому, что главный агроном... Но все равно читаю. А как же

Главный агроном Димитр Павлов.

иначе? Да и жена читает. Мы же не на Северном полюсе живем. Все-таки Черное море. К нам когда из Одессы приезжают...

— Из Одессы?

— Да, бывают у нас гости... И мы у них. Соревнуемся с Одесской вашей областью... Так вот, когда приезжают, тут у нас добрые встречи бывают. Не об одних огурцах разговариваем... У них самодеятельность художественная хорошая... Но я так думаю, что и наша не хуже... За час до вашего приезда звонили из Софии наши ребята. Там смотр художественной самодеятельности. Получили золотую медаль за танцы. А чем плохо? Руководит нашим коллективом способный парнишка Георгий Велев. Он местный, наш. Учился по этому делу, а теперь руководитель, специалистом по народным танцам стал. Такую старую свадьбу на сцене сотворил, что я б ему две золотых медали дал за одну свадьбу. Мы же не на полюсе живем. У всех телевизоры. Каждый вечер смотрим... Сейчас в Москве Совещание коммунистических партий идет. Смотрим и слушаем... Товарищ Брежнев выступал, очень понравилось... И наш товарищ Живков Тодор... Все правильно говорили. Очень большой интерес у нас к Совещанию. Мы не только по телевизору... И в бригадах газеты читаем. Интересуются люди, потому что каждого это касается, волнует каждого... Нас иногда спрашивают, почему для нас русский народ, советские люди самые близкие. Нам легко на это ответить. Наш народ любит вас вот так же, как я... А это значит очень крепко. Да и как может быть иначе... Надо же историю знать. Разве кто забудет Плевну и Шипку, ваших солдат и полководцев... Гурко, Скобелев, Драгомиров, Столетов... Эти имена из истории, а знают их как наших близких.

...Было уже совсем поздно, когда мы покинули кооператив «Дружба» и отправились к себе на Золотые пески, туда, где переливались яркими огнями высокие дома, нависшие над Черным морем.

* * *

И теперь, когда уже прошло некоторое время после этой последней поездки в Болгарию, все помнится и не уходит из памяти красивая, цветущая земля, которую почти по прямой мы дважды пересекли автомашиной, то любуясь лазурными волнами Черного моря, то взбираясь к высотам Шипки, где останавливались вместе с болгарскими школьниками возле старых русских пушек, немо стоящих в предвечернем розовом свете у старых часовен и могил. В памяти остались сельские ровные дороги, по которым в белых платках на широких телегах или в грузовых автомашинах ехали с кооперативных полей крестьянки и пели протяжные, душевные песни. И, конечно, сами села остались в памяти, чистые, с любовно высаженными вдоль дорог буйно цветущими розами. Болгария открывалась перед нами, как увлекательная книга, которую хотелось читать все дальше и дальше...

В те дни Болгарская Народная Республика деловито, широко готовилась к своему первому Двадцатипятилетию. Праздник этот наступил. И хочется отсюда, из Москвы, сердечно поздравить нашу славную сестру Болгарию с этим большим праздником. Поздравить болгарский народ с огромными успехами в строительстве социализма и пожелать добра, счастья и радости, как только могут желать друг другу настоящие, побратавшиеся в боях и славных трудах другари.

Димитр МЕТОДИЕВ

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Болгарской коммунистической партии

Не из земли я.
И землей не стану.
Ни богу и ни дьяволу
Меня
Не суждено судить на склоне дня,
Поскольку я пред ними не предстану.

Путь моего пути, по духу мне родня,
Пришедший от тебя,
Вернусь к тебе я,—
Когда умру, то, надо мной алея,
Твои знамена вознесут меня...

Мое сердце — твое

От сердца все тревоги и напасти.
Ни мать над ним не властна. Ни жена.
Мне тоже участь странная дана,
Ведь я и сам над ним уже не властен.
Влюбленное в тебя, оно враждует
С врагами и с друзьями заодно
Из-за тебя.
Твои давным-давно
Его заботы, как свои, волнуют.

Я верю в нашей жизни торжество.
Но если пуля вдруг его остудит,
То лишь одно ему обидно будет,
Что кровь
Твоя
Прольется
Из него.

Оно — твое. Я это твердо знаю.
Твое, моя надежда и любовь!
И если из него прольется кровь,
То возвратится на твое же знамя.

Перевел с болгарского Вл. Фирсов

●

Георгий ДЖАГАРОВ

КЛЯТВА

Болгария, ты жизнь моя и сила!
О, ты на всей земле, как мать, одна.
Дай мне взрасти из твоего зерна
высокой рожью той, что всколосила!

О, дай тепла мне солнечного дня,
обвей меня гайдуцкими ночами,
омой дождем, развей меня ветрами,
в озера, в реки преврати меня!

О, дай с тобою быть на ратном поле,
всегда и всюду, где мой нужен труд:
в горах высоких, у речных запруд,—
на боль твою отвечу той же болью.

О, пусть весенняя голубизна
предутренним туманом не затмится,
и в солнечных лучах и в пенье птицы
всегда да будет речь твоя слышна!
И если б сделался мне мир твой тесен
и если б согрешил я клеветой,
убей меня!
И тотчас ворон злой
пусть расклюет моих останки песен!

Перевел Александр Гатов

Слав Христов КАРАСЛАВОВ

Из цикла „Разговор с сыном"

* * *

Свою судьбу я знаю сам,
А вот твоей судьбы не знаю.
Ни по рукам, ни по глазам
Ее я не предугадаю.
Я жду, когда ты подрастешь
И жизнь постигнешь полной мерой.
Всегда чего-то в жизни ждешь:
То песен,
То любви,
То веры.
В твоей судьбе все впереди.
И прошлый день тебе не страшен.
Прислушайся к моей груди:
В ней отзвук черноземных пашен
И день,
Что прожит был в борьбе,
И пораженья, и победы...
Судьбу мою возьми себе —
В ней радости мои и беды.
За все, что окружает нас,
Кого благодарить — не знаю.
Все, что имею я сейчас,
Дарила мне земля родная.

Взгляни:
Тебя Балканы ждут,
Они в дни битвы были с нами.
Да и тебя, я твердо знаю,
Они
В обиду
Не дадут!

* * *

В ясный полдень —
Настроен лирически,
Протестующе —
В пасмурный день.
И возьмешь ты
В полет свой космический
Голубую
Земную сирень.
Заглянув в мои книги,
Решишь ты,
Что я зря на земле пребывал:
— Странный старец,
Не пил
За машины,
А за черных волов
Выпивал...

Над тобой —
Лишь антенны тревожные.
Телевизора мягкий зрачок.
Вот и нет для тебя
Невозможного,
Столь велик твой
Подзвездный скачок!

Постигаешь ты звезды
Во мраке.
Для тебя расстояния —
Миг.
А в земле
Под платанами Фракии
Спит заржавленный
Дедовский штык.
Догнивает соха деревянная
Под амбаром прадедовских дней.
Это все — как бы ни было странным —
Будет совестью вечной твоей...

Мой сынок,
Я не бредил машинами.
В дни мои
От села до села
Телевизором плыло
Меж нивами
Утомленное
Око
Вола.

Перевел Вл. Фирсов

Асен БОСЕВ

Девятое сентября

Отчизна! Заря над тобой запылала,
росой серебристою отражена.
Вставай во весь рост в красоте небывалой
и свежестью утра дыши после сна!

Блестят города в алом свете восхода.
Сверкает в садах виноград, как рубин.
Рокочут, как реки, станки на заводах.
С плотин льются воды на плечи турбин.

Звенят провода над селом, как в столице.
Амбары наполнены спелым зерном.
И добрые вести летят, словно птицы,
над светлым простором звено за звеном.

От зрелых плодов прогибаются ветви.
Задорные песни звучат в их тени.
А солнце все ярче над родиной светит
и к радостной стройке зовет наши дни.

Идут дни за днями вперед, как герои.
Над ними, как знамя, пылает заря.
К победам в труде их ведет бодрым строем
Девятый прославленный день сентября!

Прославленный день, бодрых дней
полководец,
тебя никогда не забудет народ.
Ты солнце зажег на родном небосводе
и нам возвестил новой жизни приход!

Перевел Павел Железнов

Редакция журнала «Огонек» благодарит коллектив журнала «Наша Родина», агентство София-пресс и всех болгарских товарищей, помогавших подготовить материалы этого номера, посвященные 25-летию социалистической Болгарии.

7 СЕНТЯБРЯ — ВСЕСОЮЗНЫЙ ДЕНЬ РАБОТНИКОВ НЕФТЯНОЙ И ГАЗОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

ОГНЕННАЯ ТРАССА

Горячий нефтепровод. Слышали вы о таком? Только что вступила в строй первая его очередь — участок длиной 864 километра Узень—Гурьев. А когда нефтепровод будет готов — произойдет это к концу нынешнего года,— он протянется от Узени до Куйбышева, где расположены специальные нефтеперерабатывающие заводы. Через каждые 60—70 километров на трассе установлены печи для подогрева нефти. Вся трасса автоматизирована, поэтому в безлюдных районах, по которым она проходит, не нужно держать операторов и специальную технику.

Но для чего же понадобился горячий нефтепровод? Для нефти Мангышлака. Дело в том, что полуостров славится совершенно необычной нефтью: в ней содержится очень много парафина. Нефть Мангышлака — отличный заменитель жиров и сырье для производства высококачественных масел. Полуостров насквозь пропитан нефтью. На месторождении Узень до глубины 2000 метров встречаются 25 пластов нефти и газа. Геологи называют это редкое явление слоеным пирогом. Однако, хоть нефти и много, добывать ее очень трудно. Дело в том, что в пути на поверхность она выделяет парафин, который откладывается на стенках скважин, закупоривает их. Есть и другая трудность. На поверхности, уже при 30 градусах, нефть застывает и превращается в студнеобразную черную массу, которую нельзя перекачать по трубам. Ее все время нужно подогревать. Делают это с помощью огромных печей, которые топятся той же самой нефтью. Выходит, что она сама себя греет.

До сих пор нефть Мангышлака перевозили на Большую землю в танкерах или в железнодорожных цистернах. Влетало это в копеечку.

И вот теперь — горячий нефтепровод. Специалисты подсчитали, что он окупит себя уже на второй год эксплуатации.

Н. ХЛЕБОДАРОВ

На трассе. Фото автора.

ГОРДОСТЬ НАРОДА

К 200-летию со дня рождения И. П. Котляревского

Творчество Котляревского начиналось на том рубеже, где архаичный книжный язык, исчерпавший свои возможности, нашел логическое завершение в произведениях Г. Сковороды, подытожившего высшие достижения старой украинской литературы. Создав высокие образцы в поэзии и драматургии, украинская литература на протяжении XVIII века постепенно приходила в упадок, не в силах вырваться из устарелых форм школьной поэтики и проблематики. Историческое значение творчества Котляревского как раз и заключается в том, что он первым среди украинских писателей заговорил в полный голос на живом народном языке, продемонстрировав на примере своего творчества его неисчерпаемую глубину, пластичность и чистоту.

Появление «Енеиды, на малороссийский язык перелицованной И. Котляревским» в 1798 году, в разгар павловской реакции, было явлением исключительным по своей смелости и значимости, поскольку в ней ставился целый ряд важнейших для своего времени общественных, этических и эстетических проблем.

Сюжет для своей поэмы И. П. Котляревский позаимствовал из героической поэмы «Энеида» римского поэта Вергилия, трансформировав ее героическое начало в шутливый пересказ, в нарочито сниженный план, в веселое, жизнерадостное остроумие. Пользуясь живым народным языком, Котляревский при этом свободно вводил в обращение все аксессуары народного быта, закрепляя в литературе конкретность народной жизни. Поэту было важно не «перелицовывание» как таковое Вергилиевой «Энеиды», что мы видим у его предшественников — француза Скаррона, немца Блюмауэра и русского писателя Осипова, которые лишь «выворачивали наизнанку» произведение римского поэта,— а реализация задуманной им мистификации с перенесением всех образов в атмосферу старосветской Украины.

В 1775 году, после разгрома Запорожской Сечи, часть войска запорожского направилась в устье Дуная в поисках нового пристанища. Безусловно, этот факт был достаточно важен для Котляревского во время его работы над поэмой. Скитания Энеева войска легко сопоставимы с мытарствами запорожцев.

Все персонажи Вергилиевой «Энеиды» у Котляревского не просто переодеты в украинские национальные костюмы, но приобретают черты, присущие его современникам. Поэт воссоздал самобытные украинские характеры, показал свойства их психического склада, их способ выражения своих мыслей и чувств.

Поэма Котляревского написана в полном противоречии с эстетическими принципами классицизма, в то время широко распространенного в молодой русской литературе, с которой, несомненно, был знаком поэт. Реформа героической темы, пересмотр и отрицание эстетических принципов классицизма соединяются у Котляревского со стихией украинского народного творчества, со своеобразным безыскусственным юмором, который порой кажется грубоватым. В поэтике классицизма прекрасное понималось как высокое в обобщенном виде — в отрыве от жизни, с ее подробностями, случайностями, «мелочами».

Можно с уверенностью утверждать, что Котляревский решительно отбросил всякую ореольную приподнятость, сопровождавшую античные образы, и лишь использовал мифологические маски, под которыми жили живые люди, незаметно для других подмигивали друг другу и произносили «найденные собственные» слова.

Авторитет Вергилия в старых украинских школах был непререкаем. «Энеида» Вергилия в ее школярско-схоластической трактовке рекомендовалась учащимся в качестве непревзойденного образца эпической поэмы, и ее не только изучали, но и выучивали наизусть по-латыни; она служила тем материалом, на примере которого учащиеся да и преподаватели поэтики создавали свои собственные литературные опусы.

Котляревский своей поэмой разрушил этот закаменелый школьно-схоластический кодекс эстетики, который в течение многих лет насаждала духовная школа. Значение его «Энеиды» неоценимо еще потому, что в ней морально-обличительный элемент звучал не как нравоучение, а как осуждение, как приговор.

В поэме ощутим дух прогрессивного просветительства XVIII века, в частности, отзвуки философских концепций Г. Сковороды, общественным идеалом которого была республика — царство любви, где нет вражды и раздора, а законы, абсолютно «противные тиранским», современное же общество представлялось «скопищем обезьян... которые, кроме маски ненависти, никакой сути от истинной мудрости не имеют».

Прямым предшественником Котляревского в украинской литературе был Опанас Кириллович Лобысевич, воспитанник Киевской академии, который одновременно с переводами латинских писателей делал попытку «перелицовывания» Вергилиевых «Буколик», переодев Вергилиевых пастухов в «малороссийский кобеняк». Вообще в старой украинской литературе традиция «перелицовывания» серьезных сюжетов на шуточный лад довольно древняя. Радикальное переосмысление мифологических образов христианского культа, «снижение» их до уровня бытовых персонажей было сопряжено с демократичностью и рационалистичностью народного мировоззрения. В старых жанрах украинской литературы: в сатирических рождественских и пасхальных виршах, в вертепных пьесах, в интермедиях — выступали персонажи, неизвестные «высокой» литературе,— казак, шинкарь, цыган, солдат и другие фигуры, выхваченные из жизни народной. Эта массовая сатирико-юмористическая литература, хотя и не выдвинула ни одного значительного имени, подготовила почву для выступления И. Котляревского.

В широкой поэтизации народной жизни, в глубоком уважении к родному народу, в неподдельной сыновней любви к нему — источник бессмертия поэмы.

Богатый разнообразный народный язык, лукавый народный юмор, который раздвигал узкие рамки этнографизма, демократизм авторского мировоззрения — все это обусловило широкую популярность произведения не только на Украине, но и за ее пределами. Достаточно сказать, что в Белоруссии в рукописных списках в начале XIX столетия широко распространялась «Энеида навыворот», написанная по-белорусски под безусловным влиянием украинской «Энеиды».

Русский читатель знакомился с поэмой в оригинале и, как отмечалось в «Отечественных записках», «хоть и вполовину понимал ее, однако ж дивился и чудному языку, и остроумию автора». Такое знакомство, естественно, было неполным и не давало полного представления о произведении, а со времени кристаллизации и эволюции литературного языка стало вообще невозможным, поэтому целесообразными были несколько попыток перевода «Энеиды» на русский язык в дореволюционное время. Первый полный перевод поэмы был сделан И. Я. Бражниным в 1952 году и давал русскому читателю лишь беглое представление о ней, потому что произведение было переведено в стилистической плоскости «Энеиды» Н. Осипова, в которой изображение было крайне схематичным, без всякого национального колорита. В переводе была утрачена живость и непосредственность повествования, оригинальность изображения и экспрессивность — все то, что обеспечило поэме бессмертие. Перевод же К. Худенского, завершенный им в 1952 году, был еще более неудачным и напоминал больше подстрочник с массой украинизмов и непереведенных украинских идиом.

И только перевод В. А. Потаповой (1961 год) приближает читателя к сущности оригинала.

Академик А. И. Белецкий назвал его «наиболее эквивалентным вариантом украинскому тексту», потому что переводчица «искусно сочетает в своей передаче русскую речь с элементами понятной русским читателям украинской, ориентируясь на повести Гоголя». Она удачнее «предшественников разрешила труднейшую задачу сохранения и комического и героического характера «Энеиды» Котляревского».

Только что изданные в большой серии «Библиотеки поэта» произведения И. Котляревского являются первым полным изданием произведений поэта на русский язык.

И. П. Котляревский сыграл неоценимую роль в процессе становления новой украинской литературы, и его творчество не только национально, не только народно, но и общечеловечно, оно живо причастно к нашему времени. И празднование его 200-летия свидетельствует об огромной ценности его литературного наследия и его исторических заслугах перед украинским народом.

П. МОВЧАН

В широком этом царстве

Вл. ЛИДИН

Рассказ

После смерти мужа Евдокии Васильевне пришлось растить сына одной, никто не помогал ей, а когда она пришла как-то в учреждение, в котором покойный муж проработал двадцать три года, новый заведующий сказал, глядя мимо нее, словно докучливая посетительница сидела перед ним:

— Вам в свое время помогли, а устроить вашего сына в наш пионерский лагерь не могу, у нас есть свои нуждающиеся сотрудники.

Он как бы хотел сказать этим, что Петр Гаврилович Ряженков уже в числе сотрудников учреждения не числится, и нечего возвращаться к этому. Но сыну Феде было всего восемь лет, нужно растить его, и все на нем горит — и башмаки и пальтишко, из которого он меньше чем за год вырастает, да и у самой все давно поизносилось.

— Вы, Евдокия Васильевна, человек толковый, а нам в торговую сеть именно такие нужны,— сказал ей как-то сосед по квартире Семен Ильич Феофилактов, заведовавший соседним магазином «Молоко»,— мой бывший зам теперь овощным магазином заведует, если желаете — могу порекомендовать вас в качестве продавщицы... Поработаете сначала скромненько, а там, смотришь, и премиальные начнут набегать.

— Большая благодарность,— ответила Евдокия Васильевна,— все равно нужно куда-нибудь устраиваться. Феденька растет, в этом году в школу пошел, пришлось и форму и учебники покупать, кругом в долгах, так что большая благодарность. Только не знаю, справлюсь ли с этим.

Феофилактов, большой и грузный, с чуть отечными мешками под глазами, потер свою гладко обритую голову, сказал: «Не боги горшки обжигают, а в школу торгового ученичества вам идти поздно... осмотритесь, помогут на первое время»,— и Евдокия Васильевна пошла к его бывшему заму Лаврентьеву договориться. Лаврентьев, совсем затурканный — не хватало и продавщиц и кассирш,— сразу сказал то же, что и Феофилактов: «Осмотритесь, поможем на первое время»,— и Евдокия Васильевна заполнила анкету, три дня спустя уже встала за прилавок того отдела, в котором торговали овощами, а на полках позади прилавка стояли стеклянные банки с «лечо», компотами, маринованными яблоками, овощными консервами, и все это красиво продолжалось в зеркалах позади.

Она сначала робко приглядывалась, как старшая продавщица Фирсова сноровисто кидает на весы морковь или чеснок, а покупатели косились по временам на ее большие сизые руки, косились и на нее саму — высокую, рыжую, с мужским голосом, нетерпеливо поторапливавшую замешкавшуюся покупательницу, а за огурцами, или капустой, или томатной пастой приходили большей частью женщины или старички пенсионеры, в очках, несколько робевшие от властности Фирсовой.

Фирсова сначала поглядывала, как вешает Евдокия Васильевна морковь или чеснок, осторожно трогает пальцем тарелку весов, чтобы не ошибиться с граммами, наставительно сказала, когда в час дня магазин закрывался на обед: «Так копаться будешь — с тобой плана не выполнишь»,— сказала это обидно, и Евдокия Васильевна поспешно ответила: «Мне только приглядеться, потом у меня живее пойдет»,— но Фирсова, видимо, не верила, что у этой худенькой, замученной женщины, для которой широк оказался даже самого малого размера халат,— что у нее когда-нибудь пойдет живее.

— Ты бы лучше куда-нибудь в учреждение поступила,— сказала она своим мужским голосом, привыкшая пререкаться с покупателями,— а с торговлей у тебя вряд ли получится.

Она ушла мыть руки, потом села за прилавок, развернула сверток с завтраком: большую булку, разрезанную во всю длину и внутри намазанную творогом, два крутых яйца, вода в электрочайнике уже вскипела, а у Евдокии Васильевны были с собой только несколько кусочков сахара и половинка батона, и она скромно села поодаль, налила себе чаю в кружку, стала отпивать маленькими глоточками, думая о том, что действительно вряд ли справится с работой, покупателям некогда, попадаются и неуважительные. Фирсова огрызнется, а она не умеет этого, вспоминала, как покойная мать вздыхала в свою пору: «Как ты будешь жить, Дуся, с твоим характером... обдерешься вся о колючки, а нужно и свои колючки иметь»,— но у нее никогда не было колючек, и она не хотела иметь их.

Фирсова покосилась на ее половинку батона, задумалась, потом подвинула ей крутое яйцо, сказала: «Съешь, а то и вовсе без силы будешь»,— сказала так, словно не надеялась на свою плохую помощницу, и Евдокия Васильевна испуганно отозвалась:

— Большая благодарность, только не хочется.

— Как это — не хочется? — спросила Фирсова уже совсем грозно.— Что это за мода — отказываться, если тебе добра желают?— И Евдокия Васильевна покорно постукала яйцом о прилавок и ела потом, опустив голову, а Фирсова косилась на нее.

— Ты во время работы на меня поглядывай,— сказала она мирно.— Мою сноровку перенимай... раз-два — и будь здоров, а то такие настырные попадаются, каждую морковочку перещупают, а другим покупателям не очень-то интересно ждать, пока все морковки перещупают. А если ко мне с доверием, то и я навстречу иду, ты это тоже перенимай.

Фирсова отрезала от своей булки кусок с творогом, подвинула ей, сказала: «Ешь»,— и Евдокия Васильевна не смогла отказаться и от куска булки с творогом.

После обеденного перерыва в магазине стало тихо, домашние хозяйки уже накупили нужное, а к вечеру опять наплыло покупателей, но Евдокия Васильевна уже пригляделась к стрелке весов, пошло чуть живее, Фирсова наблюдала за ней, подкинула раз на тарелку весов маленький огурчик, сказала будто про себя: «Грамма недовесишь — пощады не жди»,— а старичок, покупавший огурцы, с

Рисунок В. Юдина.

опаской поглядел на нее, словно именно от него нельзя ждать пощады.

Но Евдокия Васильевна и сама побаивалась Фирсову, да и Лаврентьев, принимая на работу, предупредил: «Отделом заведует Фирсова, вы с ней поаккуратнее будьте, с людьми нужно уметь уживаться»,— должно быть, и сам побаивался Фирсову.

Перед закрытием магазина Евдокия Васильевна купила два свежих огурчика и томатной пасты, это было уже заработанное ею, ноги от стояния за прилавком устали, да и вся она устала после торгового дня.

Сын уже вернулся из школы, находившейся напротив их дома, сидел за столом и делал уроки, такой же тихий и несмелый, как и она, мать, и Евдокия Васильевна с болью посмотрела на него. Через неделю занятия в школе кончатся, целое лето впереди, зелени у них во дворе почти нет, два-три деревца только, а отпускать на улицу страшно, восемь лет всего, и не отпускала никогда одного его.

— Вот такие у нас с тобой дела, Феденька,— сказала она, когда сели за стол, а борщ она с утра сварила, только прокипятила еще раз с принесенной томатной пастой.— Фирсова, наверно, и не надеется, что живее пойдет у меня... да и робею я, не дай бог — недовесишь или перевесишь, тогда сама в убытке будешь... а нам с тобой денежки нужны, и такая трудность с пионерским лагерем. Может, в будущем году полегче будет.

Она говорила все это не сыну, однако, а самой себе, отвечала своим мыслям, уже привычно невеселым, а сын ел борщ, потом нарезал тоненько огурчик и ел огурчик, а Евдокия Васильевна смотрела на сына, думала о своем и говорила о своем:

— Если бы прежний начальник Виноградов был, он не отказал бы нам — Сергей Иванович, он нашего папу хорошо знал, а теперь новый, и в глаза не смотрит, куда-то мимо смотрит, словно перед ним не живая сижу. «У нас для своих сотрудников не хватает». А мы разве не свои, наш папа двадцать три года в этом учреждении работал, и ничего, кроме благодарностей, у него не было, и две почетные грамоты у меня хранятся, и медали «За оборону Москвы» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—45 годов», такие медали зря не дают.

Евдокия Васильевна говорила все это, а сын ел огурчик, тоненькие ломтики, и сам был печален и испуган от всего того, что пришло после смерти отца, а с отцом все было хорошо, отец мог постоять за них.

— Фирсова отчаянная, конечно,— говорила мать между тем,— и характер, наверно, такой, что лучше подальше от нее держаться, я прямо признаюсь — оробела, когда увидела ее. Может, и вправду лучше было бы куда-нибудь курьершей поступить... там хоть не обвесишь никого, и на тебя никакого начета не окажется. А в конце месяца и вовсе страшно будет заглянуть — как там у тебя получилось: вдруг недостача, и хоть не твоя вина, может, а ты в ответе. Мы скоро черешней и клубникой начнем торговать, уж сто-то граммов всегда твои, на сто граммов мы с тобой разживемся, хоть ягод поешь, если не едешь никуда на лето.

А после борща и пельменей, которые Евдокия Васильевна купила по дороге, пили чай, и она смотрела на стриженую голову сына с оставленной челочкой, на тонкую его шею в вырезе маечки и на его руки, испачканные чернилами,— не так-то легко дается человеку грамота.

— Я, мама, в скверик буду уходить гулять,— сказал мальчик.— Там цветы высадили, только две остановки троллейбуса, так что не беспокойся.

— Да уж, придется не беспокоиться,— ответила она горько.— И зачем матери беспокоиться, незачем совсем беспокоиться ей...

После чая сын пошел поиграть во дворе, начало июня было светлым и теплым, деревца распустились, они хотели жить, хотя ничего, кроме бачков для отбросов, не было рядом, а Евдокия Васильевна села штопать носочки, мысленно проверяла весь свой первый торговый день и даже в отдалении робела перед Фирсовой, а отказаться от яйца и куска булки с творогом не посмела,— еще упрекнули бы в неблагодарности.

Утром она пришла до открытия, стояла у дверей магазина, пока не подошел директор с ключами, потом Фирсова и другие продавщицы, и снова сыро запахло овощами — чесноком, ботвой редиски и морковью. С утра покупателей было много, потом стало поменьше, и Фирсова выждала минутку и спросила:

— Ты чего в торговую сеть пошла... думаешь, план легко тут выполнить? Тут только, смотри, себя не подведи, да еще и меня подведешь, а я этого терпеть не намерена.

Евдокия Васильевна промолчала, было это несправедливо, все-таки она старалась вчера, и Фирсова видела это.

— Чего же ты молчишь? — спросила Фирсова уже совсем жестко.

— А что мне сказать? Жить, Нина Петровна, нужно, у меня сынишка во второй класс переходит, занятия скоро кончатся, а в учреждении, где муж двадцать три года служил, там места в пионерском лагере не оказалось, для своих сотрудников не хватает, а мы теперь, конечно, не свои. Двора у нас при доме, можно сказать, и нет совсем, два-три деревца, да еще напротив здание сносят, такая пылища, я и окна не открываю в комнате. Вот так и живем мы с Феденькой, а он совсем еще маленький, восемь лет только.

— Это неправильно все,— сказала Фирсова, не пояснив, однако, что именно неправильно: то ли, что места не нашлось в пионерском лагере, или что дом сносят, а водой развалины не поливают, или неправильно было, что она, Евдокия Васильевна, поступила в торговую сеть, где того и гляди саму себя подведешь да еще и других к тому же?

В обеденный перерыв вымыли руки, вода в электрочайнике закипела, и они сели пить чай, а Фирсова сказала: «Ну-ка, попробуй, мать пирог испекла», и дала попробовать кусок пирога с яблоками.

— Все на женщину, все на нее ложится,— сказала Фирсова еще,— а покупателю что: отмерь да отвесь, ему что — в духе ты или не в духе, ты свое настроение дома оставляй... а я — человек и женщина к тому же, и ты тоже человек и женщина к тому же.

Евдокия Васильевна не понимала, что Фирсова хочет сказать этим, но и у той тоже, видно, не так-то гладко сложилось в жизни, есть свои зацепины, и проржавело, может быть, многое... Фирсова, однако, больше ничего не сказала о себе, придирчиво наблюдала весь день, как работает она, Евдокия Васильевна, добавила раз пол-ложечки томатной пасты в банку покупателя, промолчала, только добавила пол-ложечки, а к вечеру Евдокию Васильевну вызвал в свой директорский кабинетик Лаврентьев. На стенах кабинетика развешаны были плакаты с изображением стандартов овощей и некоторыми сведениями насчет белокочанной и брюссельской капусты и огурцов — нежинских, муромских или неросимых.

— Ну, как у вас с Фирсовой? — спросил он напрямик.— Сработается?

— Я стараюсь, Иван Егорович,— сказала она.— А довольны мной или нет, пока не знаю.

— Мы с ней договорились — на испытательный срок возьму вас... а входить с ней в конфликт из-за вас не стану, имейте это в виду. Переведем в консервный отдел тогда, там работы пока поменьше, а когда ягоды и фрукты пойдут — к тому времени приспособитесь.

— Вам виднее,— отозвалась Евдокия Васильевна так, словно была виновата в чем-то, и Лаврентьев только посмотрел на нее, сказал: «Ладно, идите работать»,— и она вернулась к своему прилавку, а Фирсова спросила: «Зачем тебя вызывал директор?»,— и Евдокия Васильевна рассказала, зачем ее вызывал директор.

— В этом деле я прокурор, он меня наперво должен был спросить! — сказала Фирсова с сердцем и, выждав, когда поменьше стало покупателей, пошла к директору, а Евдокия Васильевна совсем осужденно стояла за прилавком, украдкой вытирала тылом ладони глаза, а слезы набегали и набегали: и так трудно жить вдвоем, без отца, ничего не устроено, и в пионерском лагере не нашлось для Феди места,— а что же благодарности и медали «За оборону Москвы» и «За доблестный труд» так и пошли прахом, словно никогда его, Петра Гавриловича Ряженкова, и не было, и не сражался он в ополчении на рубежах Москвы?

Фирсова вернулась от директора, стала на свое место, пришла покупательница, и Фирсова свесила сначала на весах принесенную банку, потом ловко, не закапав краев, наполнила банку томатной пастой.

— Ты, Дуся, приглядывайся, как я действую,— сказала она, когда покупательница ушла,— тренируйся помаленьку, а если в целлофановый мешочек потребуют — его так раскрывать нужно,— и она взяла из стопочки целлофановый мешочек и показала, как нужно растереть его слипшиеся края, чтобы мешочек раскрылся.

Евдокия Васильевна научилась понемногу и накладывать в банки томатную пасту так, чтобы не измазать краев, и раскрывать слипшиеся целлофановые мешочки. Конечно, Фирсова действовала более ловко, но она уже не первый год в торговой сети, высится над своим прилавком, и покупатели подумывают, наверно, о том, что лучше поосторожнее с этой рыжей мужеподобной женщиной.

— Вот что, Дуся,— сказала Фирсова раз,— ты старательная, со временем осмотришься, хотя пока не очень-то получается у тебя. Но ты старательная, и в жизни у тебя не так-то хорошо пошло, рано без мужа осталась. Тебе сколько лет сейчас?

— Тридцать шесть уже,— ответила Евдокия Васильевна.

— Вот видишь,— сказала Фирсова только,— вот видишь.

Потом она молчала, и Евдокия Васильевна тоже молчала, в магазине было тихо, зимние соленья и провансаль уже кончились, и «лечо» и фаршированный перец летом не очень-то хорошо идут, а свежую капусту только недавно стали завозить.

— Я тебе одно предложение сделаю,— сказала Фирсова,— мой парень в деревню к бабушке, моей матери, на лето уезжает, у матери под Серпуховом домик... а про семейное мое положение я тебе ничего не рассказывала. С мужем мы давно — он на юг, я — на север,— и слава богу, что так, пусть подальше от меня пьет, а парень со мной, он постарше твоего, в этом году в четвертый класс перешел. Он ничего, Юрка, я на него не обижаюсь... пускай поедет твой с ними, и мать не против, она хорошая женщина, денег с тебя не возьмет, конечно, а мы нашим робинзонам насоберем кое-чего, а там — Ока, и рыбу половят вместе.

Фирсова посмотрела на нее выжидающе, словно готовая отчитать, если та откажется, посмотрела в то же время по-женски,— кому же, как не женщинам, понимать одна другую да и посочувствовать одна другой при случае?

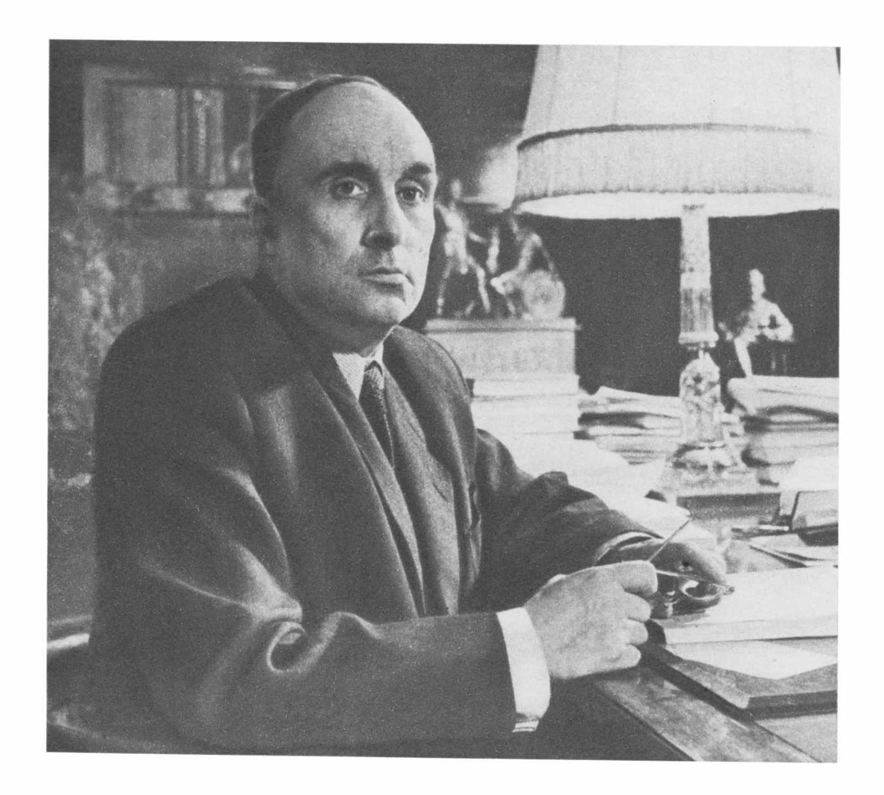
— Просто и не знаю, что ответить,— сказала Евдокия Васильевна,— такая неожиданность.

— А тебе и отвечать незачем: готовь своего к десятому июня, как раз мать в Серпухов поедет и заберет с собой обоих. Она тоже одинокая — еще и самой в утешение будет... так уж мы, женщины, устроены, такое наше устройство.

Фирсова стояла, опираясь о прилавок своими чуть розовыми от томатной пасты или моркови руками, высокая, с огненным пуком волос, отпугивавшая иногда покупателей мужским своим голосом.

— Мать Ларисой Семеновной зовут, она тихая, не в меня пошла,— засмеялась она.— Твой Федор у нее уживется... опять же — Ока, летом на реке чего лучше. Жизнь-то не только с занозами, смотришь, и хорошо еще пойдет, найдется и для нас с тобой место в широком этом царстве.

Фирсовой, видимо, давно нужно было сказать кому-нибудь все это, давно нужно было кому-нибудь довериться, но и Евдокии Васильевне тоже было теперь кому порассказать, как пошло в ее жизни. Она стояла у прилавка, смотрела перед собой, думала о том, что следует только заглянуть в человека, только немножечко заглянуть в него... а Фирсова слезинки при других не выронит, все носит в себе с женской своей гордостью, и нужно иной раз не одну лопату перекинуть, чтобы добраться до самого главного в человеке.

ШКОЛА

Школа... Если вы положите на стол ученого статью и скажете: это работа президента, почетного члена и так далее,—это не произведет особого впечатления. В науке свои титулы. Если просто, без титулов, скажете: работа ученого школы Несмеянова,— это лучшая рекомендация для внимательного прочтения.

Школа — это самое высокое признание в науке. У Александра Несмеянова был великий наставник — академик Николай Дмитриевич Зелинский. Он предложил ему тему — изучение белка. Работая над ней, молодой ученый сумел нащупать совершенно новое направление исследований. Элементоорганика — наука, ставшая содержанием жизни Несмеянова, в ту пору была практически неизвестна. Строить предстояло на пустом месте.

Нынче много говорят о стыке наук: в точках их соприкосновения количество открытий удваивается и утраивается. В конце 60-х годов — это аксиома; в 30-х — она была ослепительной догадкой молодого исследователя.

Деление химии на органическую и неорганическую существует и по сей день. Правда, сейчас оно достаточно условно, но в 30-е годы в химии было два самостоятельных государства.

Одна из первых работ Несмеянова перебросила мостик между двумя химиями. По выражению его коллеги академика Н. Н. Семенова, Александр Николаевич разработал «простой и изящный метод синтеза металлорганических соединений». Получив впоследствии название «метод Несмеянова», он лег в основу дальнейших исследований многих ученых. Сначала их были десятки, потом сотни. И четверть века спустя впервые прозвучало: «школа Несмеянова».

Школа... Среди ее выпускников академики и члены-корреспонденты, более двухсот докторов и кандидатов химических наук.

В 1954 году «школа Несмеянова» обрела вполне материальные стены. По инициативе Александра Николаевича был создан Институт элементоорганических соединений — сокращенно ИНЭОС, или Институт Несмеянова, как в обыденной жизни говорят ученые. Только через восемь лет появился второй ему подобный за рубежом.

...Шутники утверждают, что мода движется по замкнутому кругу, что новое — это всего лишь хорошо забытое старое. В этом есть, конечно, доля истины, но XX век вносит свои поправки. Круг современной моды стал совершенно иным из-за появления синтетических тканей, в разработке которых приняли участие ученые школы Несмеянова.

...Вместо зонтика-парашюта на тяжелой палке мы пользуемся тончайшими плащами — благодаря водоотталкивающим составам, созданным учеными несмеяновского института.

...Природа оберегает свои секреты. Попробуй-ка отними у нее запах земляники или душистого сена! Химики Института элементоорганических соединений синтезировали новые душистые вещества с ароматами полей и цветов, с запахами, которых даже и нет в природе.

...Только благодаря антидетонатору двигатель не выходит из строя, и мы спокойно разъезжаем в автомобилях. Правда, и старый антидетонатор со своей задачей справлялся, но был, как говорится, не без греха. Тяжелый угарный воздух, что застилает улицы больших городов,— это и его вина. Новый, синтезированный школой Несмеянова антидетонатор уничтожает ядовитый шлейф и, кроме того, экономит до 3,5 миллиона тонн бензина в год.

Из стен института вышли в свет полимерные пленки, которыми мы защищаем от заморозков растения в парниках и заворачиваем продукты; новые лекарства; мощные инсектофунгициды — ядохимикаты для защиты полей и многое другое.

Один только перечень достижений школы элементоорганики показывает, что по степени «материализации» научной мысли она занимает почетное место.

Ленинские премии присуждают за бесспорные с позиций мирового уровня научные достижения, за коренной переворот в той или иной области науки и техники. В 1966 году Александр Николаевич Несмеянов получил Ленинскую премию за цикл исследований в области элементоорганических соединений, а по существу, за создание новой науки.

О последних работах Несмеянова следует сказать особо. Спустя три с лишним десятилетия Александр Николаевич вернулся к теме белка, которой была посвящена его студенческая работа.

Впервые в нашей стране он начал разработку колоссальной по своим возможным последствиям проблемы синтеза искусственной пищи, о которой еще Менделеев говорил: «Как химик, я убежден в возможности получения питательных веществ из сочетания элементов воздуха, воды и земли, помимо обычной культуры, т. е. на особых фабриках и заводах...»

Слова «искусственная пища» в сознании людей часто ассоциируются со словом «суррогат». И следует сразу же заметить, что и речи быть не может о каких-то питательных таблетках без вкуса и запаха. Вот что говорит по этому поводу сам А. Н. Несмеянов:

«Никто не станет принимать пищу в пилюлях. Значит, задача, и вполне выполнимая, состоит в том, чтобы создать ее в виде настоящей, полезной и вкусной еды. Она даже может стать более питательной, потому что в нее добавят все недостающие в природе витамины, соли и другие вещества. Это будет большим шагом. В сельском хозяйстве, например, освободится сразу огромное количество людей, способных заняться другими видами деятельности, домашним хозяйкам не придется возиться на кухне, потому что синтетическую пищу будут доводить на заводах до состояния полной готовности. Значит, появится больше времени для творческого труда, для занятий искусством. Представляете, какие перспективы открываются с созданием синтетических продуктов питания!».

Видеть в настоящем ростки далекого будущего... В этом замечательная черта Александра Николаевича Несмеянова:

«Представим себе то время, когда экономика синтеза пищи одержала верх над старинными традиционными способами ее получения. Несколько огромных заводов, расположенных в разных местностях страны, богатых углем или нефтью, вырабатывают потребную населению пищу...

Идеальным становится аспект питания. Полноценная по составу (белки, углеводы, жиры, витамины), приспособленная к возрасту пища лучше обеспечивает нормальные функции организма, чем любая естественная. Нет больше толстяков, ожирения сердца и печени и других подобных болезненных явлений...

Постепенно уменьшается площадь пахотной земли, возрастает лесная и парковая. Прекращается высыхание и обмеление рек, и наряду с изобилием пищи решается все острее встающий вопрос о недостатке пресной воды на Земле...

Все это только постановка проблемы — посадка дерева, крона которого уходит высоко в будущее, но корни заложены в почве настоящего и зовут к глубокой разработке».

А. ДЕНИСОВ

Художник и ценитель искусства.

Питер Брейгель Мужицкий

400 ЛЕТ СО ДНЯ СМЕРТИ

Борис ЩЕРБАКОВ

Принято говорить, что у выдающихся людей, оставивших яркий след в истории человечества, есть только одна дата — дата рождения.

У Питера Брейгеля эта дата неизвестна.

Родился он в брабантской деревеньке Брейгель близ городка Гертогенбосха где-то после 1525 года. Деревень с этим названием две, и в какой из них родился Питер, тоже неизвестно.

Если б художник ван Мандер, живший несколько позже, не записал некоторые сведения о своих коллегах, биография Питера Брейгеля была бы, очевидно, совсем неизвестна. Правда, мы знаем, что даже свидетельства современников отнюдь не самый верный источник, и многие мемуаристы фантазией заменяют отсутствующие факты. Впрочем, биография художника как будто складывалась обычно для той эпохи.

Юношей покидает он свою деревню и попадает в Антверпен. Поступает в мастерскую прославленного мастера Питера Кука ван Альста. В 1551 году Питер Брейгель становится членом гильдии св. Луки и через два года отправляется в Италию для ознакомления с искусством великих. Об этом путешествии имеются уже документальные свидетельства — тонкие кружевные пейзажные рисунки молодого художника.

Это своеобразный дневник путешествия. К сожалению, время не сохранило его целиком. Но и то, что дошло, позволяет нам проследить путь молодого Брейгеля через южную Францию, Альпы, где, пораженный суровым величием горных пейзажей, он наносит их трепетной, тонкой линией на листы белой бумаги.

Художник посещает Венецию, Болонью, Рим, Неаполь, но царственный гений чувственного Тициана, гармоническая чистота рафаэлевских мадонн и мятежный дух величайшего из великих, творца Сикстинской капеллы Микеланджело не покорят душу фламандца из местечка Брейгель. Эти светила не ослепили его, он знает свою тропу, и его не собьешь.

Увозя из Италии серию рисунков, Питер оставляет там первую свою картину, «Неаполитанская гавань», которую можно увидеть в палаццо Дориа в Риме.

Творчество Брейгеля разнообразно и по жанрам и стилистически. С одной стороны, оно связано с мистикой средневековья, с аллегориями, иносказаниями, с другой — прокладывает дорогу в искусстве к изображению обыденной жизни незаметных, простых людей. Через всю свою творческую жизнь художник проносит любовь к пейзажу — от первых рисунков итальянского путешествия до удивительного по чистоте и гармонии пейзажа в одной из последних картин на тему библейской притчи о слепых.

Если говорить о влиянии современников и предшественников, то прежде всего следует вспомнить известного художника Иеронима ван Акена, прозванного Босхом. Живопись Босха поразила воображение юноши средневековой мистикой, поэзией ужасов и страхов и позже оказала влияние на его творчество.

Фантазия Босха необычайно изобретательна. Картины ада, греховных соблазнов и возмездия устрашали верующих в загробную жизнь. Реальность кошмаров приятно щекотала воображение «южного диавола», короля Филиппа II. Не случайно под сумрачными сводами Эскуриала хранились лучшие картины Босха. В них великий монарх черпал вдохновение, изобретая пытки для непокорных представителей свободолюбивого народа Нидерландов. Пытки, виселицы, аутодафе были обычным зрелищем. Картины ада, пороки и добродетели, искушения и соблазны — все это было распространенной тематикой средневековья и от Босха пришло к Брейгелю.

Раздумья над делами людей, над смыслом жизни, зачастую окрашенные горечью разочарований, преклонение перед вечной красотой природы, равнодушной к суетному и жестокому человечеству, формировали творчество Питера Брейгеля. Ноты иронии, скептицизма звучали с самого начала в его произведениях. Изображая сеятеля, бросающего зерна в возделанную почву, он не забывает о птицах, которые, следуя за сеятелем, клюют эти зерна.

Своя, необычная точка зрения на события является характерной чертой мастера. Беря такой распространенный сюжет, как «Падение Икара», он изображает пахаря, идущего за плугом, пастуха, созерцающего бегущие по небу облачка. И никому нет дела до гибнущего в морской пучине Икара. Автор заставляет зрителя задуматься.

Ничто не остановит мирного течения жизни, никому нет дела до героя, хотя после будет создана о нем легенда, которая останется жить в веках.

С точки зрения художественной произведение это не сделало славы живописцу. Много несовершенного в его композиции и рисунке, но тонкий, глубокий замысел изобличает художника умного, который не пройдет мимо явлений жизни, способных затронуть ум и сердце человеческое.

Вслед за пейзажной серией гравюр Брейгель создает серии «Добродетели» и «Пороки», а затем с несколько отвлеченных рассуждений на философские темы он переносит свой взгляд на окружающую его жизнь, из самой обыденности извлекая смысл глубокий и обобщенный.

В 1559 году появляется первая картина этого направления — «Битва Карнавала и Поста». Откуда-то из чердачного оконца смотрит художник на площадь маленького городка, заполненную веселящимся людом. Не без иронии наблюдает он за этой суетной толпой, за этими людьми-букашками и, может быть, с горечью задает вопрос: «Пошто беснуетесь?»

Обращается художник и к народной мудрости, создавая свои «Фламандские пословицы», а затем «Игры детей», где вновь ставит вопрос: а что же такое люди? Почему бессмысленные забавы так радуют, так забавляют этих маленьких и больших человечков? Какой смысл в том, что́ они делают? И дальше мы вдруг видим — смысла нет.

В 1561 году Брейгель создает «Триумф смерти», затем «Безумную Грету» и «Низвержение грешников». Смерть торжествует победу, сопротивление бесполезно, да люди и не сопротивляются. В лучшем случае они ищут спасения, мечась в безумном страхе и все же попадая в объятия неумолимой смерти. Небо заволокло дымом пожарищ, силуэты виселиц вырисовываются на его фоне. В смысле изобретения сцен ужасов Брейгель не уступает Босху. Как раз в это время в стране соз-

Питер Брейгель Старший. Между 1525 и 1530—1569. СЛЕПЫЕ. 1568..

Питер Брейгель Старший. КРЕСТЬЯНСКАЯ СВАДЬБА. Художественно-исторический музей. Вена.

ГОЛОВА КРЕСТЬЯНИНА.

Питер Брейгель Старший. ВОЗВРАЩЕНИЕ СТАДА. 1565. Художественно-исторический музей. Вена.

дается напряженная обстановка. Издан вердикт о казни еретиков, объединяются для борьбы лучшие силы Фландрии.

Недаром мудрые говорили: не смерть страшна, а ожидание смерти. Вот это-то напряженное ожидание катастрофы, ожидание бури и побудило художника погрузиться в мир ужасов.

Однако здоровая крестьянская натура вскоре берет свое, и он вновь возвращается на простор фламандских полей, к реальной жизни, свету, к немудреным радостям и труду своих односельчан.

В 1563 году Брейгель женится на дочери своего учителя ван Альста. Он переезжает в Брюссель, что, видимо, не было случайностью, так как в это время многие друзья и единомышленники художника покидали Антверпен и даже эмигрировали за границу.

Удалившись в Брюссель, Брейгель начинает интенсивно работать над серией пейзажей, носящих название «Месяцы». Эта работа принесла ему широкую известность и по праву занимает видное место в мировой истории живописи, хотя до нас дошло лишь пять картин из двенадцати. К числу лучших относится «Охотники на снегу», или «Декабрь». Ничто не ускользает от зоркого глаза, после кошмарных видений, вызванных предчувствием катастрофы, с упоением возвращается он к реальной действительности. Легко и свободно дышится на тихих улочках городков, среди полей и холмов. Художник переодевается в крестьянскую одежду, чтоб затеряться в толпе, не привлекая ничьего внимания.

Пейзажи «Месяцев» густо заселены людьми. Некоторые скорей воспринимаются как жанровые картины.

Декабрь. Охотники возвращаются домой со сворой собак. Они устало бредут по снегу. На втором плане развертывается панорама небольшого поселка, жители занимаются своими делами, веселятся, катаются на коньках, заготовляют хворост для печей.

Каждый квадратный сантиметр картины насыщен деталями, но это не мешает цельности впечатления. Ощущением тихой, размеренной жизни веет от этой картины.

Если в изображении фигур у Брейгеля мы встречаем порой известный схематизм и упрощение, то пейзажи, как правило, несравненно более насыщены смысловыми и пластическими деталями, в них больше жизни. Эта особенность, характерная для большинства произведений художника, довольно ярко проявилась в картине «Возвращение стада» (ноябрь), где первопланные фигуры и стадо выполнены несколько схематично. Выразителен только всадник. Это не просто обозначение фигуры в условном движении, а живой человек с определенно выраженным внутренним состоянием.

В противоположность мертвящей схематичности людей и животных пейзаж живет своей жизнью, начиная от ветвей обнаженных деревьев до силуэтов скалистых гор у горизонта. В движении обнаженных сучьев гораздо больше жизни, чем в движении людей и коров, не говоря уже о заднем плане, где чувствуется атмосфера, собственно и создающая настроение сурового безмолвия нахмурившейся природы.

Весь цикл «Месяцы» заставляет думать, что художник вновь обретает родину и видит смысл существования в труде человека, благом считает слияние его с природой.

Однако, как верный сын своего народа, как человек с чутким сердцем, Брейгель не может оставаться в стороне от событий, начинающих развиваться довольно стремительно.

Время преддверия революции, активной борьбы с испанцами. Вспыхивает восстание, охватившее широкие народные массы.

В 1567 году герцог Альба, по справедливости заслуживший прозвище Кровавого, с войсками и неограниченными полномочиями вступает во Фландрию.

По приговору «кровавого совета» подвергаются казни 18 тысяч фламандцев разного сословия. Пылают костры, воздвигаются виселицы, гибнут невинные люди. Три года назад казавшийся кошмарным сном «Триумф смерти» Питера Брейгеля становится реальной действительностью.

Вот исторический фон новых его произведений на евангельские темы, где сюжет является лишь предлогом для замаскированного отражения реальных событий.

Наиболее ярким примером может служить картина «Избиение младенцев», где, по существу, художник изображает расправу карательного испанского отряда с жителями фламандской деревни. Он не побоялся одеть карателей в форму испанских солдат и со свойственной ему правдивостью изобразил как фон разыгравшейся трагедии обычную деревню в хмурый зимний день.

«Поклонение волхвов», «Вифлеемская перепись» — все они перенесены художником в обстановку тихого фламандского городка, причем в зимнюю пору — еще лишний штрих, подчеркивающий обращение художника к судьбам своего народа.

Но и в эти тяжелые для родины годы Брейгель не теряет веры в силу народного духа, его нравственное здоровье и физическую мощь. Свидетельство этому такие картины, как «Крестьянский танец», «Крестьянская свадьба», «Танец на свадьбе». Эти произведения отличаются от всего ранее созданного прежде всего тем, что человек в них обретает характер, становится личностью.

Если в картинах, даже таких остросюжетных, как «Избиение младенцев», вы видите всю сцену с большого расстояния и скорее угадываете, чем чувствуете внутреннее состояние действующих лиц драмы, то в картинах «Крестьянский танец» и «Крестьянская свадьба» зритель сам становится участником события. Он может познакомиться с каждым героем. С волынщиком, комично надувшим щеки, с лихим парнем, пустившимся в пляс и увлекающим за собой не менее стремительную партнершу. И несмотря на то, что эта центральная фигура очень не убедительна по рисунку и нелепа по пропорциям, от картины веет могучей силой, неизбывной жаждой жизни. Мы можем себе представить, что где-то в толпе, переодетый в крестьянскую одежду, затерялся и художник, наблюдая с добрым юмором и любовью этих веселящихся взрослых детей.

«Крестьянская свадьба» — единственная картина Брейгеля, где действие происходит в интерьере, где фон является лишь легким аккомпанементом и не играет самостоятельной значительной роли.

Эта картина — протест против особого приказа, изданного еще отцом Филиппа II, Карлом V, который запрещал собрания, сходки. Даже за свадебным столом не разрешалось собирать более двадцати человек. В своих картинах, гравюрах, рисунках Питер Брейгель откликается на все, что волнует современников.

Если он пишет «Несение креста», то зрители видят в этом трагическом сюжете повседневные сцены, совершающиеся у них на глазах, когда по велению «святой» инквизиции отправляли на костер еретиков или казнили восставших.

...В 1568 году, после казни Эгмонта, жестокого подавления народного восстания, в период разгула кровавого деспотизма герцога Альбы, когда апатия и безнадежность охватили лучших людей Нидерландов и широкие народные массы, художник пишет произведения, в которых возвращается ко времени трагических предчувствий, ко времени создания «Триумфа смерти», «Безумной Греты» и «Низвержения грешников», но приближает тематику к более конкретным, современным событиям. Так, в «Мизантропе» он осуждает лживость и лицемерие, в «Нищих» высмеивает гезов, нравственных калек и уродов, которые не могли объединиться для борьбы и теперь ждут подачки от сильных мира сего.

«Неверный пастух» — единственная однофигурная композиция Брейгеля. Она изображает пастуха, в страхе за свою жизнь убегающего от своего стада, подвергшегося нападению. Намек более чем прозрачный на поведение некоторых руководителей народного восстания.

Художник идет дальше по этому пути и пишет своих «Слепых» — трагедию «слепых, ведомых незрячим», как гласит библейская притча. Неизбежен печальный финал — все попадут в яму. Сочувствия не вызывают эти несчастные. Они не только физически неполноценны, но и нравственно уродливы. Слепота, лишившая их возможности видеть, сколь прекрасен мир, наложила отпечаток и на их души. Низменные страсти могут овладеть этими людьми, ибо они никогда не поднимутся до понимания чистой, ясной гармонии, которая разлита в природе. Остроту этих сопоставлений подчеркивает удивительный по своей прелести пейзаж, на фоне которого развертывается действие. Картина эта адресована политическим деятелям Фландрии, показавшим свою слепоту и бессилие в руководстве событиями, приведшими страну к катастрофе.

Последнее полотно, оставшееся на мольберте в мастерской художника, когда к нему пришла смерть, это «Сорока на виселице». Скольких разочарований оно свидетель! Видно, в минуту горькую родился замысел этого произведения. В часы раздумий о судьбах погибших, о неблагодарности и легкомыслии человечества и о вечной красоте и гармонии природы.

В какой-то мере художник пытается вернуться к прежним решениям. Это пейзаж, где высокий горизонт позволяет развернуть бесконечное пространство с теряющимися в дымке домами.

Опять целый мир. Холмы, поля, за́мок на высокой скале, небольшой городок. Все это растворяется в мягком, влажном воздухе теплого солнечного дня. В правом углу картины водяная мельница с огромным колесом, как символ вечного движения. Идиллический пейзаж. Тихий, ясный, солнечный день. И в эту идиллию вдруг вторгается диссонирующим аккордом силуэт виселицы. Она занимает центр картины, на верхней перекладине сидит птица, чуть подалее крест, означающий место погребения казненного.

Остановись, путник, и задумайся! — говорит художник. Мы знаем, он сам много думал о тех, кого нет, о жертвах, которые, увы, как он видит теперь, так быстро забыты, а может быть, они и... напрасны. И это особенно горько, обидно. Поэтому с таким весельем заставляет он трех селян отплясывать свой танец почти у подножия виселицы.

На первом плане парочка изрядно, видимо, подвыпивших мужчин идет мимо, кичливо подбоченясь. Народ веселится, он живет сегодняшним днем. Сегодня солнце сияет в безоблачном небе, вокруг тишина и благодать. Забыты грозные дни, забыты те, кто пал жертвой кровавого произвола, но о них помнит художник и как завещание потомкам оставляет на мольберте эту картину, возвращая нас, живущих через четыреста лет после смерти Питера Брейгеля, к раздумьям о его времени...

Умер Брейгель в Брюсселе в 1569 году.

Почему же все-таки этот мастер XVI века не забыт и имя его мы ставим если не рядом с титанами вроде Тициана, Микеланджело, Рембрандта, то где-то не очень далеко от них?

Ведь искусство Брейгеля не отличается высокой пластикой и строгим рисунком. И до него и после были мастера, владевшие с большим совершенством этими сторонами искусства. Но вряд ли кого можно поставить рядом, когда вопрос встанет о глубокой человечности, о неразрывной связи творчества художника с судьбой своего народа.

У Брейгеля было горячее сердце, острый, наблюдательный глаз и философский ум, способный осмыслить события в крутящемся калейдоскопе жизни.

Трусость, низость, лень, равнодушие, алчность и другие человеческие пороки не были оставлены без внимания художником.

Величие Брейгеля мы видим в его гражданском пафосе и высоком гуманизме. Пожалуй, не так уж много в мировой истории искусства можно назвать художников, которые столь тесно связывали свою судьбу с судьбой народа, были бы плотью от плоти его. Будучи глубоко национальным художником, он с такой глубиной ставил вопросы общечеловеческого характера, что они не потеряли своей остроты и сегодня.

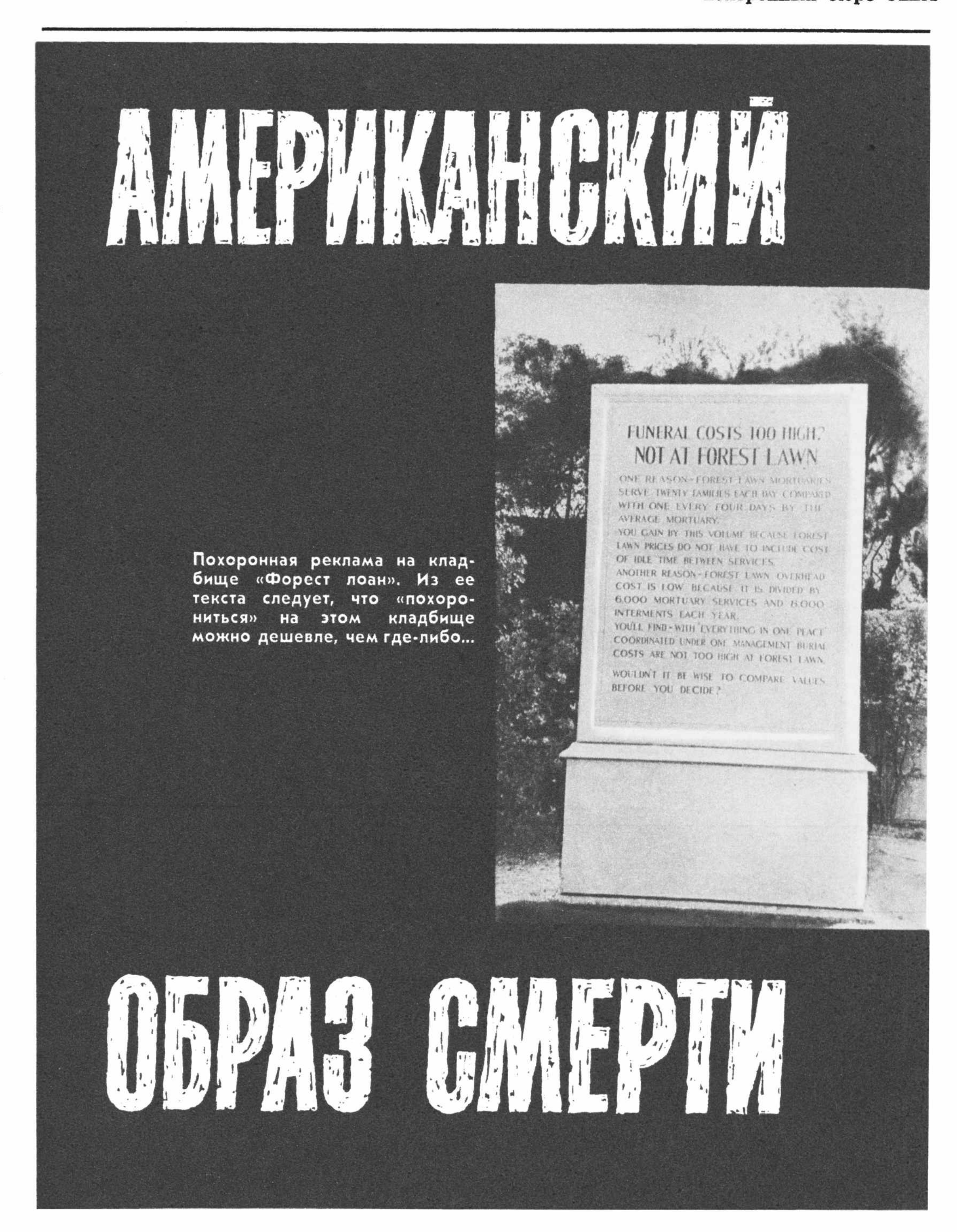
Питер Брейгель близок нам не приемами мастерства, а своим беспокойным духом, своим неравнодушным отношением к язвам на теле человечества, своей одержимостью и неутолимой страстью в поисках правды и доброго отношения к человеку.

Юрий ЖУКОВ

ПОХОРОНЫ ВСЕ БОЛЬШЕ И БОЛЬШЕ СТАНОВЯТСЯ ЧАСТЬЮ АМЕРИКАНСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ.

**Говард Ретер,
исполнительный секретарь
Национальной ассоциации
директоров
похоронных бюро США**

АМЕРИКАНСКИЙ ОБРАЗ СМЕРТИ

Похоронная реклама на кладбище «Форест лоан». Из ее текста следует, что «похорониться» на этом кладбище можно дешевле, чем где-либо...

Солнце уже стояло высоко в зените, когда мы подъехали к какому-то огромному и величественному парку, раскинувшемуся на изумрудно-зеленых холмах. Огромные чугунные ворота (в путеводителе сказано, что они вдвое шире и на пять футов выше, чем ворота Букингемского дворца британской королевы) были распахнуты настежь. У въезда нас ждал благообразный седой господин с огромным черным «кадиллаком».

— Чарльз Векер,— представился он.— Директор благотворительного фонда, созданного нашим предприятием. Мне особенно приятно видеть русских гостей; ведь я раньше был композитором и дирижером, а русские так музыкальны... Я слышал Шаляпина. Обожаю Ойстраха. Вы знаете, музыка столь важна в нашем деле... Поглядите, весь этот парк — словно симфония!

Я огляделся вокруг. Били фонтаны. В очаровательных бассейнах плавали лебеди. В тени раскидистых деревьев белели мраморные статуи: Венера Милосская, Леда, Давид — кого только здесь не было! Кое-где высились здания, сооруженные в старинном стиле.

— Мы немного консерваторы,— сказал, сдержанно улыбнувшись, наш спутник.— У нашего Созидателя, покойного Губерта Итона, был строгий вкус. Поглядите направо — это наш административный, так сказать, служебный корпус. Это точная копия дворца в стиле Тюдоров, воздвигнутого в древние времена знаменитым британским строителем Комптоном Виньятесом в Уорвикшайре в Англии. Но не будем терять времени, начнем осмотр с нашего главного сооружения — оно создано по образу знаменитого замка Кампо Санто в Генуе...

Могучий «кадиллак» Чарльза Векера легко, словно играючи, помчал нас в глубь этого удивительного парка по великолепной асфальтовой дороге. Слева и справа мелькали лужайки, гроты, тенистые аллеи. И всюду красовались надписи, выдержанные в лирическом духе: «Шепчущие сосны», «Добрый свет», «Вечная любовь», «Сад невест», «Двор воспоминаний», «Двор патриотов», «Бэбиленд» («Страна младенцев»), «Мирные небеса», «Побеждающая Вера»...

У замка, который, как выразился Векер, был создан по образцу генуэзского Кампо Санто, мы остановились. Действительно, это было внушительное сооружение, напоминавшее большой музей. Тихо шелестели вековые деревья. Цвели цветы на клумбах. Слева на огромной стене было выбито «Кредо» Созидателя — покойного Губерта Итона; справа на такой же мраморной доске красовалась еще какая-то надпись, высеченная резцом гранильщика. Я подошел поближе. Прочел. Не поверив своим глазам, перечел еще раз. Потом сфотографировал; я знал, что мои друзья не поверят мне, когда я буду рассказывать об этом; тут требовалось вещественное доказательство.

Вот какая это была надпись:

«Похороны слишком дороги? Где угодно, но только не в «Лесной лужайке».

Одна из причин этого — погребальные службы «Лесной лужайки» обслуживают десять клиентов в день по сравнению с одним покойником за четыре дня на других кладбищах. Отсюда и ваш выигрыш: цены «Лесной лужайки» не включают стоимости бесполезного времени в промежутках между отпеваниями.

Другая причина — себестоимость похорон в «Лесной лужайке» невысока, поскольку расходы распределяются на шесть тысяч траурных служб и восемь тысяч погребений в год.

Теперь вы понимаете, что при эффективной координации деятельности, когда «все находятся в одном месте», стоимость погребения на «Лесной лужайке» не может быть слишком высокой.

А посему: не будет ли благоразумным сравнить приобретения на каждый вкладываемый доллар, прежде чем делать свой выбор?»

Тут надо остановиться, сделать паузу и дать кое-какие пояснения советским читателям, которые, как я опасаюсь, перестают понимать, что к чему.

Да, товарищи, мы с вами находимся на ультрасовременном американском кладбище под названием «Мемориальный парк Лесной лужайки» («Форест лоан Мемориал парк»), которое служит своего рода прототипом и образцом для сотен и тысяч яростно конкурирующих между собою предприятий кладбищенской индустрии Соединенных Штатов, являющейся одной из наиболее процветающих отраслей американского бизнеса.

Основатель этого предприятия, ныне покойный Губерт Итон, знаменит в США как первооткрыватель настоящей золотой жилы. Ему посвящены книги, альбомы, фильмы. Его имя встретите в справочнике «Кто есть кто». Его называют Созидателем, Мечтателем, Изобрета-

телем Мемориального Импульса, и все это — с больших букв. Начав со скромной должности управителя захудалого, неопрятного кладбища в пятьдесят пять акров, он кончил свой жизненный путь как владетельный принц четырех огромных мемориальных парков, где нашли последнее пристанище уже двести тысяч (двести тысяч!) жителей Лос-Анджелеса, причем родственники каждого из них оставили здесь достаточно денег для того, чтобы эта кладбищенская империя стала одним из мощных столпов калифорнийского бизнеса.

Обо всем этом я подробнее расскажу ниже, а пока что давайте последуем дальше за нашим любезным спутником Чарльзом Векером, столь любящим русскую музыку и американский бизнес.

— Я чувствую, что вас несколько шокирует прямолинейность нашей рекламы,— мягко заметил он, когда я прятал свой фотоаппарат в футляр.— Но мы, американцы, деловые люди, и мы в любой ситуации думаем о наиболее рациональном использовании капитала. Только поточное производство обеспечивает низкую себестоимость и облегчает конкурентоспособность. У нас сейчас четыре мемориальных парка — Глендэйл, Сипресс, Голливуд хиллз, Ковина хиллз, и мы обслуживаем восемь тысяч клиентов в год. Работники нашего предприятия действуют весьма эффективно. Поэтому мы и можем предлагать своим клиентам более выгодные условия, чем наши конкуренты.

— Разумеется,— добавил наш собеседник,— качество обслуживания зависит от того, какую цену изберет покупатель. Самые дешевые участки в районе «Братская любовь» — 308 долларов. В районе «Мирные небеса» участок стоит уже 434 доллара 50 центов, в районе «Побеждающая Вера» — 599 долларов 50 центов, в районе «Вознесение» — 649 долларов 50 центов. Согласитесь, что это разумные цены. Правда, к стоимости участка надо добавить 89 долларов за рытье могилы, затем от 70 до 145 долларов за сооружение склепа плюс 10 процентов за уход и прочее. Я, естественно, не включаю сюда расходы на обслуживание: покупка гроба, доставка тела, гонорар священнослужителя и музыкантов, приобретение цветов — все это в наши цифры не входит [1].

— А сколько стоит место в вашем Кампо-Санто? — невинно поинтересовался мой спутник, корреспондент «Правды» Борис Орехов.

— О, это особая статья! — важно сказал Чарльз Векер.— Здесь покоятся лучшие люди Калифорнии, и среди них сам Основатель, наш незабвенный Губерт Итон...

И тут же, уходя от низменных земных расчетов в мир возвышенных архитектурных идей, он начал красочно описывать необычайные и удивительные качества этого сооружения. Оказывается, то, что мы видели перед собою, было лишь ничтожной частицей этого сооружения: оно уходит одиннадцатью этажами в глубокое подземелье.

— Из стали и бетона, которые затрачены на сооружение нашего Великого мавзолея,— сказал Чарльз Векер,— можно было бы соорудить семнадцатиэтажный дом; строители сделали все, чтобы он был нерушимым. Ведь Калифорния — сейсмическая зона. Мы учли это, и вот наш дворец способен противостоять даже такому катастрофическому землетрясению, какое полностью уничтожило Сан-Франциско в 1906 году. Между этажами проложен специальный мягкий материал, который смягчит удар. Гробы клиентов помещены в отдельных изолированных нишах, и в каждой из них отдельная система кондиционирования воздуха. Воздух в нише полностью меняется каждый час. Я могу с полной ответственностью заверить вас, что ни одна кладбищенская компания не предоставляет своим клиентам таких удобств!..

Мы медленно шли по коридорам и холлам этого дворца, уставленным мраморными статуями. Войдя в роль гида, мистер Векер говорил без умолку:

— Перед вами Моисей великого Микеланджело. Он из каррарского мрамора. Это, как вы понимаете, копия. Но копия эта совершенно особого рода; она снята научным способом с помощью пантографа, воспроизводящего оригинал с точностью до одной тысячной дюйма. Созидателю стоило больших трудов добиться у папы разрешения на это. Но вы должны знать, что для сэра Итона не существовало преград. Его девизом было: «Настойчивость завоевывает все»,— а бог был его главным союзником. Когда чиновники в Ватикане воспротивились его проекту, опасаясь, что пантограф нанесет ущерб оригиналу, он сказал: «Великий Моисей, который смог заставить Красное море расступиться, чтобы пропустить сынов Израиля, не испытает никакой боли из-за того, что его статуя будет репродуцирована с помощью пантографа». Конечно, Созидателю пришлось немало помолиться. Но в конце концов святой Моисей ему помог, и вот его статуя здесь. И сотни тысяч туристов, которые ежегодно посещают наше предприятие, могут любоваться ею...

В одном из обширных мраморных холлов мы увидели три великолепных женских статуи из белоснежного мрамора.

— Это подлинники,— сказал наш спутник.— Работа Кановы. Созидатель сказал: «Если мы хотим привлечь богатых клиентов с большим художественным вкусом, мы должны предоставить в их распоряжение классические произведения великих мастеров в подлиннике. За ценою они не постоят...»

Кому же достались статуи Кановы? На могильной плите под одной из них я прочел: «Генри Вульнер», на другой — «Ирен Мари Брэдфорд». Эти имена ничего мне не говорили. На третьей плите красовалась надпись: «Сестры Долли». Это были знаменитые певички, составившие себе немалое состояние в тридцатые годы. Две из них — Джен и Рози — уже ушли, как говорится, в мир иной и заняли место у подножия мраморной девы Кановы. Третья еще жива, но для нее оставлено здесь же свободное местечко.

Мы свернули в «Коридор кинозвезд». Здесь немало знакомых имен, хотя компания сложилась, как, впрочем, и в жизни, довольно пестрая. У Джин Харлоу, знаменитой «стар» немого кино, отдельный холл, приобретенный у Созидателя за бешеные деньги ее мужем. Рядом покоится Сид Громан, популярный некогда владелец кинотеатра «Чайна тиэтер», в котором устраивались премьеры голливудских боевиков (это ему пришла в голову экстравагантная мысль увековечить в бетоне перед входом в свой кинотеатр отпечатки рук и ног Мэри Пикфорд, Дугласа Фербенкса и прочих кинозвезд); здесь же владелец любимого ресторана актеров Томсон, основатель корпорации «Метро Голдвин Майер» Талберг, президент Итальянского банка Сартори и прочие.

— А сколько стоит здесь местечко? — снова спросил настойчивый Борис Орехов.

Мистер Векер недовольно покосился на него и неохотно сказал:

— Все зависит от того, какое вы закажете оформление. Вот погребение физика Санборна. Как видите, на его саркофаге воспроизведены редчайшие барельефы из древнейшей флорентийской церкви «У врат рая». Стоимость этого погребения семьдесят пять тысяч долларов.

— А есть и дороже? — спросил опять Орехов.

— Да, есть и дороже,— ответил, раздражаясь, мистер Векер.— Есть погребения и до двухсот пятидесяти тысяч долларов. Весь вопрос в кредитоспособности клиента...

Мы шли дальше и дальше, пока не добрались до центрального огромного холла, похожего на большую церковь. Во всю стену здесь был сделан витраж, воспроизводящий знаменитую «Тайную вечерю» Леонардо да Винчи. Здесь же находились копии прославленных скульптур Микеланджело из усыпальницы Медичи—«День», «Ночь», «Утро» и «Вечер». Под витражом красовались мраморные доски, увековечившие память самых знаменитых клиентов этого мемориального парка: тут лежали сам Созидатель — Губерт Итон; умерший несколько лет назад скульптор Гутцон Борглум, прославившийся не столько творчеством, сколько своим шовинизмом; художник Ян Стика, создавший для «Лесной лужайки» колоссальное панно «Холм Распятия» (высота — 45 футов, длина — 195 футов, более тысячи фигур); физик Герберт Эндрьюс Милликэн; сочинительница популярных песенок Кэрри Джейкобс — Бонд; ректор университета Руфус фон Крейсмид. Тут же висела еще одна мраморная доска, на которой была высечена надпись, гласившая, что Совет регентов Мемориального зала постановил считать перечисленных лиц **бессмертными.**

Наш спутник пояснил, что этот зал особенно привлекает туристов и способствует дальнейшему повышению популярности «Лесной лужайки» среди потребителей...

Так началось наше путешествие по этому в высшей степени необычному предприятию, финансовые успехи которого вызывают искреннюю зависть у многих бизнесменов Калифорнии (они буквально зеленеют, когда заходит разговор о неслыханных дивидендах кладбищенской индустрии). И пока неутомимый Чарльз Векер возит нас по аллеям своего огромного хозяйства и показывает нам его красоты, самое время поведать читателю о деловой стороне этого и подобных ему предприятий.

Лет семьдесят тому назад в Америке, как и повсюду в мире, похороны рассматривались как печальное и неизбежное событие, требующее, естественно, услуг специализированных организаций, которые зарабатывали на этом свою толику, но не мечтали о миллионных доходах. В 1880 году в США работало 5 100 похоронных бюро, обслуживших 993 тысячи клиентов. Но в дальнейшем некоторые предприимчивые люди смекнули, что и на смерти можно делать большой бизнес, и в США быстро сложилась мощная кладбищенская индустрия.

Те, кто посвятил себя этому бизнесу, учли, во-первых, что на свете нет ни одного способа столь высокодоходной эксплуатации земли, как использование ее для погребения: под кладбища идут земли самого низкого качества ценой от 300 до 1 500 долларов за акр, а на каждом акре можно разместить минимум 1 500 покойников (если постараться, то и 3 тысячи), причем стоимость каждой могилы исчисляется сотнями долларов. Во-вторых, выяснилось, что можно заработать баснословные барыши на производстве гробов, на строительстве склепов и мавзолеев, на изготовлении венков (фирмы цветочного бизнеса в США зарабатывают на обслуживании похорон 914 миллионов долларов в год!) и т. д.

Мудрено ли после всего этого, что в 1960 году уже 25 тысяч похоронных бюро разделили между собой 1 700 тысяч покойников. В среднем на каждую фирму пришлось всего по 70 похорон — куда меньше, чем в 1880 году,— но зато всякий раз фирмы стремились извлечь максимальный доход; в 1960 году американцы израсходовали на похороны, согласно подсчетам правительственных служб, 1,6 миллиарда долларов, поставив тем самым новый национальный и мировой рекорд.

Как и все другие отрасли американского бизнеса, кладбищенская индустрия в США тяготеет к централизации. Возникают крупнейшие монополии; к их услугам созданы колледжи, готовящие специалистов погребальных наук; издаются одиннадцать профессиональных журналов и газет; невероятных размеров достигает реклама. На первый взгляд может показаться, что весь этот сервис облегчает нелегкую и драматическую обязанность близких покойного, стремящихся отдать ему последний долг. Но на деле кладбищенская отрасль бизнеса, как и многие другие, приобретает поистине уродливые и порою чудовищные формы, причиняющие людям дополнительные страдания, не говоря уже о том, что хищные ловцы дохода буквально грабят людей, которые в эти трагические минуты бессильны торговаться.

В 1963 году в США была издана книга Джессики Митфорд, которая называлась «Американский образ смерти». Во всеоружии огромного фактического материала Джессика Митфорд разоблачала этих грабителей. Книга ее выдержала девять изданий, о ней много писали в газетах. Но в деятельности кладбищенской индустрии ничто не изменилось. Напротив, ее дивиденды возросли еще больше, а меры обращения с клиентурой стали еще наглее.

Теоретически американские кладбища —

[1] Согласно официальной статистике, общая средняя стоимость похорон в США определяется суммой, близкой к 1 450 долларов.

«бесприбыльные организации», так сказать, благотворительные учреждения. Поэтому они даже не облагаются налогами. Но куда же деваются те десятки миллионов, которые они выручают? Мистер Векер популярно объяснял нам:

— Выручка идет на обслуживание кладбищ. Кроме того, существует благотворительный фонд, председателем которого я имею честь состоять. В него отчисляется десять—четырнадцать процентов прибылей...

Но вот факты иного порядка. Основанная Итоном «Форест лоан мемориал парк ассошиэйшн корпорейшн» — это своего рода центр галактики, вокруг которого вращается целый сонм контролируемых этой «неприбыльной» корпорацией коммерческих фирм и акционерных обществ, владеющих недвижимостью. Одна из них — «Форест лоан компани», землевладельческая компания; другая — акционерное общество, которому принадлежит 99 процентов акций ряда других землевладельческих компаний; третья — компания, специализирующаяся на выдаче займов и на ипотеках и т. д. Наряду с этим «бесприбыльная» корпорация монополизировала собственно кладбищенское дело — погребения, торговлю венками и цветами, сооружение и продажу склепов и памятников, торговлю открытками, сувенирами.

«Итонз лэнд компани» осуществляет все денежные операции с землей, которую использует «Форест лоан мемориал парк ассошиэйшн корпорейшн». Юридически земля кладбищ принадлежит ей, а «неприбыльная» кладбищенская корпорация, выступающая якобы в роли комиссионера, лишь торгует могилами, вырытыми в этой земле. Но каждому ясно, что это фиктивная манипуляция: ведь «Итонз лэнд компани» скупает земли на деньги, которые ей «одалживает» эта «бесприбыльная» корпорация под исключительно низкий процент и к тому же на неопределенный срок.

Кладбища все ширятся. Их оборот возрастает в головокружительной прогрессии. До того, как Итон взял «Лесную лужайку» в свои руки, могилы продавались лишь тогда, когда кто-то умирал и его надо было похоронить. Но вот Созидателю пришла в голову счастливая мысль: убедить клиентов покупать могилы **заблаговременно.** И его доходы начали бурно расти.

Вот типичная реклама, которую вы можете прочесть в американской прессе:

«Мистер и миссис Джонс! Ваша метрика о рождении — это документ, напоминающий о необходимости заблаговременно обзавестись собственностью на кладбище. Мы с вами **должны** иметь место, где нас похоронят. Нам остается единственный выбор: какую из двух цен вы желаете уплатить. Если мы ждем, нам придется уплатить **раздутую инфляцией** цену (и притом наличными!). Это будет срочный расход. Если же мы будем действовать **сейчас,** мы остановим инфляцию. Мы даже добьемся снижения цен. Как хорошие бизнесмены, мы знаем, что надо руководствоваться здравым смыслом, не правда ли?»

Комиссионеры кладбищенских корпораций ходят из дома в дом, доказывая, что гораздо выгоднее и надежнее обзавестись могилой заранее. Они показывают потребителям на дому цветные кинофильмы с изображением своих кладбищ, катают покупателей на вертолетах, показывая с воздуха место будущего их упокоения и доказывая, что могилу надо купить именно у их фирмы, а не у ее конкурентов.

Реклама сильно действует на удивительно послушных ей американцев. Как писала Джессика Митфорд, больше половины граждан США, умерших в 1960 году, были похоронены в заранее приобретенных ими могилах. В то же время еще более трех миллионов американцев купили могилы впрок. Эта «могильная лихорадка» подстегивалась постоянным ростом цен. Одна компания вначале продавала могилы по 150 долларов, потом подняла цены до 380 долларов и заработала на этом за год лишних 250 тысяч долларов; другая продавала могилы вначале по 200 долларов, потом — по 330...

Одна из кладбищенских фирм в Лос-Анджелесе за счет уплотнения посмертной жилплощади запланировала 3 177 «посадок» на акр (приношу извинение читателям за эту профессиональную терминологию американских могильных дел мастеров). Покойников набивают в могилы, словно сельди в бочку — в несколько слоев, один над другим, «семейные» могилы рекламируются с особым рвением: они приносят больший доход. Но наряду с этим планируются и более роскошные условия для тех, кто богаче; если у вас есть лишний миллиончик долларов, вы можете приобрести для себя на кладбище персональный участок с мавзолеем, с залом для отдыха гостей, с садом, с великолепным видом на закат солнца и т. д. и т. п.

Итак, каждому свое: одному, у которого кошелек потощее, мини-могилка с крохотной бледно-зеленой пластинкой, на которой высечены только имя и фамилия, а то и просто инициалы вместо них — вроде тех табличек, какие вешают на ошейники собакам, другому, у которого мошна потолще, памятник работы Кановы или современного скульптора, если покойник предпочитал модерн, и трогательная эпитафия в стихах.

Изобретательность кладбищенских корпораций поистине безгранична. Они зарабатывают, например, сотни миллионов долларов ежегодно на одной лишь косметике для покойников. Сформированы специальные школы мастеров бальзамирования и реставрации трупов. В помощь им создана индустрия, производящая специальные растворы, пульверизаторы для них, разнообразные пасты, масла, пудры, кремы. Покойникам подкрашивают щеки, завивают волосы, подрисовывают брови, вставляют зубы, по желанию заказчиков придают лицу покойника с помощью пластической операции выражение веселой улыбки; если не хватает рук или ног, добавляют искусственные. Ежели покойник был заядлым курильщиком, в руку ему всунут трубку, если он любил читать,— вложат книгу... Лишь бы заказчик платил!

Французская писательница Эдмонда Шарль-Ру в своем романе «Забыть Палермо», рассказывая об американских похоронах, так описала убранство покойницы, престарелой секретарши модного журнала: «Ее одели в платье, которого я на ней никогда не видела, оно тесно облегало фигуру и оставляло голым плечо. Лицо было покрыто плотным слоем косметики, бессильной вернуть коже живую свежесть. И еще «ундервуд»... Пишущую машинку поставили Блэзи на живот».

Когда я прочел эти строки, картина, нарисованная Эдмондой Шарль-Ру, мне показалась невероятной. Но вот теперь я получаю самое авторитетное документальное подтверждение, что все это так и делается. Вот как наставительно инструктируют на сей счет будущих работников сферы «обслуживания» покойников авторитетные специалисты Фредерик и Страб в своем учебнике «Принципы и практика бальзамирования»: **«Погребальная церемония — это прием, где усопший является почетным гостем и находится в центре внимания... Плохо приготовленное тело в прекрасном гробу выглядит столь же нелепо, как юная леди, пришедшая в гости в дорогом наряде, но с растрепанной прической».**

Как я уже упоминал, изобретательный Губерт Итон, которому его признательные компаньоны выхлопотали звания доктора наук, доктора литературы, доктора юриспруденции и доктора изящных искусств, первым доказал на опыте, что на похоронном бизнесе можно заработать куда больше, чем на любом другом.

Судите сами. Уже в 1937 году его корпорация только от продажи могил выручила свыше миллиона долларов, а обслуживание и торговля аксессуарами (бронзовые доски с именами покойников, гробы, урны, цветы, сувениры) добавили к этой сумме еще восемьсот тысяч долларов. Неплохо по сравнению с доходами его предшественников, которые за всю историю «Лесной лужайки» заработали двадцать восемь тысяч долларов. Но ведь это было только начало! Уже к 1959 году ежегодно выручка корпорации Итона от продажи могил, обслуживания и торговли аксессуарами превысила семь миллионов долларов. Более свежих сведений я получить не смог, но можно не сомневаться, что за последние десять лет кривая доходов хозяев «Лесной лужайки» поднималась кверху столь же стремительно.

Чего стоят хотя бы такие нововведения: на кладбищах корпорации созданы музеи и магазины подарков. Тонкий знаток психологии потребителя Губерт Итон объяснил, что музеи на кладбищах нужно создать для того, чтобы люди **привыкли** ходить туда «ради образовательных целей, развлечения и удовольствия». Что показывать в таких музеях? Ну, это уж не столь важно; пригодится все, что может заинтересовать туристов: рыцарские доспехи, статуэтки с острова Бали, японские гравюры, несколько писем Лонгфелло и Диккенса, фигурки из нефрита.

Еще одна оригинальная выдумка: Итон сумел убедить соотечественников, что наиболее оригинальный способ сочетаться браком — сделать это опять-таки на кладбище. Первая свадьба в «Лесной лужайке» состоялась еще сорок лет назад, когда Итон лишь начинал раздувать свой могильный бизнес. Реклама и капиталовложения сделали свое дело: сейчас от клиентов нет отбоя.

Мудрено ли, что смерть столь изобретательного Созидателя была воспринята его компаньонами и всеми собратьями по профессии словно катастрофа, превышающая по своему значению землетрясение 1906 года в Сан-Франциско? Сейчас он возведен ими в ранг национального героя и чуть ли не святителя. Правление корпорации опубликовало официальную биографию Губерта Итона под красноречивым названием «Первый шаг на пути к небесам»; ее сочинила хорошо известная в Голливуде писательница Адель Роджерс Сент-Джонс. В молодости она работала репортером в изданиях Херста, потом стала редактором первого в Лос-Анджелесе юмористического журнала. В этом литературном документе сказано: «Сегодня «Лесная лужайка» высится как красноречивый свидетель того, что в душе Созидателя жила вера в господа».

Что верно, то верно: покойник любил поговорить о господе. Правда, его вера носила грубо прагматический характер: он рассматривал бога как своего главного партнера. Выступая на собрании в Ротари-клубе, этот доктор изящных искусств и прочих наук так и выпалил однажды: «Христос в нашем деле — это самая величайшая штука, какая только может приключиться в бизнесе».

Обо всем этом, быть может, и не следовало бы рассказывать так подробно: ну, подумаешь, грабят людей! А кто из капиталистов их не грабит? Небось, военные промышленники наживаются куда похлестче кладбищенских! Но вот что привлекло меня на «Лесную лужайку» и заставило столь внимательно разобраться в делах Губерта Итона и его коллег: оказывается, эти господа и среди своих могильных дел не забывают о политике.

Да-да, представьте себе, американский образ смерти так же, как и американский образ жизни, проникнут заботой о борьбе с коммунизмом, и предприимчивый Созидатель еще в конце сороковых годов затеял на одном из своих новых кладбищ, именуемом «Холмы Голливуда», сооружение колоссального пропагандистского комплекса, целью которого является искоренение пагубных революционных идей.

Когда я сказал Чарльзу Векеру, что нам хотелось бы среди прочих чудес Созидателя поглядеть его знаменитый Двор Свободы, он как-то сразу сник и сказал, что у нас на это не хватит времени: «Холмы Голливуда» находятся далеко от «Лесной лужайки», и мы туда не доберемся. И потом, куда интереснее осмотреть «Холм Распятия», «Воскрешение из мертвых», мемориальный колумбарий и прочие здешние чудеса: ведь «Лесная лужайка», как сказано в книге, «первый шаг на пути к небесам», это «сад, напоминающий вход в Рай, невероятно красивое место, место бесконечного очарования и вечного мира».

Мне и Борису Орехову все это было прекрасно известно, но мы все же настаивали на своем. Тогда наш спутник, исчерпав все ресурсы своего красноречия, сухо сказал, что его рабочий день кончается и он с нами на «Голливудские холмы» не поедет, а если мы без этой поездки обойтись не сможем, то нас проводит туда его молодой сотрудник Дон Робертс.

Ну что же, Дон Робертс так Дон Робертс.

Мы попрощались с почтенным поклонником Шаляпина и Ойстраха и поздоровались с молодым человеком спортивного вида, который пришел ему на смену. До «Голливудских холмов» оказалось совсем не так далеко, как это почему-то казалось мистеру Векеру, и Дон Робертс по дороге туда едва успел нам объяснить, что этот филиал кладбища был введен в строй в 1951 году, что он по размерам вдвое больше «Лесной лужайки» и что покойный Созидатель не пожалел средств на его украшение монументами.

Не теряя времени, мы подкатили прямо к «Двору Свободы». У входа нас встретил бронзовый Джордж Вашингтон (мистер Дон Робертс тут же сообщил нам, что на отливку памятника ушло четыре с половиной тонны бронзы и что его высота составляет семнадцать метров). Затем мы подошли к огромной стене с мозаичным панно, воспроизводящим памятные сцены истории США, начиная от высадки первых переселенцев, прибывших в Америку на корабле «Мэй Флауер» в 1619 году, и кончая подписанием Декларации независимости.

— Это крупнейшая мозаика на нашем континенте,— наставительно пояснил Дон Робертс.— Ее длина сто шестьдесят пять футов, высота — тридцать футов. Всего здесь изображено двадцать пять различных исторических событий. На все это пошло десять миллионов кусочков венецианского стекла.

Под мозаичным панно мы прочли многозначительную наставительную надпись: «Бог дал нам свободу. Народ, который забывает бога, утрачивает эту свою свободу. **Созидатель».**

Слева высилась огромная статуя Христа. Под ней Созидатель тоже оставил надпись: «Источник нашей свободы». Справа... Но справа ничего не было. Дон Робертс молча глядел в землю. Он прекрасно знал, что мы ищем: ведь в руках у меня был старый номер газеты «Лос-Анджелес фри пресс» с фотографией того, что еще недавно находилось здесь, справа от мозаичного панно, и что было сердцевиной всего этого колоссального комплекса.

— А где же Лаокоон? — не вытерпев, спросил я.

Дон Робертс слабо улыбнулся кончиками губ и сказал:

— Мы убрали эту скульптуру в запасник. Видите ли, она вызывала противоречивые реакции у посетителей. Нам пришлось сделать вокруг скульптуры решетку, и мы запирали ее на ночь. Но это было не очень удобно: все равно требовалась охрана. Поэтому в конце концов после смерти Созидателя было решено убрать ее отсюда...

Да, знаменитая скульптурная группа, изображающая Лаокоона с двумя его сыновьями в борьбе со змеями, была воспроизведена здесь с совершенно определенной и ясной политической целью: речь шла о борьбе с гидрой коммунизма.

Для того, чтобы все было ясно даже самому тупому гостю «Голливудских холмов», Итон распорядился обильно оснастить скульптуру надписями: к фигурам Лаокоона и его сыновей были прикреплены таблички: «Вы», «Вы», «Вы», а на хвосте у змеи красовались такие ярлычки: **«Либерализм», «Социализм»** и **«Коммунизм».**

На случай, если бы посетитель все же не уловил бы сущности этого драматического конфликта, под скульптурой был помещен следующий обстоятельный текст, не оставлявший никаких сомнений насчет политических убеждений Созидателя.

«Следующие факты являются результатом исчерпывающих исследований специального отдела «Форест Лоан». Эти факты настолько потрясающи, что мы считаем не только своим патриотическим, но христианским долгом довести их до вашего сведения.

Как разрушается Америка.

Разве Америка отказалась от бога! Или, что еще важнее, бог отказался от Америки!

Эта статуя показывает, к чему приводит ваша апатия. «Либерализм» породил огромное правительство. Это большое правительство породило большой ненужный бюрократический аппарат. Все эти бюрократы нарушают законы о налогах и законы вообще.

Свобода исчезает.

Америка должна всегда бороться с коммунизмом. Но почему наш Верховный суд защищает и поддерживает коммунизм у себя на родине, в то время когда мы боремся с коммунизмом во Вьетнаме за 10 000 миль от Америки!

Нынешние «тоталитарные либералы» в конгрессе не похожи на вчерашних либералов. Все они мечтатели. Лишенные здравого смысла и реального понимания экономики и истории, они напичканы социалистическими идеями и с удовольствием тратят ваши деньги. Грустно говорить об этом, но они составляют большинство в обеих партиях в конгрессе: как в демократической, так и в республиканской. С годами их голоса медленно подрывают Америку.

Коммунисты находятся под такой защитой в Америке, что они нагло выставляют свои кандидатуры на выборах в политические учреждения во многих городах.

Борьба между американизмом и коммунизмом в основе своей сводится к следующему: идея бога противопоставляется идее антибога. «Форест Лоан» не намерен вторгаться в политику, но мы твердо решили отстаивать бога любыми возможными путями.

Для того, чтобы Америка уцелела, вы должны сказать «либералам» обеих партий, что им необходимо изучать историю и экономику. Они должны изменить свой образ мысли и избирательную платформу, если они надеются быть переизбранными.

Проснись, равнодушная Америка, и помирись с богом!»

Корреспондент газеты «Лос-Анджелес фри пресс» Боб Мосс, еще заставший все эти красоты во «Дворе Свободы», так описал реакцию посетителей, глазевших на скульптуру Лаокоона, разукрашенную табличками: «На их лицах застыло изумленное выражение человека, которому только что поставили клизму, когда он меньше всего этого ожидал».

Сейчас этот манифест Губерта Итона до лучших времен положен в архив, но он остался символом веры его единомышленников, которые по-прежнему щедро расходуют на борьбу с коммунизмом свои барыши, нажитые на ограблении соотечественников...

Смущенный Дон Робертс предложил нам заглянуть в роскошный Холл Свободы, высящийся за тем местом, где еще недавно красовался Лаокоон, борющийся с гидрой коммунизма. Из холла доносилась бравурная музыка и усиленный громкоговорителем голос диктора бодро повествовал о важности борьбы за сохранение американского образа жизни— в комфортабельном кинозале, рассчитанном на тысячу двести мест, крутили документальные фильмы во славу Америки.

Я заглянул в зал, он был пуст. В фойе бродили несколько пар туристов. Какая-то девица, одетая в бикини, с любопытством разглядывала в витрине корону, скипетр и державу. «Это точная копия символов власти королевы Великобритании»,— пояснил Дон Робертс. Рядом красовалась точная копия колокола Свободы, который я видел несколько лет назад в Филадельфии... Я не стал спрашивать, к чему больше тяготеют симпатии владельцев корпорации —к короне или к колоколу,—в сущности, это уже не имело значения.

Так выглядит на практике американский образ смерти, представляющий собою логическое продолжение американского образа жизни: все та же безумная погоня за длинным долларом; все та же неуемная страсть к показному блеску; все тот же, возводимый в систему обман ближних, диктуемый неудержимым стремлением нажиться за их счет; и все тот же маниакальный дух антикоммунизма, который пытаются проповедовать даже среди могил.

Поистине убог и страшен духовный мир людей, живущих такими этическими нормами жизни и смерти!..

Город братьев Арзыкуловых

В Таджикистане будет алюминиевый завод. Идет большая стройка. От строек недалекого прошлого она отличается многим. Дело не только в том, что новый промышленный объект республики уникален и по проектному решению и по исполнению. Прошли те времена, когда подобные стройки шли при строжайшей экономии за счет быта. Когда-то это было оправданно. А теперь раньше новых цехов поднялся городок строителей (вы видите его на фотографии).

На сооружении Таджикского алюминиевого работает интернациональный коллектив СУ «Алюминстрой». Тут можно встретить монтажников из Сибири, плотников с Украины, каменщиков из других республик Средней Азии. Для создания такого завода, как таджикский, нужны и знания и опыт. И все это есть у строителей. Работают здесь такие люди, как, например, братья Арзыкуловы. Гулям — он Герой Социалистического Труда — несколько лет назад укладывал бетон в тело плотины ГЭС «Дружба народов», а Назри участвовал в создании Головной ГЭС. Руководит коллективом строителей А. В. Поляков, который восстанавливал Днепрогэс, возводил Каховскую гидростанцию и другие энергетические и промышленные гиганты.

В. МОРОЗОВ
Фото А. Малюгина.

●

Как добыть клад

Кто знает, как долго скрывала бы природа от геологов один из своих богатейших кладов, если бы не помогли гидростроители.

После перекрытия Ангары у Братска уровень реки в устье понизился, и вскоре на обмелевшем месте был найден кусок высококачественной свинцовой руды. Дальнейшая разведка показала, что вода тысячи лет хранила под своей толщей богатое месторождение. Но вот проблема: как добыть подводные залежи? Люди решили так: заставить Ангару впадать в Енисей не там, где она впадает испокон веков, а в другом месте. Правда, для этого пришлось переселить также в другое место строительную площадку одной ГЭС, создать незапланированное водохранилище и прорыть двадцатикилометровый канал. Все подсчитано, все проверено — такие расходы выгодны и вполне оправданны. Осушенное русло Ангары займут шахтеры. Остается добавить, что подобного эксперимента не знала еще ни одна страна.

Ю. ЛУШИН

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЛЕНИНСКОМУ МЕРИДИАНУ

Интервью «Огонька»

ЮЖНЫЕ

Корреспонденты «Огонька» продолжают путешествие по меридиану города Ульяновска. Сегодня наш путь пролег через Астрахань. Рассказывает об этом богатом крае Л. А. БОРОДИН, первый секретарь Астраханского обкома КПСС

Вопрос. Ульяновск и Астрахань — города-родственники. Расскажите, пожалуйста, как город и область связаны с именем Ленина?

Ответ. Ульяновск — родина Владимира Ильича, Астрахань можно назвать его прародиной: здесь жил дед Ленина — Николай Васильевич, здесь родился и учился в гимназии отец Ленина — Илья Николаевич Ульянов. Мы, волжане, никогда не забываем, а при случае рады лишний раз напомнить, что и отец Владимира Ильича и сам он родились на Волге. Гордость миллионов волжан многих национальностей вполне понятна — земляки Ленина! Но это и ко многому обязывает. Так же, как и орден Ленина, которым награждена область в 1967 году.

Итак, великая Волга — первое, что роднит Астрахань с Лениным. Первое, но не единственное. Долгие годы на Косе, на бывшей Казачьей, стоял дом Ульяновых. Совсем скоро на его месте, теперь уже на улице Ульяновых, будет построен мемориальный музей их имени, и дом Ульяновых родится второй раз.

Сам Ленин не бывал в нашем городе, но он всегда с большой заинтересованностью и пониманием относился к нему, высоко оценивал значение Астрахани в обороне молодой Советской республики, в социалистическом строительстве. Известно указание Ильича: «Астрахань защищать до конца». По его декрету еще в 1919 году был организован первый в нашей стране государственный заповедник на просторах Волго-Ахтубинской поймы, носящий сегодня имя Ленина.

А на вопрос анкеты делегата X партсъезда — Какие местности знаете хорошо? — Владимир Ильич ответил: «Лучше других Поволжье». Ленин особой телеграммой сообщал об утверждении натурального фонда для снабжения тех ловцов и рабочих, которые отличились своим трудом на весенней путине, о премировании их продовольствием и предметами первой необходимости — это в самую тяжелую пору жизни Страны Советов.

На любовь и заботу Ленина астраханцы всегда отвечали любовью, стойкостью, самоотверженным трудом. Астрахань не склонила знамен перед контрреволюцией. Преодолели голод и разруху рабочие завода «Товарищ Ленин» и других предприятий. А в день, когда Ильичу исполнилось 53 года, коммунисты Бакалдинского района постановили преподнести Ленину аэроплан, назвав его «Астрахань — Ильичу».

«Астрахань — Ильичу!» — под этим девизом наших отцов все мы, астраханцы, готовимся сегодня к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Вопрос. В истории России многое связано с Астраханью, тут вольница Степана Разина жгла кабальные записи, здесь Петр I строил верфи... А чем славен город у моря Хвалынского сегодня?

Ответ. Южные ворота Волги — так называют астраханцы свой город. Когда-то это было пристанище рыболовных ватаг и матросов, купцов и спекулянтов, сюда, в низовья Волги, бежала босая и раздетая Россия в поисках воли и заработка. Астрахань — город с четырехвековой историей, в которой немало и славных страниц. Сегодня это порт пяти морей, центр богатейшего края, промышленный город. За годы Советской власти объем промышленного производства вырос более чем в 12 раз. Кроме традиционной для Астрахани рыбной промышленности, область имеет теперь машиностроительные и металлообрабатывающие предприятия, предприятия легкой и пищевой промышленности, здесь получили развитие нефтегазодобывающая, целлюлозная и химическая промышленность, а также судостроительная, наши танкеры — праправнуки кораблей, которые рубились по велению Петра I. Астраханцы дают стране пиломатериалы, картон и стекловолокно, соль и плавучие краны.

Вопрос. Но главное-то, наверное, рыба?

Ответ. Да, рыба — главное. Так на Нижней Волге и Северном Каспии было с незапамятных времен, а с мая 1921 года, когда Ленин подписал декрет о развитии рыбной промышленности, старый промысел получил вторую жизнь. В Астрахани построен крупнейший в Союзе рыбокомбинат, после войны возросло значение и морского лова. Неузнаваемо изменились флот, орудия лова, вся рыбная промышленность. Сегодня продукция Астраханского ордена Ленина рыбоконсервно-холодильного комбината экспортируется в 14 стран мира и отгружается более чем в 500 городов страны.

Думаю, что на вопрос о рыбе надо ответить подробнее. Известно, что осетровые — это не только огромнейшее богатство нашей страны, наше национальное достояние, но и монополия Астрахани. Дельта Волги — бассейн уникальный! Здесь две трети мировых за-

ВОРОТА ВОЛГИ

пасов красной рыбы. Почему красной? Так осетра, севрюгу, стерлядь назвали в давние времена за их отличные вкусовые качества. Особенно высоко ценится икра этих рыб. Так что чем выше добыча осетровых, тем лучше для нашей страны. Но тут мы столкнулись с рядом серьезнейших проблем.

В. И. Ленин учил, что развитие производительных сил требует учета множества факторов — исторических, экономических, социальных, наконец, природно-климатических факторов, то есть учета огромного комплекса условий развития той или иной отрасли народного хозяйства. Если «семь раз отмерь, один раз отрежь» — арифметика, без знания которой нельзя приступать ни к одному начинанию, то перспективное развитие производительных сил целого экономического района требует знания высшей математики! Такого своеобразного района, как дельта Волги с ее рыбными богатствами, в мире больше нет. Кому же, как не нам, отнестись к эксплуатации этих богатств по-хозяйски! Так вот, сейчас немало делается для того, чтобы сохранить уникальное стадо осетровых в Нижней Волге.

В Астрахани создан пять лет назад Центральный научно-исследовательский институт осетрового хозяйства. Он проводит широкие исследования по сохранению и увеличению запасов осетровых рыб в Каспийском бассейне. Цель? Довести улов до 500 тысяч центнеров в год. Много ли это? Очень, примерно втрое больше, чем мы берем сейчас. Реально ли это? Ученые говорят, что реально. Столько красной рыбы уже брали в этих местах лет триста назад, так что исторический прецедент есть. Есть и достаточно корма для осетровых. В чем же дело? Почему тревожит нас положение с волжской рыбой? Дело в том, что исключительная ценность ее и доступность, легкость добычи сделали красную рыбу жертвой человека.

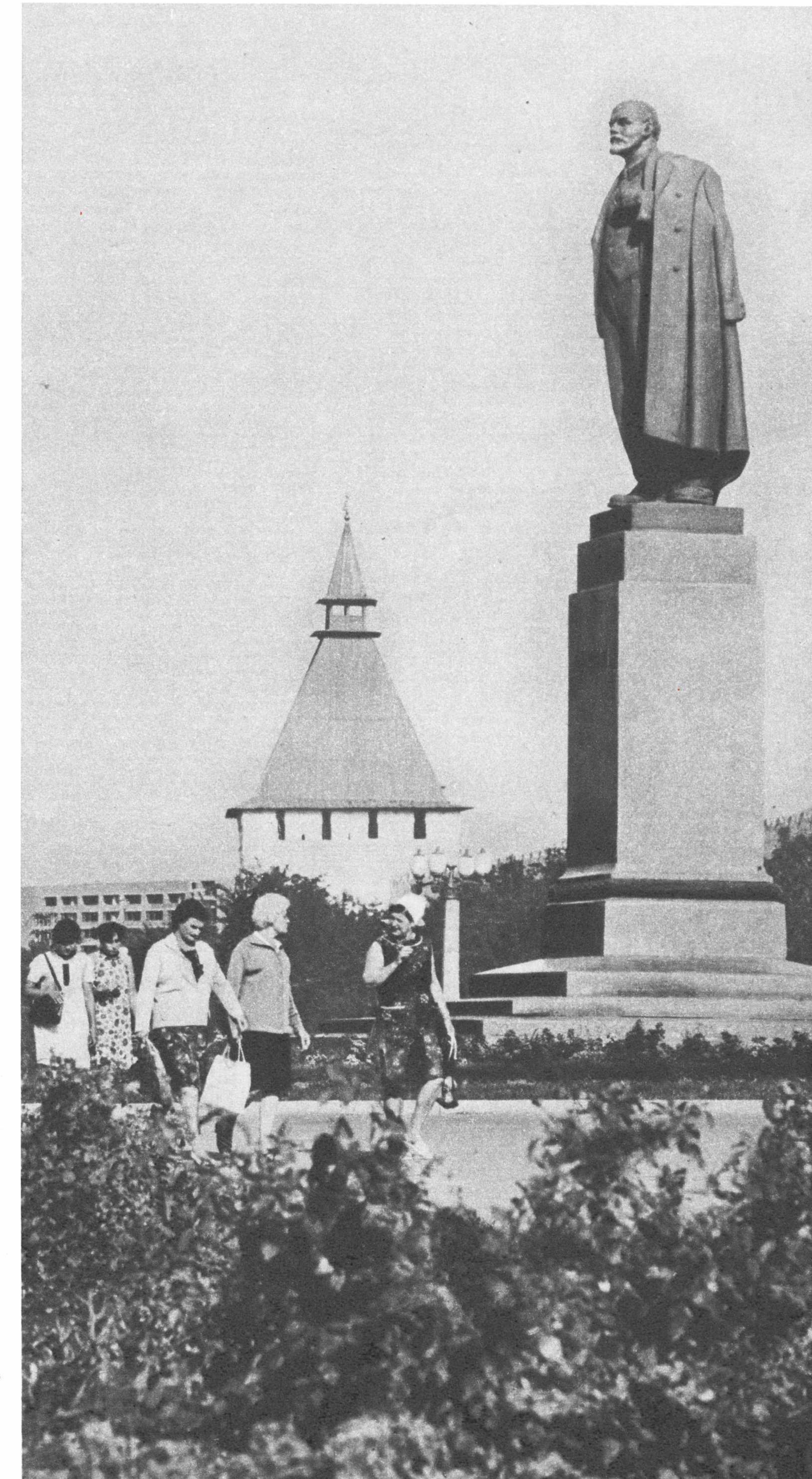
Веками рыбу брали, не задумываясь о судьбе стада. Живут осетровые в море, а в реку, по берегам которой селились тысячи и тысячи ловцов, она приходит лишь в пору нереста. Тут ее и подстерегает бездумный, нерасчетливый лов. Так было, к сожалению, не только в далеком прошлом. Сейчас самое время с помощью науки позаботиться о судьбе осетровых. Ленин настойчиво призывал к внимательному и тщательному ознакомлению с нашим собственным практическим опытом. А наш опыт отношений валового плана с богатствами природы настораживает. Волга не просто река, это живой организм, нарушение его жизнедеятельности ведет, в свою очередь, к нарушению условий жизни обитателей великой реки. Пока не поздно, мы должны одолеть угрозу оскудения рыбных запасов в Каспийском бассейне. «Поправлять с кондачка работу сотен лучших специалистов, отделываться пошло звучащими шуточками, чваниться своим правом «не утвердить»,— разве это не позорно?

Надо же научиться ценить науку, отвергать «коммунистическое» чванство дилетантов и бюрократов, надо же научиться работать систематично, используя свой же опыт, свою же практику!» Так учил В. И. Ленин.

Сто лет назад под Симбирском на Волге академик Ф. В. Овсянников провел первый в мировой практике опыт по искусственному оплодотворению икры стерляди. Это открытие положило начало искусственному разведению осетровых. Даже в годы гражданской войны, несмотря на тяжелую обстановку, в Волгу систематически выпускали личинок севрюги.

С годами масштабы рыбоводства росли. Благодаря усилиям нескольких поколений русских ученых и практиков в стране нашей создана новая отрасль рыборазведения—осетроводство. Ему слово! Уже действуют полтора десятка заводов (шесть, в том числе один экспериментальный,— у нас в области). Для того, чтобы значительно увеличить добычу красной рыбы, надо бы построить еще и еще рыбоводные заводы, благо окупаются они быстро и щедро, доведя их мощность к 1975 году до 170 миллионов мальков осетра, севрюги, белуги. Таковы выводы и предложения ученых из ЦНИИОРХа, надо к ним прислушаться. Без этого, очевидно, трудно будет восполнить недостаточность естественного нереста. Ведь поддержать численность мощного стада легче, чем позже его восстанавливать. Конечно, тут нам нужно помочь.

ЦК КПСС и Совет Министров СССР в ряде постановлений наметили меры по улучшению состояния запасов ценных промысловых рыб (Волга богата не только осетровыми!). Но работы по мелиорации естественных нерестилищ ведутся слабо. Дает себя знать и зарегулирование Волги. Министерство энергетики и электрификации СССР не считается с интересами рыбного хозяйства, нарушает указание директивных органов о ежегодных весенних пропусках воды через плотину Волгоградской ГЭС, а это отрицательно сказы- ▶

У стен Астраханского Кремля.

вается на урожайности молоди промысловых рыб.

Наши общие интересы, интересы государства требуют, чтобы все работы по рыбоводной мелиорации, по строительству осетровых заводов и нерестово-вырастных хозяйств были завершены как можно скорее. У астраханцев есть желание умножить славу рыбной Волги, есть для этого и знания и силы, но явно отстают от требований времени мощности подрядных организаций, а капитальное строительство важных объектов сдерживается. Нужно отметить, что, кроме практических мер для предотвращения оскудения Каспийского бассейна, Астраханский обком КПСС и исполком областного Совета депутатов трудящихся считают необходимым объявить заповедным весь Северный Каспий и дельты рек Волги и Урала для всех отраслей народного хозяйства, кроме рыбной и транспорта.

Вопрос. Но ведь не только рыбой богата Астраханская область?

Ответ. Конечно! Проблематике осетровых я уделил столько внимания лишь потому, что это самое больное наше место. Обилие же воды и солнца давно сделали Астраханскую область как бы всесоюзной бахчой. Правда, развиваются и овощеводство и бахчеводство все еще медленно, а возможности здесь велики. Растут площади орошаемых земель, прибавилось на полях техники. Главное в овощеводстве — это помидоры, наши отличные помидоры. Особую славу у москвичей и ленинградцев завоевали арбузы: астраханцы отгрузили в прошлом году много больше 200 тысяч тонн.

Ну, а последнее наше слово — рис. Да, после майского (1966 г.) Пленума ЦК КПСС в области широко развернулось ирригационное строительство. За три года область получила около 30 тысяч гектаров новых орошаемых земель, из них 14,7 тысячи гектаров засеяно в этом году рисом. С каждым годом астраханского риса будет все больше.

Когда летишь над территорией области, то глаз радует не только мощно разветвленное голубое корневище дельты Волги, но и четкая графика рисовых чеков, сотни и сотни сине-зеленых окон — рукотворных рисовых полей. И это по соседству с песками Прикаспия!.. Они, эти живые, движущиеся пески, постоянно угрожают и великой реке, и самому старику Каспию, и человеку. И все же человек сильнее, пески отступают. Астраханцы сделают все, чтобы не оскудела Нижняя Волга, чтобы сберечь для сыновей и далеких потомков жемчужину России — Понизовую Волгу со всей ее богатейшей флорой и фауной. Это наш долг, долг коммунистов, преобразователей социально-экономического мира и природы.

Все более усложняются отношения человека и природы. Дальнейшее развитие производительных сил, например, в нашей области немыслимо без последовательных, точно сверенных с достижениями науки шагов, без мобилизации всех средств — духовных и технических. Все мы в ответе за все, что делается в стране, за настоящее и будущее Советского государства. Осознать эту ответственность — значит практически, в каждодневных делах следовать учению В. И. Ленина.

Подписал Ленин

Юрий СЕЛЕНСКИЙ

Государственный Астраханский... Заповедное место нашего Отечества. Эти земли, а точнее воды, описаны еще во времена Геродота.

В начале нашего столетия на Нижнюю Волгу устремились стяжатели. Тогда-то и решился астраханский учитель Николай Николаевич Подъяпольский написать прошение на высочайшее имя в защиту фауны и флоры Нижней Волги и Северного Каспия. Царь, под которым уже шатался трон, не счел нужным ответить. А тут грянула революция...

Всегда испытываешь чувство какой-то неловкости, рассказывая об истории создания Астраханского заповедника. Дело в том, что она давно и великолепно описана одним из инициаторов организации заповедника, Н. Н. Подъяпольским. Поэтому куда лучше предоставить теперь слово самому Николаю Николаевичу:

«Утром 16 января 1919 года я, делегат Астраханского губисполкома, был принят А. В. Луначарским на его квартире в Кремле. Выслушав меня, товарищ Луначарский продиктовал своему секретарю следующую, поразившую меня записку: «Дорогой Владимир Ильич! Прошу вас принять и выслушать тов. Подъяпольского, крупного советского работника из Астрахани. Думаю, разговор с ним будет полезен. А. Луначарский».

С того момента, как я услышал содержание этой записки, и до того, как я вошел в кабинет председателя СНК, я плохо помню, что было. Я очень волновался.

Как во сне, промелькнули Кремлевская площадь, пропускной пост, и я разговариваю с В. Д. Бонч-Бруевичем, заведовавшим тогда приемом у Владимира Ильича...

Неловко открываю дверь и вижу: мне навстречу поднимается Ленин...

Спокойный, но пронизывающий взгляд. Беглая улыбка, короткое рукопожатие. После нескольких вопросов Ленин берет привезенные мною бумаги, быстро просматривает доклады об учреждении в Астрахани университета и научно-технического института и предложения об учреждении в Астрахани заповедника. Пока Владимир Ильич читал, я успел присмотреться к нему самому. Вид у Владимира Ильича был плохой, страдания от раны и непосильная работа на обороне и строительстве молодой республики изнучили его.

Ленин высказал одобрение всем нашим начинаниям и, в частности, сказал, что дело охраны природы имеет значение не только для Астраханского края, но и для всей республики. Здесь требуется принять срочные меры.

...К вечеру того же дня нужный проект декрета был готов и на следующий день был доставлен мной Ильичу. Он начинался словами: «Принимая во внимание огромное значение как для современников, так и для будущих поколений заказа или заповедания участков суши, вод и недр земли и ограждения их от всякого вмешательства в жизнь природы со стороны человека и учитывая, что возможность заповедания с каждым годом будет сокращаться в связи с неизбежным расцветом промышленности, Совет Народных Комиссаров постановляет...»

...Вот краткая история рождения одного из декретов, подписанных Лениным. Обратим внимание, что уже 25 января в Наркомпросе состоялось совещание, на котором по заданию Владимира Ильича профессора В. А. Бутурлин, Г. А. Кожевников, Б. М. Жидков и другие ученые разработали в общих чертах план организации заповедных земель по всей России, а эти земли еще только предстояло отвоевать у Врангеля, Колчака, Деникина. Теперь, спустя полстолетия, перечитывая записки покойного Подъяпольского, разделяешь и его волнение и его удивление по поводу того, как безотлагательно и с каким дальним прицелом в будущее решал Ильич и сугубо научные проблемы. Автор записок подчеркивает, что Ленин настоятельно требовал научного подхода к делу.

Проследить в течение многих десятилетий, как будет вести себя девственная природа, огражденная от вмешательства человека, наблюдать ее острейшие противоречия, уметь правильно анализировать их — главная задача заповедников.

Когда-то в Астраханском заповеднике были только два научных сотрудника — ботаник и орнитолог. Сейчас здесь более тридцати исследователей одиннадцати специальностей. В печати опубликовано 13 выпусков научных трудов. Многие работы выходят за рамки узко ботанических или ихтиологических вопросов. Они практически помогают народному хозяйству. Труд В. А. Догеля удостоен Ленинской премии, а ведь большинство исследований по паразитологии ученый провел именно в Астраханском заповеднике!

Примером тесной связи науки с практикой служат и проводимые сейчас исследования и выработка рекомендаций по внедрению новых методов аэробного удобрения рыбоводных прудов. А искусственное рыборазведение? Это единственная открытая дверь в будущее промысла на Нижней Волге. Единственная... Так сегодняшний день властно вторгается в план научной работы. Народное хозяйство требует от науки, в частности от служителей заповедных мест, советов и обоснования хозяйственных начинаний. И ждет предостережения! Особенности почвообразования в дельте Волги, разработка рыбохозяйственных мелиоративных мероприятий, комплексные гидрохимические и гидробиологические исследования — всем этим занимаются научные сотрудники. Заместитель директора по научной части Астраханского заповедника Борис Николаевич Гребенщиков назвал главной задачей на ближайшие годы выявление сущности изменений, происходящих в жизни дельты Волги, получение прогнозов для хозяйственного использования ее богатейших природных ресурсов. А это значит детальный учет всех изменений, происшедших в связи с понижением уровня Каспия, гидростроительством на Волге и промышленным загрязнением водоемов.

У астраханцев бытует поверье: «Кто хоть раз съел сазанью голову, тому на Волге вековать». Не знаю, кто как, но многие сотрудники заповедника, очевидно, съели не по одной сазаньей голове и оправдали шуточное поверье, навсегда связав свою судьбу с этим краем. Не только научные сотрудники, но и лесники, наблюдатели, работники охраны — все это люди, бесконечно преданные природе. Вот что записал в дневнике один из ветеранов заповедника В. И. Доброхотов еще в 1936 году: «Работа персонала заповедника крайне трудна. Непроходимые камышовые крепи, бесконечная сеть ериков и протоков, мириады комаров летом и всюду стерегущие, коварные полыньи зимой, весной и осенью — вот фон, на котором происходит вся жизнь работника охраны. Постоянные объезды на лодках летом, на коньках зимой, а в бездорожье и пешком — труд нелегкий. Если к этому добавить, что каждый из персонала охраны исполняет еще и роль наблюдателя-биолога, то станет ясным, что долго работать на этом посту могут только люди, крепко полюбившие свое дело и беззаветно преданные ему».

Пример беззаветного отношения к делу — вся жизнь Александра Андриановича Нестерова. Ловецкий сын и сам с мальчишек рыбак, отлично знающий взморье, охотник и следопыт, он может гордиться своей трудовой книжкой, в которой, кроме многочисленных благодарностей, только одна запись: «Принят на работу в заповедник в 1934 году». Лесники Влас Федорович Помогаев, Александр Иванович Мещеряков и многие другие трудятся так же самоотверженно, как и Нестеров.

Гранью заповедной на огромных пространствах нашей Родины обведены немногие земли и воды. Тем дороже они нам! Мне пришлось побывать во многих заповедниках, а знаю я только один — Астраханский. Да и знаю ли?.. Дело не в лености ученика, а в сложности урока. Но самое главное из этого урока доступно пониманию каждого патриота Отечества нашего: быть верным ленинскому отношению к природе! Ведь природа еще не исчерпала своей власти, а мы узнали еще не все ее тайны. Под конец уместно вспомнить один поучительный случай. Когда ретивые хозяйственники, у которых скопилось много камышекосилок, но не оказалось камыша, пришли к директору заповедника с просьбой разрешить выкосить камыш на одном из участков, то директор ответил им спокойно: «Декрет о заповедании подписан Владимиром Ильичем Лениным — отменить его не в моих силах...» Заповедник и есть тот святой колодец с вечно живым родником, в который не след плевать. И охранная грамота ему — ленинский декрет.

Астрахань.

Астрахань. Площадь Ленина.

Мальки севрюги.

Фото Б. КУЗЬМИНА.

СВЕРХУ ВНИЗ:

- **Научные сотрудники Астраханского заповедника С. Чернявская и Г. Русанов.**
- **Колония бакланов.**
- **Лебеди.**

Поселок Дамчик.

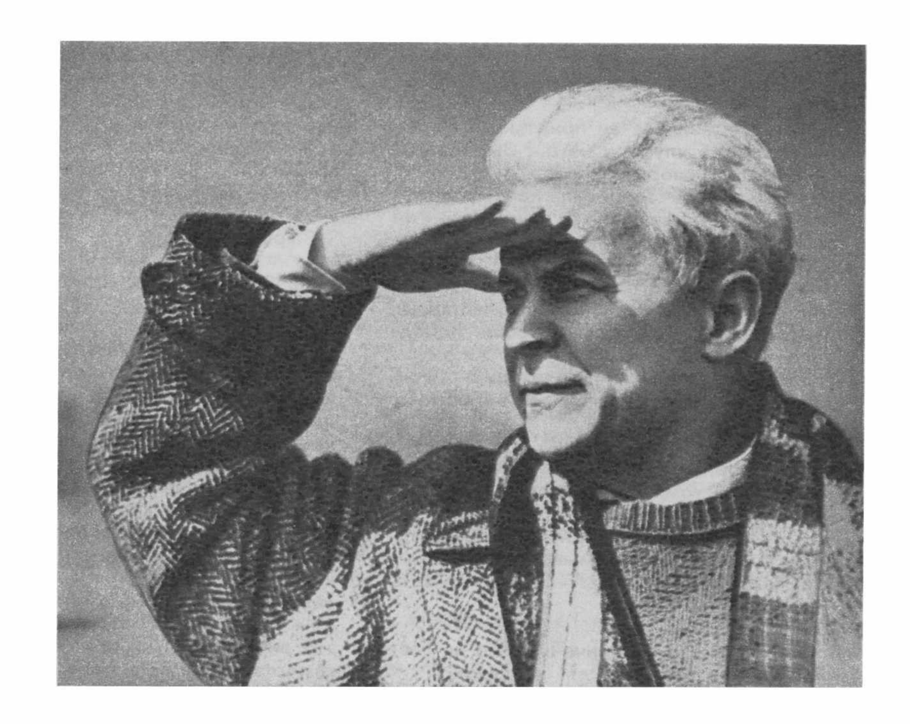

Рыбак колхоза «Рассвет» Александр Акимов.

Астраханский заповедник. Вечер.

Законы Довженко — законы красоты

Исполняется 75 лет со дня рождения одного из основоположников советского киноискусства, Александра Петровича Довженко. Имя огромного художника неразрывно связано с рождением и становлением кинематографа как искусства. Его картины — в числе лучших классических произведений мира.

К юбилейной дате будет окончена работа над фильмом **«Золотые ворота»**. Наш корреспондент встретился с Юлией Ипполитовной Солнцевой, режиссером-постановщиком нового фильма, рассказывающего о жизни и творчестве А. П. Довженко.

Юлия Ипполитовна Солнцева — друг и сподвижник, соавтор и многолетний ассистент Довженко. На свои плечи Ю. И. Солнцева приняла все, что задумал, но не успел доделать великий художник; она закончила начатую Довженко картину «Поэма о море», поставила по его сценарию фильм «Зачарованная Десна», наконец, воплотила на экране великолепный довженковский сценарий «Повесть пламенных лет», который считали трудным для постановки даже крупнейшие специалисты.

Со дня смерти Александра Довженко прошло около тринадцати лет. Но мысли и чувства, заложенные во всех его произведениях — литературных, журналистских, кинематографических,— остаются и поныне художественным открытием. В них — полнота и тонкость проникновения в нашу сегодняшнюю жизнь, в наше нынешнее искусство.

Вот что рассказала Юлия Ипполитовна Солнцева о работе над фильмом «Золотые ворота», посвященным Александру Петровичу Довженко.

* * *

— Когда читаешь записные книжки Александра Довженко,— говорит Ю. И. Солнцева,— удивляешься количеству глубоких и ясных мыслей по отношению к нашей «неповторимой действительности», как замечал Александр Петрович Довженко. Не все мысли он успел высказать в своих работах, много осталось неосуществленного — фильмы, замыслы, планы...

«Я сделал мало фильмов,— не раз повторял Довженко,— моя биография — биография трудная... Я был рассчитан на большее».

Это именно и заставило меня обратиться к записным книжкам Александра Довженко и приоткрыть их,— продолжает Солнцева,— чтобы люди могли до конца понять его, выдающегося художника, чтобы увидели в этом фильме прогрессивного человека нашей современности. Давно уже и далеко ушел он за рамки своей профессии: он был режиссером и писателем, общественным деятелем. Художником в точном и широком понимании этого слова.

Путь у него был трудным, как это всегда бывает у художников такого склада. Но своего отношения к нашей действительности, несмотря на трудности своей биографии, он никогда не менял и всегда оставался верен своим передовым, партийным позициям. Довженко любил свой народ, служил ему и ради него прожил свою жизнь в искусстве. В своих фильмах он всегда отображал действительность, считая это главным и обязательным условием для современного советского прогрессивного художника.

«Темой моего творчества я избрал сегодняшний день,— говорил он,— потому что в сегодняшнем дне нашей неповторимой действительности счастливее всего осуществляются мечты художника».

Жизнь нашей страны всегда была его постоянной темой. Довженко сделал «Землю», предвидя развитие событий в селе. В «Арсенале» он громил шовинизм и буржуазный национализм. «Щорса» он создавал в предвидении войны... «В глубинах космоса» — интереснейший неосуществленный замысел, а ведь он задумывался еще до полета ракеты в космос... Об этом полете Довженко вдохновенно говорил в выступлении на Втором съезде писателей, поразив всех силой творческой фантазии... И, наконец, «Поэма о море» — поэма о наших грандиозных стройках, о большой жизни страны, о том, что было главным в его жизни, в его творчестве...

«Я принадлежу к лагерю поэтическому».

В эти слова А. Довженко вкладывал большой и глубокий смысл. Его вйдение нашей действительности — в поэтическом, добром и обязательно красивом, прекрасном представлении. Действительность Довженко — это поэтизированная, но живая, реальная действительность. Такая, какой он всегда ее ощущал.

Довженко часто вспоминал высказывание Анатоля Франса: «Если выбирать между красотой и правдою, то я выбираю красоту»... «В красоте,— говорил Довженко,— больше глубокой истины, чем в одной лишь голой правде. Истинное только то, что прекрасно». Фильм, который ставит сейчас об Александре Довженко Юлия Солнцева, всем строем своим как бы раскрывает эти слова великого художника. Его творчество — всегда патетичное в самом высшем смысле этого слова — развивалось именно по законам красоты.

Мировоззрение А. Довженко и его мироощущение, его творческие размышления—все то, что было высказано им в течение всей его жизни,— его неизменная партийная позиция в искусстве — все это должно войти в фильм.

Музыке и звуковому оформлению фильма Ю. И. Солнцева придает большое значение. Она говорит, что музыка и звук будут существовать как самостоятельно действующий смысловой компонент картины.

* * *

«Народ избирает своих художников,— говорил Довженко,— для того главным образом, чтобы показать миру, что жизнь прекрасна, что сама по себе — она величайшее благо и счастье. И кажется порой удивительным и жалким, что не хватает у нас ясности духа проникнуться ежедневным ощущением счастья жизни, изменчивого в постоянном чередовании драм и радостей, и потому так много красоты проходит мимо наших очей...»

В фильме «Золотые ворота» не будет актера, исполняющего роль Довженко. Только голос его будет постоянно с нами. Постоянно будет он напоминать нам о том, что экран — это трибуна человека, трибуна художника, ведущего сложный разговор о жизни, об искусстве, о будущем... Довженко как бы сам будет рассказывать о себе, то вспоминая, то оглядываясь на прошлое, будто передумывая пройденный путь, то снова уносясь в будущее, следом за своими мечтами, своими замыслами...

Вот на экране вдруг появится рабочий момент съемок в павильоне. Осветители замерли у своих приборов, кинооператоры — у кинокамер; ассистенты и помощники режиссера дают последние указания артистам. И ко всем, кто только находится в павильоне, ко всем, кто участвует в съемках, обращается голос Довженко:

«...Приготовьте самые чистые краски, художники. Мы будем писать отшумевшую юность свою. Пересмотрите всех артистов и приведите ко мне артистов красивых и серьезных. Я хочу ощутить в их глазах благородный ум и высокие чувства»...

В свое время эти слова были обращены Александром Довженко к съемочной группе фильма «Щорс». В них выражена огромная глубина отношения к творчеству. Довженко, создавая все свои картины, был именно таким, неизменно требовательным к себе и к тем людям, с которыми работал...

Не случайно с этих слов и начинается картина «Золотые ворота», посвященная жизни и творчеству А. Довженко, одного из самых крупных, своеобразных и интересных художников мирового кино.

12.

Вечером, сидя на мягкой кровати, Климов вспоминал.

Когда в последний раз он приезжал в Барышевку на открытие клуба, у него с Зыряновым возник небольшой спор.

Георгий Николаевич спросил, почему самодеятельные артисты взялись за Шиллера — не рановато ли?

Василий на вопрос не ответил.

Из толчеи зрительного зала вышли на воздух. При свете луны, зеленой и блестящей, как молодой лист, неторопливо пошли по одной из аллеек.

— Возможно, рано,— начал наконец Василий.— Профессионально рано. А вообще-то, думаю, что нет.

— Вообще?

И они заговорили о нравственном воспитании молодежи, о том, каким должно быть поколение людей, вырвавшихся в космос.

— Преодолели земное притяжение,— медленно, как бы вслух раздумывал Зырянов.— Здорово! Только хорошо бы человеку суметь такое во всем и всегда...

Климов улыбнулся.

— Боюсь, силы его ограничены. Мне не совсем понятно, как это во всем и всегда!

Зырянов и тут не поторопился с ответом.

— Об этом написано уйма книг. И замечательно написано... У того же Шиллера. Не мне моим серым языком вещать о подобном. Знаю только, что человек космической эры открыл в себе великие силы мужества и ума. Вот к такой высоте надо подтягивать и все остальное.

Подумал и Климов.

— Желательно, конечно, чтобы было так. Только известно, что развитие техники в этом отношении идет впереди. Скажем, мало общего у космической ракеты с римскими колесницами, а вот страсти людские, тысячелетние навыки...

— Во многом все те же,— кивнул Зырянов,— но ведь и это земное притяжение преодолимо!

Климов пошутил:

— Значит, и всем нам в небеса?

Не переспорить Василия ему хотелось, а отвлечь от каких-то тяжелых его дум.

Зырянов не улыбнулся.

— Нет, не в небеса. Задача в том и состоит, чтобы, ни на пядь не отрываясь от грешной нашей земли...

— Что ж. Стараемся... Но прежде всего, помнишь, человека можно сделать человечнее, создав для него человеческие условия. Прости за неточное изложение, но, насколько понимаю, суть мысли передал.

— Оспаривать Маркса не собираюсь. И эта мысль кажется мне одной из самых важных. Знаю, что и условия эти становятся все лучше,— кивнул Зырянов.—Лишь бы не превратилось это в некую самоцель, лишь бы не перекрыл все нейлоново-электронный поток!

— Положим, до потока еще далековато! От иных я уже слышал подобные опасения. Думаю, еще потому, что практически они не знают, что такое, скажем, самая обычная керосиновая лампешка. А пока они еще кое-где у нас чадят, надо сделать все возможное, чтобы поскорее притушил их этот самый прозаический электропоток.

Василий был по-прежнему взъерошен и сердит:

— Не все ли равно: сопрут, допустим, яблоко в темноте или при стосвечовой лампочке? При свете, правда, проделать это труднее. А без иносказаний — техника сама по себе еще не решает!

— Допустим. Но это костяк. Стальной такой костяк. А без него все расплывается в кисель, и кисель этот кто-нибудь с удовольствием слопает! И нелепо противопоставлять технический прогресс моральному,— невольно раздражаясь, ответил Климов.

Они спорили, втайне сознавая, что в чем-то главном сойдутся, что исходная у них одна и та же.

Но Зырянов упрямо вел свою линию.

— О нас говорят, будто мы подобие вычислительных машин, теперь даже признают, что вычислять научились неплохо. А все же машины! Интересно, на какие же счетные или иные кнопки воздействовала музыка, от которой Владимир Ильич порой так расстраивался, что избегал ее слушать?

— Это известно... Музыка его волновала, а приходилось по головкам бить — иначе руку откусят. Так примерно в воспоминаниях Горького?

Зырянов кивнул:

— Мысль эта. Мне важно, что так действовала. Это, конечно, при нужде, не исключает и насчет головок...

Но если под определенным углом просмотреть ленинские работы, сколько же там моральных, что ли, характеристик! Хотя бы о тех, кого приходилось по головкам бить! Тут и лакейские души, и раболепство, и холопство, и комчванство. Один только термин «душа» может взбеленить любого догматика! Если, конечно, не предупредить об источнике,— Зырянов усмехнулся сердито: — И в трудовом народе видел он не обезличенную производительную силу, а говорил о нравственных его качествах — искренности, цельности, свежести, самоотверженности, о героизме.

— Согласен. Представь, тоже обращал на это внимание. Только свежесть, цельность и самоотверженность победили, когда вошли в надежное, крепкое русло. И вело оно не к кустарному самоусовершенствованию, не в немытую каратаевщину, а к созданию для человека человеческих условий!

— Внутренний рост человека не должен отставать от всего прочего. Во всяком случае, не слишком отставать. А ты отставание как бы узакониваешь. Ссылаешься на какие-то исторические колесницы, на тысячелетние навыки!

Василий разгорячился. Волосы упали на лоб, при луне блеснули в них белые нити. Забыв о споре, Климов снова подумал, что надо его развеселить, увидеть старого товарища таким, каким он знавал его когда-то.

— Ведь и ты, Василий, трудишься на общий наш «поток». Разве не так? Клуб-то отгрохали не без твоего же участия? Да еще и сцену из «Коварства и любви» закатили! Луиза такая трогательная.

Он было хотел подробнее охарактеризовать исполнительницу главной роли, но запнулся, а вдруг это та самая, которая...

Как теперь оказалось, она и была та самая Раиса Синицына, с которой так лихо, хотя и не совсем грамотно, разделалось чье-то перо...

Как это не вязалось с ее полудетским обликом, чем-то неуловимым напоминавшим ему Лену!

Наушники проклятые! Клопиное племя!

В последнем разговоре с Василием он не смог сказать ему прямо о том, что ему уже было известно. Прибег к иносказанию: мол, недавно где-то вычитал, что останки блох находят в древнейших сплавах янтаря и существуют они на нашей планете сотни миллионов лет! И тараканы примерно такие же долгожители...

Зырянов неохотно усмехнулся, кивнул:

— Верно, долгожители! Но разве живучесть паразитов кого-нибудь утешает? Что-нибудь объясняет? — Остановившись, он в упор посмотрел на Климова. При свете луны лицо Зырянова казалось особенно бледным.— Но главное, Георгий, даже не в этом...

— А в чем же?

— А в том, что вдруг ты сам в себе почувствуешь... таракана, что ли...

— Какой же в тебе... таракан? — начал было Климов.

— Почувствуешь, а раздавить его у тебя силенок не хватает. Что тогда? — Напряженно, словно судьба его решалась, Василий смотрел из темноты, подсвеченный луной.

— Не такой это страшный зверь,— улыбнулся Климов.— А самокопание никогда к добру не приводит. Да, к счастью, на это занятие у нашего брата и времени нет. Вот ты представь себе: идет армия в наступление, и вдруг каждый солдат в это время начнет раздумывать: всегда ли он был безгрешен в чужом огороде или с слишком уступчивой девушкой,— ручаюсь, сражение проиграно!

— Зато не будет мародеров!

— Мародерство — явление не массовое. И не это решает исход боя,— горячо ответил Климов.

Тут подскочил завхоз Жолудев, от имени Антонины Степановны предложил «откушать, чем бог послал». Бог послал, очевидно, что-то вкусное — лицо Якова Егоровича так и сияло.

Георгий Николаевич отказался. Уже тогда ждали дела: с реконструкцией трех городов области было уже начато. И начато с размахом, уверенно и смело.

Этот вопрос не только увлекал, но и волновал Климова. Его детство прошло в чадном, грязном бараке рабочего общежития. Долго помнил он его драки, пьянство, грязь, матерщину, крыс, что серыми тенями мелькали по полу, а ночью влезали на топчаны, помнил и дикое бабье «пропитье помой»!

Тогда в споре с Зыряновым о личном своем опыте он умолчал: знал, что и Василий рос не в хоромах...

Да и не это в тот час его занимало, а осунувшееся лицо товарища, сумрачные его глаза и явственно проступившая седина.

Тогда же надо было сквозь теоретические рассуждения пробиться к настоящей его и, конечно, нелегкой жизни! Надо!

Валерия ГЕРАСИМОВА

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Климов, словно очнувшись, еще раз осмотрел незнакомую комнату: и голубой абажур на настольной лампе, и ворсистое одеяло, и сургучные сухожилия на анатомической карте, что зловеще выглядывали из-под белой занавесочки.

Осмотрел и неожиданно поймал себя на мысли, что несчастье с Зыряновым могло быть и не совсем случайным. Тогда его, Климова, личная ответственность будет еще больше! Неизмеримо больше!

Что же скажет следователь, который вот уже вторые сутки здесь работает? К какому выводу придет?

Но так или иначе надо сделать все — все возможное,— лишь бы спасти ценную не только для него жизнь!

13.

Лариса притаилась на той же скамейке, где провела ночь Рая.

Девушка исчезла, сказав, что раздобудет ей что-нибудь подкрепиться. А вернувшись с бутылкой молока, передала телеграмму: «Поражен забвением материнского долга. Тчк. Сообщи, где статья. Григорий».

Где статья? В самом деле, где же его статья? Наверно, в суете отъезда куда-нибудь ее сунула... Там было что-то не то об этическом, не то об эстетическом воспитании. Их было много у него, подобных статей. Случалось, Григорий Афанасьевич упрекал ее в недостаточном внимании к его работам. Но, странное дело, когда она заставляла себя хотя бы одну из них прочесть до конца, отдельные слова и даже фразы казались понятными, все же вме-

---

Продолжение. См. №№ 31—35.

сте понять было невозможно. То ли слишком были стерты все эти слова: «растущая активность», «ярко и образно», «творческие искания», «крепнущее мастерство», то ли еще почему?

И вот телеграмма...

Мелькнула мысль: значит, он знает, где она. Откуда? Уезжая, она успела лишь нацарапать на листочке, что вернется сегодня же. И ни слова о том, откуда вернется. А вот уже вторые сутки, как она здесь. И вся ее жизнь — серый куб с зашторенным окном. А ее туда не пускают. Посторонняя.

Посторонняя всем — человеку, от которого у нее дочь, возможно, самой этой дочери, слишком загостившейся в семействе Дьяченко, привычному кругу людей, наверно, подозревающих ее подложность, а главное, самой себе. В этом признаться труднее всего. Не посторонней она была только одному человеку, а к нему-то ее и не пускали! Только с ним никогда не чувствовала она себя посторонней! Он спас ее от проклятого двойного зрения, научил правдиво и просто чувствовать.

Ложь?.. Конечно! Но разве не она со смиренной миной первой написала ему, что хотела бы с ним встретиться и чисто, по-товарищески поговорить? Разве случайно выбрала день, когда муж был в отъезде?

Они говорили действительно в чисто товарищеском тоне: он о своей, новой для него работе, а также о сыне и о хорошей жене; она — о своей дочери и хорошем муже... И все же иное, совсем иное было под их словами и оказалось неотвратимым!

И вот они влипли оба! Чего стоили эти встречи у «надморальной», как не без гордости она себя называла, Изы! Эта чужая прокуренная комнатенка, этот ключ, что оставлялся у соседки!

Наверно, это длилось бы бесконечно, если бы не заботливо пересланная ей зосимовская газетка!

Внезапно вспомнилось странное: вчера, когда шли в Зуевку, Рая как-то невнятно проговорила, что Василий Андреевич себе все во вред делает, и ту газетку она хотела вымолить у своей подружки почтальонши и изорвать, а он узнал и строго запретил, так она и пошла в Москву и по отчетливо надписанному адресу.

Статейка и заставила ее порвать с ним. Она твердо заявила, что навсегда. Не это ли вложило ему в руку гранату? Разве она хотела... Но не все ли теперь равно, кто, как и почему?

Она заплакала и, чтобы никто не застал врасплох, откинула голову, как бы всматриваясь в высокие легкие облака...

Сегодня же она уедет, только вот сейчас, наедине выплачется и уедет! Она плакала о чем-то большом, несовершившемся и уже недоступном, как те далекие перистые облачка, что плыли над нею. Только это большое, к чему она когда-то прикоснулась, уже не возвращалось в прокуренной комнатенке. Не могло возвратиться! Ложь отравляла все! Он несколько раз предлагал покончить с ложью, начать открыто их новую жизнь. Она не соглашалась: есть Муся, ее долг перед ней, перед семьей... Не без лицемерия добавляла, что ведь и у него есть свои обязательства.

И все оставалось по-прежнему — вплоть до грязной статейки. Если же самой себе признаться, она в конце концов переступила бы и через эту статейку и через какую-то Синицыну. И снова потянулось бы прежнее...

Вышло так, что теперь кончено с ложью, но и с ней самой — тоже!

Кто-то подошел к ней, остановился.

Высокий, широкоплечий человек, не похожий ни на врача, ни на педагога. Немного на военного, хотя и в штатском. Он так внимательно смотрел на нее, что она привстала, хотела что-то объяснить.

— Скажите, вы бывали когда-то в южном городке? У моря?

Она удивилась, кивнула.

— А вчера приехали из Москвы... За вами Василий Андреевич послал?

Тон был не враждебный, а скорее доброжелательный, располагающий к откровенности.

— Да, Василий Андреевич сам... он просил, чтобы я...— Голос Ларисы Викентьевны прервался.

— Тогда, я думаю, его волю и надо исполнить.

Лариса испуганно пригладила волосы, поправила смятый воротничок. Сказать, что ее не пускают, не смогла.

Человек, отдаленно напоминавший ей Василия, каким тот был когда-то, протянул ей руку.

— Если хотите, пройдем к нему вместе?

Так и не поняв, кто это, почему знает про южный городок и про Москву, она пошла с этим человеком.

Всмотрелась — благодарно и недоверчиво — и сразу же заметила, что лицо у него точно после изнурительной, бессонной ночи.

Земное притяжение

14.

Мазилов Михаил объявился сам. Объявился, когда Мефодиеву это было уже не очень нужно. И показания почти всех свидетелей, и то, что успел ему сказать сам пострадавший, и, наконец, собственное умозаключение привели его к четкому и простому выводу. Почти девяносто процентов несчастных случаев происходят на почве алкоголизма.

Однако пренебрегать какими-либо новыми данными было не в его правилах — он решил допросить Мазилова.

Кроме того, несколько заинтересовала следователя и сама эта личность, о которой инспектор Гусаков, и не только он один, отзывались далеко не лестно.

Внешность Мазилова не располагала: при взгляде на парня следователю сразу же вспомнилась закрепившаяся за ним кличка «Мазило».

Этот голенастый парень, с разболтанными ручищами, с мочальными вихрами на голове, и впрямь был похож на растрепанную малярную кисть. Жидкой голубизны глаза смотрели скорее всего дерзко.

Мефодиеву сразу же вспомнился и нехороший его рисунок и нежелание принять участие в воспитании эстетического вкуса товарищей.

— Так... значит, побегал? — спросил он, рассматривая парня. Знал, что подобные за словом в карман не лезут.

— Не бегал, а отлучался,—невозмутимо ответил Мазилов.

— Ну, это не мое дело. Товарищ Лакрина — человек опытный, сама разберется. Все-таки пожаловал?

Мазилов, в свою очередь, изучал Ивана Ивановича.

— Разрешите присесть, гражданин следователь?

Не в правилах Мефодиева было чем-нибудь ущемлять свидетеля.

Он указал на стул перед массивным письменным столом.

Это происходило все в том же кабинете заведующей, где велось следствие вчера.

— А вы что же здесь думали, что я в Соловья-Разбойника какого-нибудь перекантуюсь? — спросил Мазилов.

— Что мы думали, это тебе сейчас ясно станет,—оборвал Иван Иванович.— Причина побега?

Мазилов подумал, еще раз внимательно, что-то взвешивая, посмотрел на следователя.

— Начну с другого — с причины возвращения. Узнал, что Спарташке дело клеить начали, и считаю своим долгом...

— Ты насчет «клеить» поосторожней, Мазилов,— по-настоящему рассердился Мефодиев. И даже поймал себя на мысли, что было бы неплохо сбить с мальчишки спесь, предъявив обвинение в соучастии.

Еще вчера он мог бы это сделать с чистым сердцем, но сегодня... И он еще раз не позволил себе сугубо личную оценку.

Только решительно отвел мальчишку от фиглярства.

— Ты здесь, Мазилов, не в кино играешь, запомни! Подали вы со Спартаком боевую гранату Зырянову или нет?

Профессиональный деловой тон подействовал благотворно, Мазилов ответил, не паясничая, просто и деловито: он подтвердил то, что было уже известно следователю. Главное — сделанный им общий вывод.

...Гранату нашли в заросшей траншее — частенько туда со Спартаком лазили,— а тут отвалилась прогнившая какая-то доска — под ней валялась. Что боевая, точно не знали. Как шли, Спарташка все хотел ее сам попробовать... Он, Мазилов, его за руку успел схватить, а то бы обоих разнесло в дым. Следователь промолчал, были свидетели, подтвердившие, что Спартак действительно едва не швырнул гранату перед собой, а Мазилов успел его за руку удержать.

Однако следователю захотелось прощупать Мазилова.

— Далее,— предложил сухо.

— Ну, дальше уговорились со Спартаком передать ее Василию Андреевичу — пусть разберется. И главное, Спартака с отцом помирить хотел. Тот тоже об этом просил, раскаивался, что на ребят донес...

Глаз Мефодиева гвоздил Мазилова.

— Значит, Спартак не хотел — отцу?

Мазилов чуть не подскочил на стуле, словно его ожгло.

— Вот, вот! Это вы Спартаку и клеи... и приписываете...

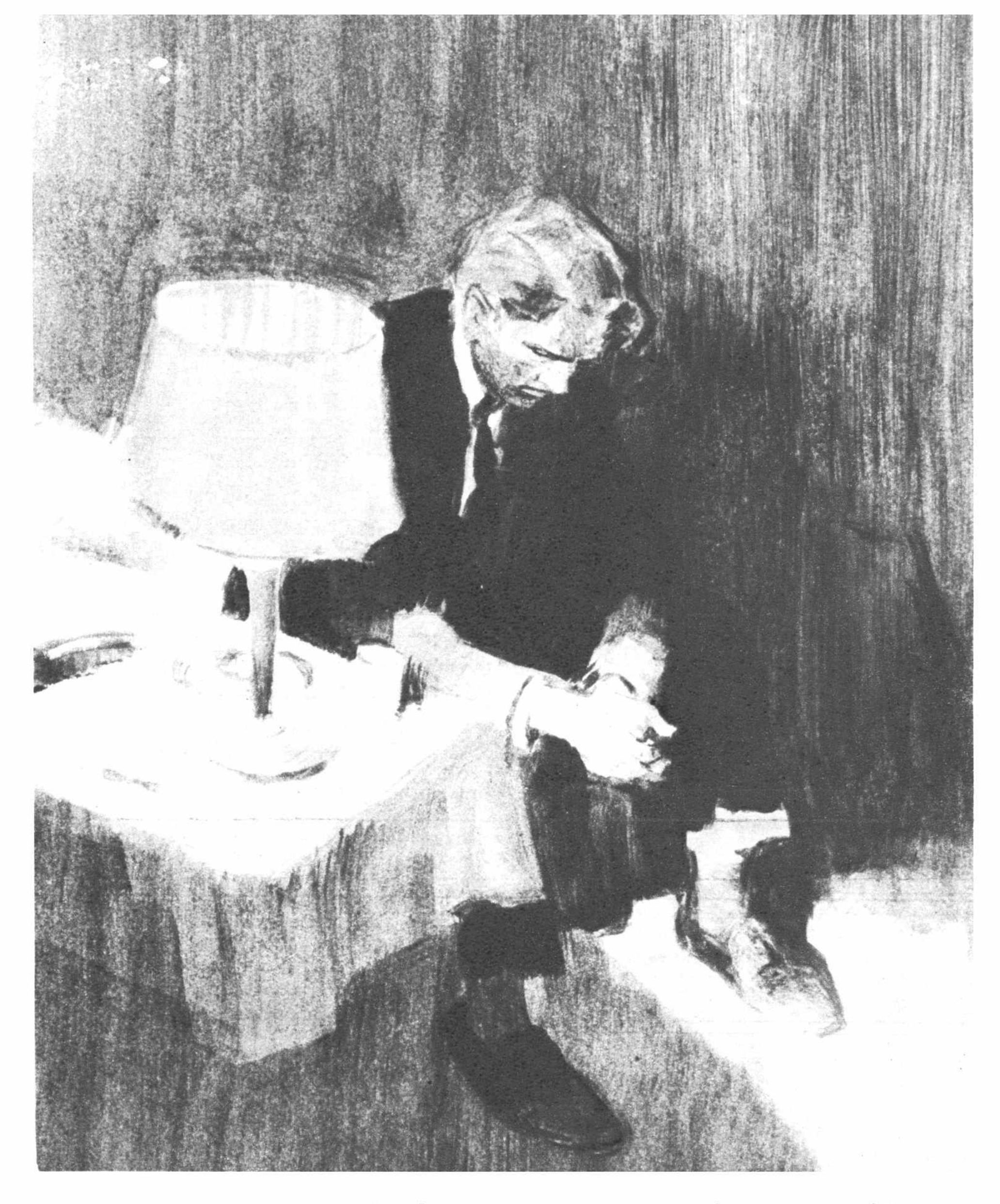
— Приписываем? Да ты что?! — возмутился Мефодиев.—Отвечай кратко: отношения у Лакрина-Зырянова с отцом были нормальные?

Мазилов тряхнул мочальными вихрами.

— Гражданин следователь, а есть ли весы такие, чтобы взвесить в точности, кто как к кому относится?

— Умничаешь. А на моих весах показания есть, что бил его отец.

— Допустим, умничаю, только без умни-

чанья-то и до умного не дойти. Не бил, а однажды потрепал его Зырянов. И за дело.

— Это после пожара?

— Да. На Спарташку мать сильно влияла. Он и донес матери, а она этому... Жолудю, что Зырянов в подвале под клубом ребят укрыл. С того, считаю, все эти «чепе» и начались.

— Про себя ты, Мазилов, считай что хочешь, а мне отвечай про то, что спрашиваю... Со Спарташкой этим вы одним миром мазаны, тот все «нукал». А под конец уперся, как...

Мефодиев себя оборвал, грубостей не допускал никогда.

Мазилов заговорил не сразу.

— А вы зачем на него такое... подозрение? Вы так его оскорбили, что он на такое даже ответить не захотел!

— Затем, что ты фактами обвинение опровергни! Фактами! — строго сказал следователь, хотя уже знал, что Спартак ни при чем. Но этот лохматый парень был ему чем-то любопытен.

— Факты! Бывает, факты, гражданин следователь, сами по себе еще ничего не доказывают! А отца он любил. Может, не выражал, а про себя любил!

— Что же, выходит, больше матери, которая на верный путь его направляла? — с особой заинтересованностью спросил Мефодиев.

— Да. Выходит,— угрюмо подтвердил Мазилов.

— Выходит то, что она вас в узде держала, пакости разные не позволяла мазать... В подвале-то вы не из-за всей этой гадости упрятались? Гротески довели?!

— Вы про мою карикатуру на Гусакова, что ли? Так пусть этот Гусак не подлизывается! А то он ей, она ему.

— Что же это она ему?

Мазилов молчал. Молчал упорно, непоколебимо.

— Выходит, молодой человек, вам нечего ответить?! — Глаз Мефодиева так и вонзился в веснушчатое лицо.

— Есть что. Просто не в моих правилах,— неожиданно пробасил Мазилов. Голос у него, как видно, ломался.

— А чернить людей зазря — в твоих?

Мазилов молчал.

— Может, и пожар Гусаков и Лакрина сделали?

— Нет. Это мы.

— Хороши, художники!

— Нет. В этом мы сволочи,— твердо сказал Мазилов.

— Поздновато ты с самокритикой.

— Да, надо бы сразу Василию Андреевичу сказать, что сволочи. Мы было и пошли...

— Кто же это «мы»?

— Ну, я, Сашка Жигулин, Аленкина Катя, Хазин, Черных... Все, кто там был. Только как представили, как Василий Андреевич на нас взглянет, и не... и не решились.

— А «московской» побаловаться решились?

Мефодиев был давний, убежденный, продумавший этот вопрос до конца враг алкоголя.

Мазилов потупился, ответил не сразу.

— Знаете, гражданин следователь, с себя вины я не снимаю, только как «московская»-то у нас тогда очутилась? На Хазанова ссылаются, а он и сам не знает, откуда бутылка-то... Сгрудились мы, заснули, как маленькие, а уж потом... Смотрим — дар небес! Откудова?

— Так что же, не могли воздержаться? Пересилить себя?

Мазилов твердо повторил:

— Верно, как сволочи.

— Обо всем этом я позже с тобой поговорю. Теперь о другом.

Иван Иванович осторожно подкрадывался к главному вопросу.

— Не замечал ли у Зырянова странностей, заскоков, что ли?

Мазилов уставился на следователя.

— Заскоков? Не замечал...— Подумал, ерша мочальные вихры.— Впрочем, вру, гражданин следователь, один заскок я у него замечал. Только не заскакивал Василий Андреевич, а всех обскакивал...

— Это как?

Мазилов дерзко ухмыльнулся:

— В умственном отношении...

— Большого ума не требуется, чтобы такое сотворить. Тут совсем другое нужно: с белой головкой. Если, Мазилов, ты уж такой прямой, скажи: мог ли человек в полном разуме такое выкинуть? Ну, допустим, нелады в семье, сыну уши надрал или еще какие недоразумения (Мефодиев вспомнил красивую девушку), так не на рожон же лезть? Если каждый так будет...

— Так это — каждый,— подчеркнул Мазилов,— а Василий Андреевич...

— Он что?

— Он... не каждый.

— Особый?! — Подобная постановка вопроса окончательно вывела из себя Ивана Ивановича.—В том смысле, что особая его за собой вела. И довела!

Мазилов точно не слышал.

— Вы лучше скажите, как ему? Надежда есть?

— Эти сведения у врача.

— Мне Зайцомский не скажет. Он у Лакриной прямо как раб...

— «Раб»? Кто честно, добросовестно выполняет свои обязанности, тот, по-твоему, раб, а кто мог и ребят покалечить и сам себя под пьяную муху погубил, тот особенный?

— Да не под мухой он был! — действительно как от назойливой мухи отмахнулся Мазилов. Жест был явно и ненадуманно небрежен.

Вопреки всему гнев Ивана Ивановича остыл. Он внимательно, от плоских ступней до патлатой головы — как некий по-своему интересный экземпляр,— осмотрел Мазилова. Надо признаться, за последние годы подобные ему уже встречались...

— Значит, не веришь? — спросил бесстрастно.

— В душу-то вы ему не залезали...— пробасил Мазилов.

— Так. Не залезал. А что если сам Зырянов мне всю правду выложил?

— «Правда»...— скривился в невеселой ухмылке Мазилов.— Что одному правда, то другому, может, кривда... К каждому случаю надо особо...— начал было он философствовать и оборвался.— Неужто сам? — спросил тихо, жалобно, замигав растерянно. И хотя вымахал с каланчу, стало ясно, что едва ли и до пятнадцати лет дотянул.

Иван Иванович почувствовал нечто похожее на сострадание.

— Неужто сам? — мигая, еще раз повторил Мазилов.

— Плюс свидетельские показания.— Следователь хлопнул по плотной папке.— Скажи спасибо, что в себя пришел, показание дал. От такого поворота тебе с твоим Спарташкой разве не лучше?

Мазилов, опустив голову, смотрел в пол, точно высматривал там правду.

— Не лучше,— ответил хрипло.

Хотя Мефодиева считали лишь буквалистом и, конечно, однотипные гранаты Зырянов легко мог перепутать в том особом состоянии, в котором сам в конце концов и признался, что-то мешало следователю испытывать полное удовлетворение... Запечатлелось в нем и угрюмое горе Мазилы, и нелепый мальчишеский запал молокососа Спарташки, и внушительный, но непреклонный облик его матери, и испуганные глаза той красивой девушки, которую встретил он у клумбы, и шуточки увертливого завхоза, и небезопасные обвинения этого... из района, а главное, чрезмерная готовность, что ли, в кратких и, как видно, последних словах пострадавшего.

Хорошо, что мальчишки не виноваты. И все же было во всем этом деле, как бывало и в некоторых других, нечто, в уголовный кодекс не вмещавшееся, параграфами его не предусмотренное.

Что же это? Все чаще находило на старого следователя раздумье...

И сейчас, проследив за тем, как потерявшая всякий форс сиротская фигура Мазилова исчезла за дверью, старик устало откинулся в директорском кресле.

Нечто схожее с известным ему приступом стенокардии — только более глубинное — неожиданно, но внятно стеснило его грудь.

15.

Было похоже на то, когда далеко-далеко внизу, в прорыве меж облаков, то появлялись,

то исчезали клочки земли. Как часто точно впервые он всматривался в ниточки рек, в густые пятна лесов, в неясные россыпи городов, а иногда в верблюжьи шкурки пустынь.

Теперь от него требовалось напряжение всех сил, величайшее усилие, чтобы видеть и понимать, чтобы не захлестывало небытие. Но с сознанием возвращалась к нему боль, опаляющая боль. И была она не только физической.

О смерти он не думал, поглощенный своей последней и, быть может, самой трудной работой.

Люди, что возникали перед ним в короткие прорывы, ему мешали, хотя он и постигал, что ему помогает делавшая что-то над ним женщина в белом халате (имени ее он не помнил), а также имеет над ним полезную власть и важный старик, тоже в белом.

В один из таких прорывов, когда он четко видел все — от схожей на молнию трещинки в потолке до никелированной спинки кровати,— над ним склонился уже другой, седой человек. Этот был без белого халата, но, как и прежний, имел какое-то большое значение. Прежний старик молчал, занятый чем-то своим, а этот спрашивал... Спрашивал мягко, но очень настойчиво. Трудно было понять: почему с таким упорством? И отчего у него один глаз? Или это только так кажется?

Тут видимый мир обламывался, как кромка льда той полыньи, в которую он провалился когда-то в детстве,— исчезли и эти озабоченные старики и что-то делавшая над ним женщина.

Но даже в те краткие просветы, что возвращали его в зримый, объемный мир, о смерти он не думал.

Он даже не думал о том — возможно, последнем — свидании, которое еще вчера представлялось ему самым нужным и дорогим, которого он так добивался...

Сейчас сквозь прорывы в облачной хмари он пытался думать о том, что, как оказалось, было для него самым важным, самым нужным в жизни.

Ее, свою собственную жизнь, он пытался охватить от края и до края. Проносилось и большое и малое...

То вспоминалось холодное бешенство Катуни, и он, мальчишка, чтобы не унесло, купаясь, хватался за прибрежные ослизлые камни, то слышался шум морского прибоя, и он поднимался по ступенькам в чужой заброшенный дом, где была она, то слышался привычный рокот мотора, и, ослепляя, вспыхивало пламя под крылом... Он тогда в это как бы не поверил...

Также не успел он поверить и в белый взрыв продолговатой, небольшой гранаты, хотя где-то в самом потаенном уголке сознания ждал его, а может быть, и хотел...

В сумрачных, непрощающих глазах мальчика, что протянул ему холодный цилиндрик, он прочел приговор. Под этим взглядом он и положил ее в противогаз, что висел на поясе.

Было в этом и испытание судьбы...

Хорошо, что, уже спустив боек, в долю секунды успел понять, что произойдет, и метнулся за сосну.

Нет, никого... никого... больше никого...

А уж так ли неправ был мальчик? Не был ли сам он когда-то вот таким же непрощающим мальчиком?

По-своему они хорошие, эти непрощающие!

Ведь в нем самом все еще был жив, еще не совсем погиб вот такой мальчик!

Это он неуклонно и внимательно всегда следил за ним и — было ли ему хорошо или плохо — говорил ему только правду. Одну только правду!

Еще можно было обмануть кого-то другого, но не себя! Вот что твердой рукой и привело его туда, за толстый, взметнувшийся щепой ствол...

Да, самое хорошее, что больше никого! Главное — никого!

Было похоже, как тогда, когда вспыхнуло под крылом, потом перебросилось в кабину, а все же дотянул, посадил. И тоже — никого! Уцелели все. До единого!

Это тоже было хорошо.

Всегда, когда делал то, что нужно, было хорошо. И когда пришел в отрешенный старый дом, было хорошо. И когда осветил ее фонариком и остался с ней, было хорошо и даже когда, уехав, ее ждал... Как же он ее ждал! Как ждал!

Казалось, что и потом, в чужой комнатенке, вернется прежнее, незабвенное! Но было уже иное. Совсем иное! И все же и от этого иного было трудно, почти невозможно оторваться. Помогло это... с газетой. Только надолго ли? Снова затянуло бы то, от чего и сейчас невыносимо стыдно!

Заметив, что больной застонал, заметался, медсестра склонилась над ним. Подошел и профессор, блеснув очками, тоже нагнулся.

— Кислород! — приказал отрывисто.

Забытье продолжалось почти час.

Потом сквозь мутное марево снова замелькало что-то не совсем ясное, разорванное, но в этом проступали то отчетливые мысли, то памятные картины.

То задыхаясь и еще не веря, бежит он к заполыхавшему огнем клубу, то возникает отчаянное лицо Мишки Мазилова, то рыдает с опаленными волосами Катя Аленкина, то еще чьи-то в саже и в слезах искаженные лица...

Он им доверился, а они обманули... Самые близкие и любимые. Наглядно и просто подтвердили, чего он сам-то — дурень и разиня — стоит!

Все-таки, кто же притащил ребятам бутылку? Какой дьявол? Нет, не дьявол, а кто-то ловкий, умелый. Только ведь и этого ловкача он должен был предвидеть и ему помешать.

Что же, значит, он где-то парил? В облаках, что ли?

«Шиллеровщина слюнявая!» — отчетливо прозвучал в ушах знакомый хохоток Зайцомского.

Зайцомский... Как выпьет, бывал прям и откровенен.

— Врачишка я никакой. А служить могу... Конечно, кому надо! И за что надо!

Наверно, материалы Гусакову он тоже помогал подбирать. Вместе с этим вором... завхозом. Черт с ним! Что о нем самом — наплевать! Оболгали Раю — вот что больно!

Рая... Тут упрекнуть себя не в чем... Здесь была только чистота. И свет... Чего бы он ни дал, лишь бы счастливой была ее жизнь! Только вряд ли. Незащищенная! Добрая! Словцо-то какое... простенькое, что ли? До-бр-ая... Великое слово!...

А он? Был ли сам таким, каким хотел быть?

Боль, дремавшая там, глубоко, где его тело перехватил широкий бинт, пронзила и пригасила сознание.

Потом снова лица... лица... лица... Умные и глупые, лицемерные и правдивые, сострадающие и злорадные, значительные и плоские...

Одно лицо не то что самое красивое, а уж очень ему близкое. И в хорошем и в постыдном — близкое... Ей надо сказать, обязательно надо: то, что с ним случилось,—это к лучшему! И для него и для нее. Теперь не стыдно... Лариса такая, что поймет... Она сможет понять!

Надо попросить прощения и у Тони... Разве она виновата, что все у них вышло совсем не так, как ей хотелось? А ей, по-своему, хотелось хорошего. По-своему — только хорошего!

Он не знал, было ли это в забытьи или в яви, но ее лицо с суровыми бровями внезапно склонилось над ним: рядом с ней, как всегда, помятое, но сейчас напряженно-сосредоточенное — доктора Зайцомского. Потом снова возник старый человек с одним глазом. Все они чего-то хотели от него.

Больше всего хотел незнакомый одноглазый старик.

Пригнувшись прямо к уху, с прежней мягкой, но непреклонной настойчивостью он снова спрашивал о чем-то...

И под напряженными, ждущими взглядами смертельно раненный вдруг понял, что от него требуется. Понял также, что сможет принести этим людям что-то очень им нужное и даже хорошее.

Впоследствии этот ответ, в силу его вполне объяснимой невнятности, толковался по-разному, суть же не подлежала сомнению.

Последние слова Зырянова были: «Был пьян», или же: «Я сам»...

Окончание следует.

КТО ПОЕДЕТ НА КУБУ

Их будет 16 — победителей конкурса, который организует журнал «Куба». Главный приз конкурса — поездка на Кубу летом будущего года. Одним из шестнадцати счастливых можете стать вы. Что для этого нужно? Познакомьтесь с условиями конкурса, которые опубликованы в августовском номере журнала «Куба» за этот год. Если вы внимательно читали этот журнал — он издается уже 5 лет на испанском и русском языках агентством Пренса Латина,— то вы сможете там найти ответы на вопросы конкурса.

Вот эти вопросы:

1. Какое событие получило название «Клич Демахагуа»? Когда оно произошло и какое историческое значение имеет?

2. Какое событие произошло на Кубе, когда скончался В. И. Ленин? Как почтил кубинский народ память великого вождя Страны Советов?

3. Когда и кем было предложено превратить остров Пинос в первый коммунистический район на Кубе? Какие факторы при этом учитывались? Какие изменения произошли на острове Пинос за это время?

4. Назовите кубинских спортсменов, получивших медали на XIX Олимпийских играх в Мехико. Укажите вид спорта и результаты.

5. Каковы планы в области животноводства, направленные на улучшение и увеличение поголовья скота на Кубе?

6. Каким важным актом была отмечена на Кубе 99-я годовщина со дня рождения В. И. Ленина? Как будет отмечаться 100-летие со дня рождения великого вождя? Какая намечена программа проведения торжеств в ознаменование этой даты?

7. В чем заключается универсализация университетов на Кубе? На каких принципах основана универсализация и какие цели она преследует?

8. Назовите имя выдающегося кубинского революционера, который вплавь добрался до советского парохода «Вацлав Воровский», прибывшего на Кубу в августе 1925 года. Расскажите подробно об этом факте.

9. Кто из кубинских революционных руководителей выступил в ноябре 1964 года в Москве на торжественном заседании, посвященном созданию Общества советско-кубинской дружбы? Процитируйте несколько фраз из этого выступления.

10. Какую роль сыграла женщина в истории Кубы? Назовите имена нескольких женщин и укажите, в чем их заслуги.

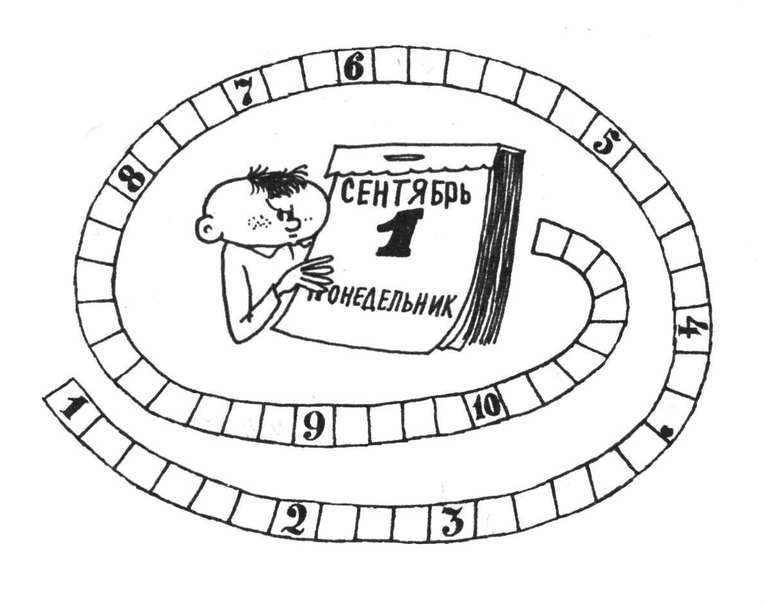
11. Какая задача поставлена перед кубинской сахарной промышленностью в 1970 году? Какие меры приняты в сельском хозяйстве и промышленности для достижения намеченной цели?

Участники конкурса должны направлять ответы на вопросы с пометкой «Конкурс журнала «КУБА» по адресу: Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 21, издательство «Прогресс», редакция журнала «Куба». Адрес и фамилия отправителя должны быть указаны четко.

Письма с ответами должны быть отправлены до 30 апреля 1970 года. Результаты конкурса будут известны 31 мая, а победители конкурса смогут совершить поездку на Кубу в течение июля 1970 года.

Премии будут распределены следующим образом: 16 ПОЕЗДОК НА КУБУ — 2 человека от РСФСР (учитывая многочисленное население этой республики) и по 1 человеку от каждой из остальных республик. ПООЩРИТЕЛЬНЫЕ ПРЕМИИ: 6 премий на РСФСР и по 3 премии на каждую республику.

При составлении ответов на конкурсные вопросы участники конкурса могут пользоваться номерами журнала «Куба», издающегося с сентября 1964 года.

ИЗОЧАЙНВОРД „ШКОЛЬНЫЙ"

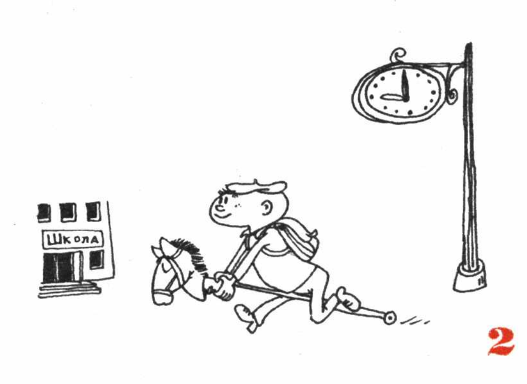
Этот изочайнворд придумал и нарисовал художник Е. Шабельник.

Отгадайте подписи к рисункам и внесите их в клетки. Последняя буква первого слова должна быть первой буквой второго и т. д.

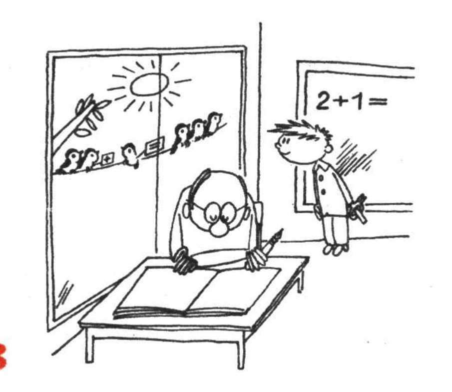
Фамилии читателей, первыми приславших правильные ответы на изочайнворд, будут опубликованы в журнале.

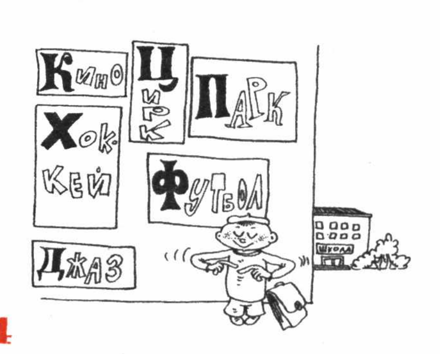
1

2

3

4

5

6

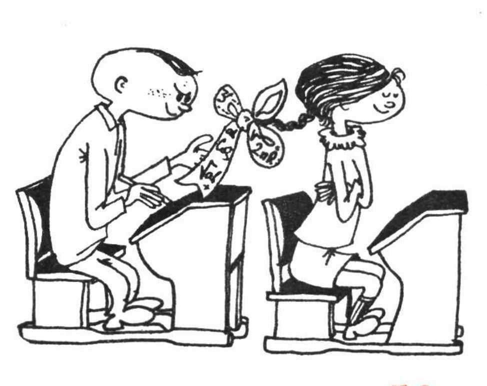
7

8

9

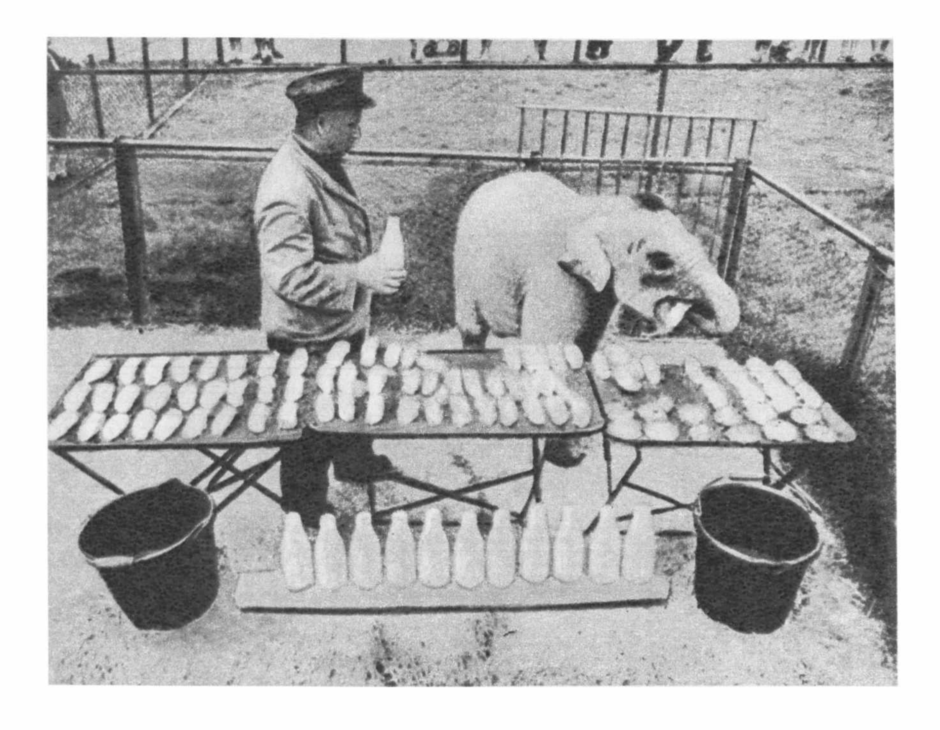

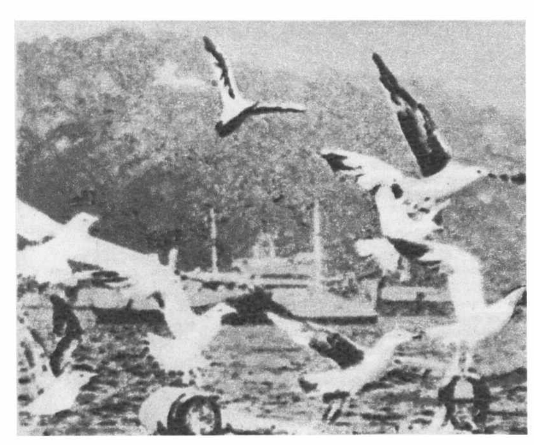
10

Ответы на изочайнворд, напечатанный в № 33.

1. Мираж. 2. Жара. 3. Адрес. 4. Сервис. 5. Синоптик. 6. Костер. 7. Реклама. 8. Азимут. 9. «Тишина». 10. Автомобилист.

ПЕРВЫМИ ПРАВИЛЬНЫЕ ОТВЕТЫ ПРИСЛАЛИ: А. Н. и Н. Я. Константиновы, Г Кручинина, С. Стенли, Л. Баландина, семья Мартыновых, Л. А. Лавровская, Н. Я. Вишневская, Г. Е. и А. В. Кондратьевы, Ю. А. и Л. Г. Ивановы, В. Н. Абрамов, В. И. Субботин, Ю. Н. Иванова, М. А. Кацович, Л. К. Логвинчук, Л. и Ф. Аксельруд, М. В. и Н. А. Минеевы, И. М. Мадгазин, И. Ф. и Н. Д. Кудленко, В. С. Мараховский, Д. С. Назаров.

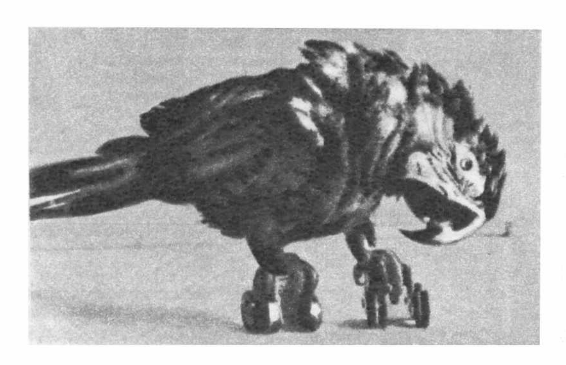

НА МОЛОЧНОЙ ДИЕТЕ

Слоненок Лулу из Честингтонского зоопарка (Англия) с самого рождения отказался есть овощи и фрукты. Его любимая пища — хлеб и молоко.

МСТИТЕЛЬНЫЕ ЧАЙКИ

Этот случай произошел в Швеции, недалеко от Стокгольма. Рассерженный назойливостью чаек, охраняющий питомник лососей сторож открыл пальбу по птицам. На следующий день огромная стая чаек, словно по команде, обрушилась на защитную сетку и пробила ее. Затем птицы набросились на сторожа, и тот спасся от них бегством.

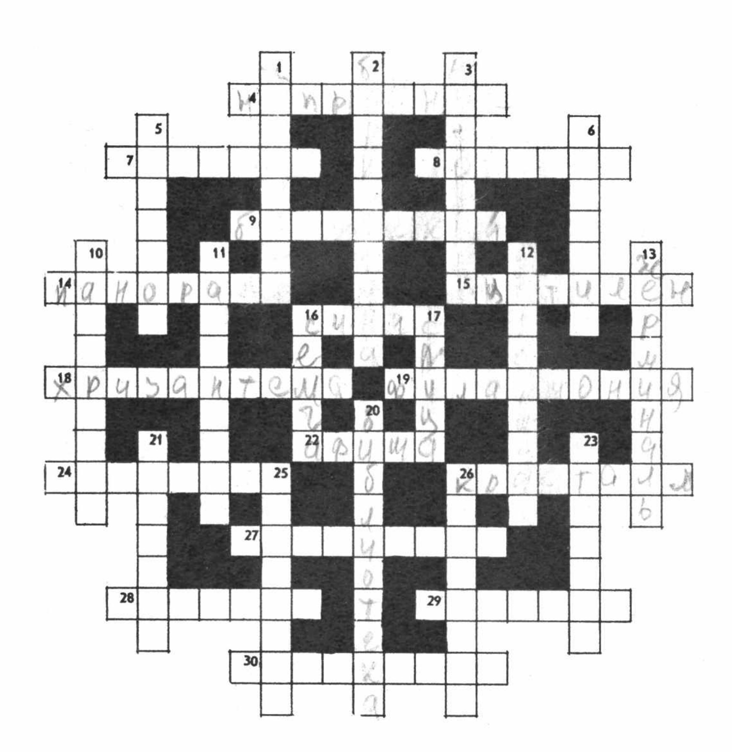
ПОПУГАЙ-КОНЬКОБЕЖЕЦ

Американский цирковой артист Генри Смит научил попугая по кличке Коко делать сальто на проволоке и виртуозно кататься на роликовых коньках.

ВОРИШКИ

Один западногерманский фермер был в недоумении: почему его корова дает так мало молока? Вскоре секрет открылся. Молоком питались гуляющие по коровнику поросята.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Автор оперы «Дубровский». 7. Степная рысь. 8. Химический элемент. 9. Русский литературный критик и публицист. 14. Вид местности с высоты. 15. Горючий газ. 16. Тригонометрическая функция. 18. Цветок. 19. Концертная организация. 22. Объявление о спектакле, лекции. 24. Птица отряда куликов. 26. Твердое тело, имеющее форму многогранника. 27. Река в США. 28. Симфония П. И. Чайковского. 29. Государство в Европе. 30. Персонаж поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души».

По вертикали: 1. Испанский народный танец-песня. 2. Морское грузовое парусное судно. 3. Учение об ораторском искусстве и красноречии. 5. Крепостное укрепление. 6. Советский конструктор авиационных двигателей. 10. Вид изобразительного искусства. 11. Памятник древнерусской литературы XIV века. 12. Оформление театральной сцены. 13. Роман Э. Золя. 16. Лососевая рыба. 17. Часть колеса. 20. Учреждение для хранения и выдачи книг читателям. 21. Спутник планеты Сатурн. 23. Первый чемпион мира по шахматам. 25. Картина В. Г. Перова. 26. Балет Л. Делиба.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 35

По горизонтали: 5. Барма. 8. Рояль. 9. Кабардинка. 10. Букса. 12. Камин. 14. Портленд. 16. Гафуров. 17. Толокно. 18. Рангоут. 20. Саратов. 21. Анаконда. 22. Старт. 25. Данко. 27. Поликарпов. 28. Фауна. 29. Артек.

По вертикали: 1. Тарту. 2. Такса. 3. Франк. 4. Клещи. 6. Макаров. 7. Диалект. 11. Капабланка. 13. Магнитофон. 14. Парабола. 15. Делакруа. 19. Транзит. 20. Санкуру. 23. Тираж. 24. Топаз. 25. Диван. 26. Купер.

На первой странице обложки: В Софии праздник.

Фото Ю. Кривоносова.

На последней странице обложки: Болгария. Город Пловдив, территория ярмарки. Хороша болгарская клубника!

Фото Г. Копосова.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление Л. ШУМАНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

А 00395. Сдано в набор 19/VIII-69 г. Подп. к печ. 2/IX-69 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 100 000 экз. Изд. № 1667. Заказ № 2372.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

— Ваш самолет вылетел в 8.00

«Производится посадка на рейс...» Удивительно приятны эти слова. Позади билетные хлопоты, волнения, ожидания, впереди полет.

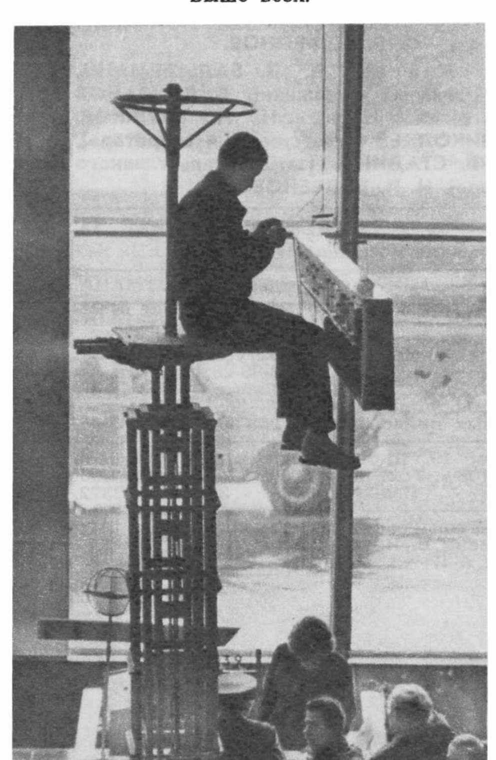
Будни Аэрофлота. Беспокойные и напряженные. Заглянем за кулисы Центрального аэровокзала столицы, туда, куда «посторонним вход воспрещен» и где царит мир автоматики и электроники.

Нас прежде всего интересует самый волнующий вопрос: как обстоят дела с билетами? Знакомимся с работой ЦББ — Центрального бюро бронирования, откуда все места на самолеты даются кассирам для продажи. Здесь установлены пульты системы информации о наличии мест (СИНМ). Принцип ее действия таков. Диспетчеры устанавливают на пульте кнопки рейсов в положение «есть» или «нет», соответственно загораются зеленые или красные лампочки, и в зале на табло пассажир видит, когда и каким рейсом он может улететь. Такие же пульты, только меньшего размера, установлены в каждой кассе. В результате экономится время пассажира и кассира.

Если на пульте в ЦББ горит слишком много красных лампочек, принимаются меры: заказываются дополнительные рейсы, запрашивают другие города, выясняют, как можно разрядить обстановку.

Беседуем с начальником Центрального агентства Вартаном Семеновичем Симонянцем.

Выше всех!

— Для нас лето — время пик, время отпусков, каникул. Если на городском транспорте только часы пик, то у нас — месяцы.

Число пассажиров каждый год увеличивается примерно на четверть — это многие сотни тысяч людей. Мы же не очень-то пока поспеваем за столь быстрыми темпами роста. Чтобы справиться с таким потоком, начинаем пользоваться многоместными самолетами — уже курсируют «ИЛ-62», скоро к нам придут «ТУ-154», на подходе «ТУ-144», аэробусы вместимостью до пятисот мест. Наша задача — позаботиться и о наземном обслуживании. Без техники здесь не обойдешься. Уже сейчас в Москве работают четыреста авиакасс, но увеличивать их количество до бесконечности нельзя. Систему СИНМ мы подкрепляем установкой у кассиров телефонов с электронным устройством — «Автонабор-24». Набор номера бюро бронирования производится на нем нажатием одной из клавишей. Это заметно уменьшит очереди у касс.

— А как обслуживаются транзитники?

— У нас в стране около трех тысяч аэропортов. И все пассажиры хотят лететь через Москву. Это естественно: каждому хочется побывать в столице. На помощь транзитникам пришла электронно-счетная машина. Наш вычислительный центр, находящийся тут же, в аэровокзале, обрабатывает в день до двадцати пяти тысяч телеграмм о бронировании мест для транзитных пассажиров. При помощи этой машины мы ежегодно изымаем из очередей два миллиона человек: они уже при вылете имеют на руках билет, полностью оформленный для пересадки.

Но это только начало. Сейчас строится электронно-вычислительная система «Сирена-1», которая будет давать исчерпывающие сведения о полутора тысячах рейсов. Не перечисляя всех ее преимуществ, укажу только одно: кассир нажмет кнопку связанного с «Сиреной» пульта-манипулятора, и билетопечатающее устройство выстрелит готовый билет. Остается вписать фамилию пассажира и получить деньги — считанные секунды. Проблема очередей отпадет.

...Производится посадка... А если все-таки рейс задерживается? Тогда пассажиров приглашают в кинозал, а кому там не хватило места, может посмотреть кино прямо в зале ожидания: на четырех экранах идут различные фильмы, главным образом веселые мультипликации. Конечно, для пассажира лучше, чтобы его немедленно отправили в полет, но задержки пока, к сожалению, все же бывают, правда, редко. И ненадолго. И когда вылеты возобновляются, к общему удовольствию, загорается табло: «Производится посадка...»

Техника на службе кассиров.

Ю. КРИВОНОСОВ,
А. НАГРАЛЬЯН

Фото авторов.

Минуты ожидания.

— Хочу лететь на «ТУ».

Начальник Центрального агентства В. С. Симонянц вручает памятный подарок пятимиллионному пассажиру аэровокзала Г. В. Коломейчук.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.